This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

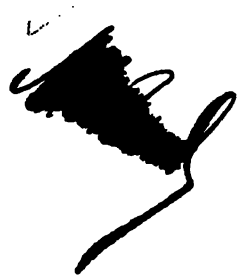
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

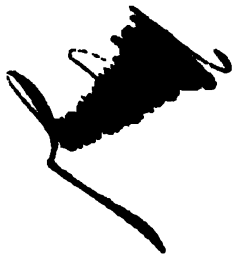
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 25 Января 1849 года.

Цензоръ *И. Срезневскій*.

Nakhimov, A. N.
//

СОЧИНЕНІЯ

НАХИМОВА.

Блеснуть искусствомъ и ни мало не искалъ;
Что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

Арх

PG3337
N2
1849

Цѣна за сочиненія Нахимова, Милонова и Судовщикова
1 *руб.* серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

НАХИМОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

Къ самому себѣ 3

САТИРИЧЕСКІЯ:

Предисловіе къ Россійской Грамматикѣ 11

Элегія 13

Звѣринецъ 14

Отрывки изъ Пурсоніады 20

Рѣдкости, которыя удалось мнѣ видѣть 26

Забавная бесѣда 28

Поэтъ и Математикъ 30

Мерзилкинъ 34

Описаніе славнаго царика 36

Пѣснь Лужѣ 37

Саранча 40

Отрывки изъ письма пріятеля моего, странствовавшаго въ чудесномъ птичьемъ мірѣ 42

БАСНИ:

Живописецъ 49

Орелъ и Стрѣлокъ 50

стр.
Ласточка и Колоколъ 51
Откупщикъ и Харонъ . . . . . —
Море и Рѣка 53
Юпитеръ и Нетопыри 54
Юпитеръ и Фавнъ . . . . . —
Цвѣты и Солнце 56
Молодой Орелъ . . . . . —
Мельница безъ Мельника 57
Разговоръ о Соловьѣ между Дроздомъ и Сорокою . . —
Парикъ и Болванъ 58
Волы и Лошадь . . . . . —
Свинья и Ягненокъ 59
Пчела и Оса 60
Моська и Собака на привязи . . . . . —
Пыль и Алмазъ 61
Желѣзо и Кузнецъ 62
Находка . . . . . —
Дуракъ и Драгоцѣнный камень 63
Барышникъ . . . . . —
Оселъ въ счастіи 64
Демонъ 65

НАДПИСИ:

Суворову 69
Пышному Мавзолею . . . . . —
Неизвѣстному сочинителю 70
Злонраву . . . . . —
Клиту . . . . . —

ЭПИГРАММЫ

Польскому Королю Попелю 73
Тарасу автору . . . . . —
Клиту 73, 75, 80, 85
По случаю списанія портрета 74
Къ Вѣтранамъ . . . . . —
Гуру . . . . . 74 и 84

стр.

Скупягѣ 14
Пигмаліону 75
Къ модным женщинамъ . . . . . —
Кутейкину 76
Къ набѣленной кокеткѣ. . . . . —
Лекарю. . . . . —
Золотой дождь . . . . . —
Ослу-вельможѣ 77
Франту, причесанному à la coq . . . . . —
Фокѣ. . . . . —
Виртуозу Антипу 78
Бомбастусу 79
Весельчаку . . . . . —
Глупону 80
Чортъ и Смерть. . . . . —
Вопросъ Француза и отвѣтъ Русскаго 81
Гораціеву подражателю. . . . . —
Педанту, сочинившему эпиграмму 82
Сновидѣніе . . . . . —
Хрѣноѣду. . . . . —
Подьячему . . . . . —
Глупому стихотворцу 83
Безбожнику . . . . . —
Федулу. . . . . —
Силу. . . . . —
Прекрасному, но глупому мужчинѣ. 84
Танцмейстеру Легкоскоку. . . . . —
Певѣроятный слухъ . . . . . —

ЭПИТАФІИ:

Петру Великому 89
Завоевателю . . . . . —
Надутову . . . . . —
Вельможѣ. . . . . —
Мопсу, погибшему отъ любви 90

стр.
Антипу Виртуозу 90
Ему же . . . . . —
Ему же . . . . . —
Ему же 91
Лекарю . . . . . —
Игроку . . . . . —
Бардусу 92
Одному молодому человѣку . . . . . —
Г. . . . у. . . . . —
Высокоученому . . . . . —

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

На полученіе кандидатскаго достоинства 95
Стихи, по прочтеніи Сумарокова 96
Похвала гусиному перу . . . . . —
Фортуна 97
Къ нѣкоторой шкатулкѣ . . . . . —
Зеркало и Уродъ 98
Сравненіе . . . . . —
Кончина богатаго человѣка 99
Собаки . . . . . —
Къ людямъ 100
Стихи на пути изъ города въ деревню . . . . . —
Цвѣточекъ . . . . . —

ЛИРИЧЕСКІЯ:

Поэтъ 103
Златое время 106
Осень 107
Къ Россіи 109

СВЯЩЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ:

Пѣснь Вѣрѣ 113
Сонетъ 121
Молитва 122

ПРОЗА.

стр.
Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ 125
Историческое и философическое разсужденіе о Блохѣ 133
Словесныя Обезьяны 137
Разговоръ между двумя Мертвецами и Меркуріемъ . 146
Нѣчто объ Умѣ и Просвѣщеніи 153
О Памяти 156
О различіи между Памятью, Воображеніемъ и Разсужденіемъ 159
Взглядъ на просьбу къ Александру I-му. 162
Примѣръ Правительства сильнѣе законовъ 165
Гимнъ Славѣ. 168

МНѢНІЕ О СОЧИНЕНІЯХЪ НАХИМОВА.

—

Сочиненія Нахимова ни мало не похожи на такія, которыя до тѣхъ только поръ и живутъ, пока они на языкѣ у самого автора: въ нихъ видна равная степень изобрѣтательности и отдѣлки. Правда, пороки, которые онъ разилъ, по гнусности своей, разнообразны до безконечности. Но признаться надобно: чѣмъ труднѣе брать ихъ истинно сатирическія стороны, тѣмъ болѣе потребно искусства и остроумія для того, чтобы сдѣлать ихъ пріятными даже тѣмъ, отъ кого они заимствованы, и не оскорбить тонкаго чувства людей образованныхъ. — Нахимовъ успѣлъ въ этомъ совершенно.

Забавно для насъ одно только, именно: многіе, разумѣется, такіе, которые уже не стоятъ *бумаги и чернилъ*, берутъ нѣкоторые отрывки его прямо на свой счетъ. Всякой подумаетъ, что такіе вмѣняютъ себѣ въ честь — видѣть точное изображеніе себя въ печатной книгѣ и еще стихами, да и отмѣнными!

Замѣтимъ для таковыхъ, что *критика*, *сатира* и *пасквиль*, сколько повидимому ни похожи другъ на друга, но разнятся между собою чрезвычайно. Всѣ три имѣютъ въ предметѣ — выставлять недостатки произведеній человѣческихъ; но

Критика показываетъ погрѣшности и ошибки для того, чтобы воспользовался замѣчаніями тотъ, къ кому они относятся. Притомъ справедливый критикъ замѣчаетъ и совершенства.

Сатира показываетъ одни недостатки и остроумно осмѣи-

ваетъ ихъ, не касаясь личности тѣхъ, въ комъ замѣчаются сіи недостатки.

Пасквиль также показываетъ недостатки и осмѣиваетъ ихъ; но тутъ сочинитель указываетъ именно на какое-нибудь лицо. А поелику въ образованныхъ обществахъ всякой такой поступокъ противенъ благопристойности и притомъ вреденъ для описываемаго лица, то такія сочиненія строго запрещаются.

Куда жъ теперь отнесемъ мы сочиненія Нахимова? Конечно, ко второму роду. И смѣшенъ будетъ тотъ, кто превратитъ сатиру въ пасквиль для себя.

(Украинской Вѣстникъ 1816. *N I.)*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Престань, Нахимовъ, злобу свѣта
И жребій свой ты проклинать;
Послушай моего совѣта,
И ты забудешь тосковать.

Судьба тебѣ опредѣлила
Въ семъ мірѣ нѣсколько пожить;
По милости своей рѣшила
Тебя въ число людей вмѣстить.

Такъ сдѣлалось, какъ ей угодно:
Ты чувствуешь, что ты живешь;
Летаешь мыслями свободно,
Сидишь и ходишь, ѣшь и пьёшь.

Чего жъ, безумный, ты желаешь,
И жребій свой за что клянешь;
Тоскуешь, бѣсишься, мечтаешь,
Съ досады волосы дерешь? —

Того ль, что жизнь твоя не вѣчна,
Что будешь ты ничто — опять;

Что дни твои такъ скоротечны,
Всегда что долженъ смерти ждать;

Что ты не созданъ Исполиномъ, *)
Вольтеръ какого описалъ;
Или Аммона **) славнымъ сыномъ,
Предъ коимъ свѣтъ весь трепеталъ;

Сокровищъ Креза не стяжаешь,
Не столь премудръ, какъ Соломонъ,
Не такъ красно мысли выражаешь,
Какъ Демосоенъ, иль Цицеронъ;

Не можешь такъ играть на лирѣ,
Какъ славный Тимоѳей ***) игралъ,
И дерзостно парить въ эѳирѣ,
Какъ нѣкогда парилъ Дедаллъ ****);

Прелестнаго Альцибіада
Что ты не одаренъ красой,
И милой Нимфы нѣжна взгляда
Плѣнить не можешь ты собой;

---

*) Мекромегасъ.

**) Такъ называли Ливійскаго Юпитера. Александръ Македонскій именовалъ себя его сыномъ.

***) Милетянинъ, музыкальный стихотворецъ, процвѣтавшій около 340 года до Рожд. Хр. при Александрѣ Великомъ.

****) Извѣстный аѳинскій художникъ, строившій Лабиринтъ въ Критѣ, въ который и былъ посаженъ первый вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ, но откуда спасся приклеивши крылья къ своимъ и его плечамъ.

Не знаешь свѣтска обращенья:
Задумчивъ, медленъ, нелюдимъ;
Не любишь шумнаго веселья:
Суровымъ кажешься и злымъ;

Что ты совсѣмъ почти нѣмѣешь,
Какъ должно съ дамой говорить,
Подсѣсть подъ бокъ ты къ ней не смѣешь,
Не можешь въ модномъ свѣтѣ жить, —

Не то ли духъ твой возмущаетъ,
И не даетъ покойно спать;
Тебя не то ли заставляетъ
Всегда на жребій свой роптать?

Или, о будущемъ мечтая,
Въ немъ бѣдствія грозящи зришь
И, ихъ всечасно ожидая,
Чрезъ то себя несчастнымъ чтишь?

Оставь мечту сію нелѣпу
И впредь пустого не желай;
Престань въ тоску вдаваться слѣпо,
Печали мнимы презирай,

Судьба, иль Божье провидѣнье
Тебя желало произвесть
Не для того, чтобъ лишь мученье
Тебѣ въ семъ мірѣ перенесть.

Оно премудро, совершенно,
Ты въ томъ увѣренъ долженъ быть,

Законъ Его всенепремѣнной,
Чтобъ творящъ всѣмъ благотворить.

Но слабый смертный не измѣритъ
Путей невидимыхъ Его;
Колеблется, вопитъ, не вѣритъ,
Трепещетъ часто отъ всего.

Затѣмъ-то долженъ ты рѣшиться,
Чтобъ впредь великодушнѣй быть;
И что съ тобою ни случится,
Съ терпѣньемъ всё переносить.

Отъ мнимаго добра прямое
Всегда старайся отличать,
Чтобъ привидѣніе пустое
За счастіе не почитать.

Люби всѣмъ сердцемъ добродѣтель
И мнѣніямъ не вѣрь людскимъ;
Пусть совѣсть будетъ лишь свидѣтель
И мыслямъ и дѣламъ твоимъ.

Достигнуть мудрости старайся,
Себя наиболѣе познай;
Душею къ Богу прилѣпляйся
И къ ближнему любовь питай.

Гнушайся глупымъ суевѣріемъ,
Нелѣпы бредни презирай;
Не пышностью, но просвѣщеньемъ
Себя отъ черни отличай.

Бѣги притворства и обмана;
Боярамъ знатнымъ ты не льсти:
Въ различныхъ орденахъ болвана
Болваномъ, а не богомъ чти.

Хоть лестью то себѣ доставишь,
Что будешь въ лентѣ и съ крестомъ;
Но счастливъ ты чрезъ то не станешь,
Коль счастья нѣтъ въ тебѣ самомъ.

Лишь прямо тотъ блаженъ, кто честенъ,
Находитъ сладость кто въ добрѣ:
Хоть въ мірѣ онъ не такъ извѣстенъ,
Но онъ спокоенъ самъ въ себѣ.

Для добраго нѣтъ бѣдства въ свѣтѣ,
Оно злодѣямъ лишь грозитъ:
Такъ Богъ сказалъ въ своемъ завѣтѣ,
И такъ намъ здравый умъ гласитъ.

Хоть смертныхъ часто обольщаетъ
Богатство, слава, красота;
Но все то гибнетъ, исчезаетъ,
Какъ-будто пыль, или мечта.

Одно добро лишь неизмѣнно:
Его источникъ есть самъ Богъ! —
Когда бъ всегда ты несомнѣнно
Въ сихъ мысляхъ пребывать возмогъ,

Тогда бъ ты счастьемъ наслаждался
Средь самыхъ горестнѣйшихъ дней,

И смѣло къ цѣли приближался
Сей жизни временной своей.

Того смерть только устрашаетъ,
Злодѣйства кто всегда творитъ!
Прошедшее его терзаетъ,
Отрады въ будущемъ не зритъ.

Взгляни на злобнаго Нерона,
Какъ умиралъ ужасно онъ;
Сравни Сократа, Фокіона:
Кончина ихъ . . . пріятный сонъ. —

О семъ, Нахимовъ, ты прилежно
Всегда какъ станешь размышлять,
То будешь мирно, безмятежно
Свою ты жизнь препровождать.

Хотя бы землю съ твердью всею
Грозила бездна поглотить,
Но мужа праваго душею
Ничто, ничто не устрашитъ *).

*) Найдено написанное на печатной книгѣ послѣ первыхъ двухъ изданій при разборѣ библіотеки сочинителя.

САТИРИЧЕСКІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РОССІЙСКОЙ ГРАММАТИКѢ *).

Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой нежъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углубялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ.
Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
Кто рисовать азы способенъ и привыченъ:
Почтенъ отъ всѣхъ такой премудрый человѣкъ,
И передъ нимъ ничто кузнецъ и дровосѣкъ. —
Въ Россіи изстари ведутся грамотѣи,
Преборзые писцы, прехитры крючкодѣи,
Которыхъ длинная, пернатая рука,
Какъ лошадь почтова поспѣшна и прытка.
Реченныя руки подъ гибкими перстами
Плодятся литеры съ различными хвостами.
Писать — велика вещь, достойная трудовъ;

*) Читанное сочинителемъ при началѣ курса Словесности для гражданскихъ чиновниковъ.

Но льзя ль безъ горести взирать на тѣхъ писцовъ,
Которы пишутъ такъ проворно, крючковато,
Да только безъ пути, не ясно, длинновато?
Тарабарщина плодъ ихъ жалкаго пера! —
Подобно до временъ Великаго Петра
Изъ лыкъ сандаліи Чухонцы соплетали,
Однако же они искусства въ томъ не знали;
Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обратилъ,
Чухонскій лапоть вдругъ видъ новый получилъ. а)
Россійской грамотѣ полезно то и нужно,
Чтобъ жить съ Грамматикой всегда въ связи и дружно.
Являютъ опыты, что безъ науки сей
Калѣка, иль слѣпецъ несчастный грамотѣй! б)
Искусно съ глазъ его бѣльмо она снимаетъ;
О, чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ;
Какъ солнце азбука тогда предъ нимъ блеститъ.
Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зритъ
Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
Премѣны дивныя и чудное устройство!
Прозрѣвшій грамотѣй не ощупью идетъ,
Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
«Такого-то писца ужъ всякой понимаетъ!»

а) См. сказаніе о *Петрѣ* Великомъ Якова Штелина.

б) Тупа Ораторія, косноязычна Поэзія, неосновательна Философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики. — *Ломоносовъ.*

ЭЛЕГІЯ.

Восплачь Канцелярістъ, Повытчикъ, Секретарь,
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Лапиты въ горести чернилами патрите
И въ перси перьями другъ друга поразите:
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зритъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябѣдъ истребленьемъ.
Какъ древо сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы! насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ Бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный Дьякъ
И съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ,
Расправился, или переломился крюкъ.
О, солнце! не лишай ты фелиновъ затмѣнья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что! гдѣ Дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда Коллежскому теперь Секретарю.
О, чинъ Ассессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ—навсегда прости любезный чинъ.

Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка.
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ Указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать?

ЗВѢРИНЕЦЪ.

Ученый Усъуръумъ недавно отыскалъ
Предревній манускриптъ на языкѣ еврейскомъ,
И въ оном начиталъ,
Что при царѣ халдейскомъ,
Не знаетъ точно при какомъ,
Жилъ былъ Халдей Салваназарадомъ, —
Не столь о языкѣ французскомъ мы радѣемъ,
Какъ къ скотскому онъ прилежалъ
И такъ въ немъ успѣвалъ,
Что говорилъ съ Ослом, какъ-будто бы съ Халдеемъ.
Кто гдѣ, а нашъ мудрецъ все со звѣрьми:
Съ скотами для него жить лучше, чѣмъ съ людьми.

Лишь только разсѣтетъ, ужъ онъ спѣшитъ въ звѣринецъ
И звѣрю каждому несетъ съ собой гостинецъ:
Иному сѣна пукъ, другому мяса кусъ.
Встрѣчаютъ всѣ его; и Заяцъ тутъ не трусъ;
Къ Халдею Левъ, Тигръ даже льстится!
Одинъ Осёлъ косится:
Не хочетъ раздѣлиться
Съ Козломъ гостинцемъ пополамъ:
Меня равнять козламъ!
Нѣтъ, братъ, хоть я теперь жую траву съ скотами,
Но прежде съ господами
Я кушалъ за однимъ столомъ:
Былъ въ жизни человѣкъ, по смерти сталъ Осломъ!
Я шляхтичь Гургигандрасъ: не смѣй шутить со мною,
Иль формою суда разведаюсь съ тобою! —
Какъ жалко мнѣ, вскричалъ съ насмѣшкою Халдей,
Что прежде не имѣлъ ты длинныхъ сихъ ушей:
Для шляхтича они великая прикраса.
Зналъ я Гургигандраса;
Всѣмъ такать, всѣхъ лизать,
Спину предъ всякимъ изгибать,
Его то было дѣло:
Кто подлъ, на счастье тотъ всегда надѣйся смѣло!
Халдеевъ сей отвѣтъ понравился Козлу,
Онъ, гордо подошедъ къ Ослу,
Такъ заблеялъ, тряся во гнѣвѣ бородою:

Мнѣ низко говорить со шляхтою такою:
Я прежде былъ паша, тотъ дивный Беккоккосъ,
Чей въ свѣтѣ славился огромностію носъ.
Въ сералѣ цѣлый вѣкъ, какъ въ маслѣ сыръ катался,
И съ Хрюхряхрюсомъ лишь въ богатствѣ не равнялся.
«Да, хрюкнулъ Боровъ вдругъ, имѣлъ я съ милліонъ!
—А пользы отъ того? спросилъ сердито Слонъ.
«Та польза, что всегда я былъ ужасно тученъ!
—Да сталъ ли чрезъ тебя другой благополученъ?
«Немного, Слонъ, теперь найдешь глупцовъ такихъ,
Чтобъ думали и о другихъ:
Свѣтъ нынѣшній наполненъ мудрецами....
—Которы, Слонъ взревѣлъ, затопавши ногами,
Достойны быть, какъ ты, свиньями! —
Да ты намъ не указъ! прикрикнула Лиса:
Въ наукѣ жить съ людьми не зналъ ты ни аза,
Хотя великимъ ты министромъ слылъ халдейскимъ; —
Вотъ я-то мудрецомъ могу почесться свѣтскимъ.
Ласкаючись ко всѣмъ съ умильнѣйшимъ лицомъ,
Казалась другомъ всѣмъ и всѣмъ была врагомъ,
Достоинства людей мѣшками измѣряла,
Для пользы и Ословъ хвалами осыпала,
И въ силѣ черезъ то у знатныхъ я была:
Съ тобою, грубый Слонъ, лишь сладить не могла!
Но вашей братіи немного вѣдь въ столицѣ,
Такъ нечего о васъ заботиться Лисицѣ. —

Халдей,
Мохнатыхъ слушая людей,
Дивился —
И порознь каждаго онъ распросить рѣшился,
Въ какомъ кто званіи при жизни состоялъ?
Я былъ Судья, Медвѣдь сказалъ,
И кожу не одну съ невинности содралъ!
Я назывался Ворворворомъ. —
И ты былъ не Судьей, а сущимъ живодёромъ!
Рычалъ великодушный Левъ,
Сверкая взорами, разинувъ страшный зѣвъ. —
—Я протестуюся! вскричала Россомаха:
Смотрите! судія смердитъ уже отъ страха;
Поступкомъ сицевымъ обижена и я,
Понеже въ должности была Секретаря;
Левъ будетъ подъ судомъ по моему прошенью,
И карачунъ дадимъ всему его имѣнью!
—А ты, Волкъ, чѣмъ служилъ?
Халдей у Бирюка спросилъ.
—Я то жъ, какъ и Медвѣдь, присяжный кожъ
сдиратель —
Въ Палатѣ Предсѣдатель.
А ты, Барсукъ?
—Я также былъ приказный крюкъ;
Но не лупилъ людей, какъ-будто бы скотину,
А скромно продавалъ законы по алтыну. —
Ну, ты, Олень, скажи, кто прежде былъ таковъ?
—Я былъ охотникъ люблюпсовъ:
Въ отъѣзжемъ полѣ мать когда звѣрей травила,
Верхомъ меня родила;
И мой отецъ охоту такъ любилъ,

Что въ псарнѣ съ гончими и спалъ, и ѣлъ, и пилъ.
Я также, будучи ихъ одаренъ геройствомъ,
Не славѣ жертвовалъ, но дичинѣ спокойствомъ!
—А ваша честь, кто вы, Сурокъ?
—Разбойничекъ, то есть, картежный я игрокъ!
Тузомъ и двойкою я нажилъ капиталецъ!
—А ты, слѣпой красавецъ,
Кто ты, угрюмый Кротъ?
—Я все: законникъ, волхвъ, философъ, звѣздочетъ,
И словомъ: въ формѣ я ученый первоклассный!
Всѣ мыши и кроты согласны,
Что я былъ чудо-человѣкъ:
Хоть здраво ни о чемъ не мыслилъ весь мой вѣкъ,
Но умеръ, погруженъ премудрости въ пучинѣ;
Въ навозѣ рылся я, въ навозѣ роюсь нынѣ! —
—А ты, почтенный господинъ,
Благочестивый Котъ, какой имѣлъ ты чинъ?
—Я человѣкъ не свѣтскій, но духовный,
По милости Творца, былъ жрецъ верховный;
Былъ образъ кротости, смиренія примѣръ,
Святъ духомъ, но притомъ халдейскій кавалеръ.
Духовную мою трапезу составляло:
Млеко, сыръ, масло, сало.
О стадѣ пекся я по долгу пастуховъ,
Но я терпѣть не могъ Мышей-еретиковъ!
—А ты что скажешь намъ, Баранъ?
—О! я, сударь, изъ столбовыхъ дворянъ.
На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колотилъ въ деревнѣ для забавы;

Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ.
—Ты выслушай меня, вскричала Обезьяна:
Вотъ я-то тварь была преславна
И много обществу я пользы принесла:
Изрядно кушала, изрядно и пила,
Отмѣнно прыгала, кривлялась безподобно,
Играла дамами, какъ шашками, свободно;
Щелкала по носу и знатныхъ я господъ,
Хоть я была ничто, какъ гаеръ иль уродъ,
Достойный забавлять на ярмаркахъ народъ.
Пристойность, правда, стыдъ всегда мнѣ были чужды,
Въ религіи совсѣмъ я не имѣла нужды,
И будучи во всемъ глупѣе Лошака,
Я принимала видъ большого знатока;
Въ искусствѣ льстить слыла великой мастерицей,
Въ обманахъ, въ хитростяхъ поспорила бъ съ Лисицей;
На счетъ другихъ жила пріятно, безъ заботъ,
И словомъ: я была скотина à la mode. —
—Ну, ты, Хомякъ, скажи, ты что былъ за дѣтина?
—Ахъ! государь, я былъ торговый мужичина.
Товаромъ мелочнымъ сперва я началъ торгъ.
Стыдъ, правда, совѣсть, Богъ —
На чисты денежки все это продавалось:
Иной день разъ пятьсотъ божиться мнѣ случалось.
Когда же нажилъ я изрядный капиталъ,

То такъ богобоязливъ сталъ,
Что лишь по старой я привычкѣ плутовалъ:
За доброе, подъ часъ, я продавалъ гнилое,
И бралъ не болѣе какъ впятеро иль втрое.
Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,
Зубъ каждый у купца и даже лавка — воръ!
Не долженъ покупщикъ отнюдь обверткѣ вѣрить:
Готова и она обвѣсить и обмѣрить. —
Молчи, подлецъ, вскричалъ Салваназарадомъ,
Ты счастливъ, сдѣлавшись по смерти Хомякомъ!
Услышь меня, услышь всезиждущая сила!
«О, если бъ ты законъ такой постановила,
«Чтобъ всякой человѣкъ: судья, или купецъ,
«Попъ, воинъ, дворянинъ, ученый и кузнецъ,
«Забывшій совѣсть, стыдъ, законъ, монарха, Бога,
«Передъ зерцаломъ ли, средь царскаго ль чертога,
«Иль въ домѣ собственномъ пируя за столомъ,
«Ко удивленью всѣхъ, сталъ волкомъ иль осломъ,
«Примѣры бъ таковы безумцевъ устрашили,
«И смертные себя и Бога бъ больше чтили. —

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУРСОНІАДЫ.

Изъ первой пѣсни.

1.

Помилуй ты меня, о, Фебъ, парнасскій богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ?
Ахъ! сжалься надо мной чувствительная Муза!
Могу ли я хвалить толь дивнаго Француза,

Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ харчевняхъ;
Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
Гдѣ часто странствовалъ для чорствaго куска,
Гдѣ блѣдная его, голодная рука,
Трясся котомкою, прохожихъ умоляла,
И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала!
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
Потомъ онъ зеклейменъ и сосланъ на галеру,
Но земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
И ссылочный Французъ какъ солнце возблисталъ.

2.

. . . . . .
. . . . . .

Возсталъ Французъ, но ахъ! отъ слабости шатался;
Вотще онъ воздухомъ, какъ манною питался:
Лишь первый шагъ ногой дрожащею ступилъ,
Зефиръ съ насмѣшкою Француза повалилъ;

. . . . . .
. . . . . .

Внезапно выглянулъ изъ ада Велзевулъ,
Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: караулъ!
И къ Гладу такъ вѣщалъ: «о, подлый забіяка!
Вотъ до чего довелъ ты славна Пурсоньяка!

Познай, что сей Французъ мой искреннѣйшій
друг;
Ступай къ нему, ступай скорѣе для услугъ!»
Уродливый скелетъ вооружась клюкою,
Пустился въ дальній путь съ походною сумою;
По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
Гремитъ онъ на бѣгу изсохшими костями,
И челюсть искрививъ, гигантъ стучитъ зубами;
Траву и дерево и корни и цвѣты
Теребитъ, гложетъ, жретъ, глотаетъ все въ пути.
«Возможно ль! онъ кричитъ: я долженъ быть
слугою,
«Вотъ какъ ругается царь адскій надо мною!
«Нѣтъ, Велзевулъ! хотя ты знатный господинъ,
«Но Голодъ въ пеклѣ тожъ имѣетъ знатный
чинъ,
«И родъ мой твоему ни чѣмъ не уступаетъ:
«Почтенна Смерть меня отмѣнно уважаетъ;
«Война сестра моя, а Нищета кума,
«Родная тетка мнѣ сіятельна Чума,
«Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю,
«И часто чудеса творить ей помогаю.
«О, сколь поругана высока честь моя:
«Холопомъ буду нынь у Санкюлота я!
«Хоть долженъ выполнить бѣсовско повелѣнье,
«Но Стиксомъ я клянусь питать къ Французамъ
мщенье.
«И въ помощь пригласивъ Развратъ, Болѣзнь,
Войну,
«Обрушу гибель всю на горду ихъ главу! —

3.

Безумные враги отечественныхъ щей!
Не зрю я въ васъ Славянъ, не зрю богатырей:
Насилу движутся полмертвы ваши трупы!
Оставьте наконецъ вы соусы и супы;
Не Галламъ вы должны, но предкамъ подражать:
Прямою доблестью и пузомъ щеголять.

Изъ второй пѣсни.

1.

На деньги ужасть какъ нечисты духи падки;
Извѣстно, что они всегда любили взятки;
Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
Содралъ съ меня алтынъ на привязи Церберъ.
Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,
Кряхтитъ и кашляетъ отъ радости Повытчикъ,
Облизывается въ восторгѣ Секретарь
И нюхаетъ табакъ приказна мелка тварь.
Проситель корчится; подьячіе гордятся:
Змѣею долженъ онъ предъ гадомъ увиваться,
Просить и кланяться, давать и обѣщать,
Въ трактирахъ подчивать и дома угощать.
Случилось такъ и мнѣ межъ адскими крюками.
Чего не дѣлалъ я предъ подлыми чертями!
Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ:
Давая деньги имъ, кису опорожнилъ;
Но недовольны тѣмъ кургузы оплеталы,
Зачѣмъ, кричатъ, зачѣмъ твои карманы малы?

Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
Отверзлися врата геенскаго дворца:
Въ огнѣ и въ пламени монархъ мнѣ адскій зрится,
Престолъ его въ дыму, какъ ветчина, коптится;
Покрыты сажею порфира и вѣнецъ;
Величество его такъ чорно, какъ кузнецъ.
Отъ роду я не зрѣлъ толь пакостныя рожи!
Прекрасны всѣ его министры и вельможи,
Нарядна гвардія, хорошъ придворный штатъ:
Съ рогами всякой здѣсь, ...

2.

Простерла Мода перстъ—и вдругъ дѣвицы, дамы,
Какъ вѣдьмы стали всѣ съ предлинными хвостами;
Рекла — и волосы нависли на глаза;
Велитъ — и лысина, гдѣ были волоса;
Восхощетъ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся
И будутъ голыя, какъ дикія, таскаться;
Прикажетъ имъ—и вдругъ одѣнутся въ мѣшки,
И вмѣсто чепчиковъ носить начнутъ горшки;
Мигнетъ — и тѣ, что нынь лепечутъ по-французски,
Заквакаютъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

3.

Вдругъ жрица земляка преславна обняла,
И къ русскимъ модникамъ и модницамъ рекла:
«Месьё! кто радости изъ васъ не ощущаетъ?
«Еще кладъ мудрости вамъ Небо посылаетъ!
«Въ Французѣ дивномъ семъ приходитъ къ вамъ Сократъ;

«Какое счастіе для васъ и вашихъ чадъ!
«Къ тому же и его несчастно положенье
«Возбудитъ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнье.
«Французамъ помогать обязанъ Русскій всякъ:
«Кто мыслитъ иначе, тотъ варваръ и дуракъ.
«Только нищіе французскіе почтенны,
«Только бѣдняки россійскіе презрѣнны.
«Невѣждамъ пособлять вамъ Мода не велитъ;
«Хоть Русскій ранами въ сраженіяхъ покрытъ,
«И славно прослужа отечеству полвѣка,
«Въ награду нищій сталъ и жалостный калѣка;
«Хоть жизнь боярскую, имѣнье защитилъ:
«Но если бъ у бояръ онъ хлѣба попросилъ;
«Бояре! вамъ велитъ французско воспитанье
«Плевать на русское израненно созданье!
«Похвальнѣе для васъ Французовъ богатить,
«Чѣмъ грошемъ Русскаго калѣку одолжить.
«Явите щедрость нынь преславну Пурсоньяку!»—
— Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ драку:
Всякъ хочетъ щедростью другого превзойти,
Француза хочетъ всякъ къ себѣ въ домъ отвезти.
Тотъ говоритъ: жалѣть не буду милліона,
Такого чтобъ достать себѣ компаніона!
Иной кричитъ: дѣтей моихъ наставникъ будь!
Въ годъ тысяча рублей и хлѣба триста пудъ.
А третій такъ брюжжитъ: онъ будетъ править мною
И всѣмъ распоряжать, и домомъ и женою.
Не зналъ, что отвѣчать въ восторгѣ Пурсоньякъ.
Доселѣ мнилъ Французъ, что первый онъ дуракъ;

Но нынѣ, окруженъ такими чудаками,
Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
И наконецъ сказалъ, что, мудрость полюбя,
Намѣренъ посвятить въ учители себя!
Простившись съ дьяволомъ, далъ руку Верхолету
И въ грязномъ рубищѣ сѣлъ съ гордостью въ карету.
Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
Въ пути готовился къ учительскимъ трудамъ
И мыслилъ такъ въ душѣ, отъ смѣха помирая:
Россія, подлинно, земля предорогая;
Я чувствую, что здѣсь озолотятъ меня:
Въ Россіи полубогъ — парижская свинья!

РѢДКОСТИ, КОТОРЫЯ УДАЛОСЬ МНѢ ВИДѢТЬ.

Я видѣлъ, какъ скупецъ, мѣшокъ схвативши злата,
На помощь къ ближнему несчастному спѣшилъ,
Съ чувствительной душой обнялъ его, какъ брата,
И слезы горести въ минуту осушилъ.

Я видѣлъ дервиша (турецкой то монахъ),
Который одержалъ побѣду надъ страстями:
Сталъ кротокъ, совѣстенъ, смиренъ, воздержанъ, благъ,
И грѣшный міръ презрѣлъ не словомъ, но дѣлами.

Я видѣлъ мудреца, кой истину любилъ:
Она ему всего была дороже въ свѣтѣ,
Въ бесѣдѣ и дѣлахъ ее имѣлъ въ предметѣ:
Онъ жилъ такъ, какъ писалъ, и такъ писалъ, как жилъ.

—

Я видѣлъ счастія достойнаго любимца —
Прекрасенъ, молодъ онъ, богатъ и знатенъ былъ;
Но въ добродѣтели всю роскошь находилъ:
Забава для него — утѣшить несчастливца.

. . . . . .
. . . . . .

—

Я видѣлъ, какъ одинъ почтенный секретарь
Оправилъ праваго не взявши ни алтына:
Такъ долгъ велитъ, онъ мнилъ; мнѣ платитъ совѣсть, царь,
И вотъ награда мнѣ безцѣнна и едина.

—

Я видѣлъ модника, который для покроя
Терялъ имѣніе и не имѣлъ покоя;
Но вдругъ позналъ, что умъ дороже, чѣмъ кафтанъ,
И выключилъ себя изъ списка обезьянъ.

—

Я видѣлъ женщину во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ,
Которой ветхій мужъ прелестенъ — сѣдинами;
Но на челѣ его еще рогъ не растетъ:
Она вѣрна ему — о, чудо межъ женами!

—

Я видѣлъ, какъ одинъ заѣзжій къ намъ мясникъ
Остался мясникомъ, хотя могъ быть учитель:

Родясь во Франціи, парижскій бывши житель,
Конечно, площадной—французскій зналъ языкъ.

—

Я видѣлъ, какъ лжецы неправдой возгнушались,
Завистники чужимъ блаженствомъ восхищались,
Придворный предъ царемъ душею не кривилъ,
И сильный слабаго не грабилъ, не душилъ.

—

Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастіе вездѣ:
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все. . . . во снѣ!—

ЗАБАВНАЯ БЕСѢДА.

—

«Внемлите горы и лѣса:
«Стремлюсь повѣдать вамъ предивны чудеса. . . .
—Чтобъ ты пропалъ, Риѳмачъ, съ твоими чудесами!
Вскричала Фиркина: ты мучишь всѣхъ стихами.
Прямой парнасскій ты уродъ!
Насильно риѳмами зажать мнѣ хочешь ротъ. . . .
О чемъ бишь, господа, я разсказать хотѣла?
Да! да—вотъ десять дней, какъ я ужъ овдовѣла!
Ну! какъ вамъ нравится печальный мой нарядъ?

Такую вдовушку нельзя не обожать;
Вчера Вертушкину я голову вскружила. . . .
— Убей тебя драгунска сила,
Рубакинъ вдругъ какъ конь заржалъ:
Вралиху глупую сквозь строй бы я прогналъ!
Болтаетъ о себѣ, да о своихъ нарядахъ,
Ни слова вымолвить не дастъ о вахт-парадахъ.
Какъ выступимъ въ разводъ: ну! посмотрѣли бъ вы,
Вдругъ станемъ мы во фрунтъ, стоимъ всѣ какъ столбы.
— — Ей-ей! я знаю все о сицевомъ парадѣ:
Курьёзнѣе у насъ дѣла текутъ въ Палатѣ,
Гортанью хриплою приказный возразилъ:
— Tacendum! грозно мужъ ученый возгласилъ:
Начнемъ бесѣдовать о важныхъ мы предметахъ
О манускриптахъ и кометахъ. . . .
— Мнѣ вашихъ никогда не переслушать врак,
Примолвилъ весельчакъ:
Когда не глупы вы, то всѣ вы очень странны,
И для меня тѣмъ болѣе забавны,
Что всѣ вы любите вранье —
Лишь не чужое, а свое.

ПОЭТЪ И МАТЕМАТИКЪ.

—

ПОЭТЪ.

Не къ Стикса ль мрачнымъ берегамъ
Фантазія меня примчала?
Тѣнь блѣдна, жалкая предстала
Испуганнымъ моимъ очамъ!
Хламидой сильной покровенный,
На стулѣ призракъ сей торчитъ,
И долу черепъ уклоненный
Прозрачнымъ колпакомъ покрытъ.
Огромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
Въ пыли повержена, лежитъ;
Онъ съ грифеля не сводитъ взгляда
И онымъ на доскѣ чертитъ;
Чертитъ — и рожу искривляетъ
Въ досадѣ будто сей скелетъ,
Колпакъ нерѣдко поправляетъ,
Браня притомъ какой-то *зетъ*. —
Конечно, терпитъ онъ отъ *зета*,
И *зетъ* сей, вѣрно, адскій духъ;
Отъ *зета* блѣденъ онъ и сухъ.
Спрошу о *зетѣ* у скелета.
Кто ты — прежалка тѣнь — вѣщай,
Кѣмъ ты на муку осужденна,
Здѣсь къ стулу кѣмъ ты пригвожденна;
Не се ли мрачный ада край? —
Иль здѣсь волшебникъ обитаетъ,

Тебя, обвороживъ, терзаетъ?
Иль Фуріи въ тебѣ живутъ,
Которыхъ *зетами* зовутъ?
Ручьями изъ ноздрей текущій
Табакъ ты прежде оботри,
Потомъ мой духъ, въ сомнѣньи сущій,
Отвѣтомъ удовлетвори! —

МАТЕМАТИКЪ.

Проклятая ты *биномія* —
Ты злобы адской *экспонента*,
О, *куль*, исполненъ ядомъ змія!
Какъ смѣлъ ты поносить мой *зетъ*? —
Всемощный съ *иксомъ зетъ* вѣщаетъ
Задачъ непостижимыхъ тму,
Природы тайну открываетъ,
И все покорствуетъ ему.
Подобно грозному Титану,
Зетъ небо приступомъ беретъ,
И *зету*, лаврами вѣнчанну,
Хвалу вселенна воздаетъ.
Знай, въ вѣчность я на *зетѣ* ѣду —
Я званъ Безсмертіемъ къ обѣду;
Чрезъ *иксъ*, чрезъ *игрекъ* и чрезъ *зетъ*
Я протопталъ къ Олимпу слѣдъ.

ПОЭТЪ.

Хулу скелетъ сей изрыгаетъ!
Въ умѣ помѣшанъ, видно, онъ —
Досадно мнѣ; но пусть болтаетъ:
Не писанъ дуракамъ законъ.

МАТЕМАТИКЪ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣньемъ;
Клянусь *квадратнымъ уравненьемъ*,
Клянусь, что я тебѣ отмщу:
Я тучу *игрековъ* пущу,
Да поразитъ тя пуще грома —
Ужасна, сильна *аксіома!*
Откуда, дерзкій, ты пришелъ?
Меня въ отчаянье привелъ;
Ты помѣшалъ рѣшить задачу;
Съ досады и со злости плачу!

ПОЭТЪ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
Угрозъ ни мало не страшусь.
За *зета* грудью ты вступился,
Чего ты на меня озлился?
Скажи, открой мнѣ наконецъ,
Живой ли ты, или мертвецъ,
Во снѣ ли бредишь, какъ лунатикъ?

МАТЕМАТИКЪ.

Дрожи, о дерзновенна тварь!
И знай, что азъ есмь *чисель* царь,
Искусный, славный Математикъ.
На *иксахъ* мой воздвигнутъ тронъ;
Его съ почтеньемъ окружаетъ
Нулей отборныхъ легіонъ.
Количество меня вѣнчаетъ;
Съ *масштабомъ циркуль* — скипетръ мой!

Ищу я круга квадратуру;
Послушай, не шути со мной.

ПОЭТЪ.

Набрелъ я на каррикатуру!
Забавный для стиховъ предметъ!

МАТЕМАТИКЪ.

Что слышу! — Небо! онъ Поэтъ!
Въ немъ вижу злого супостата,
Отъ коего свирѣпыхъ рифмъ
Трепещетъ робкій *логаривмъ;*
Онъ бичъ и *куба* и *квадрата!*
Я понимаю всё теперь:
Парнасскій этотъ хищный звѣрь
Сатиру хочетъ приготовить;
Онъ будетъ въ ней меня злословить.
Злодѣй! оставь ты мой чердакъ;
Я *иксомъ* заряжу колпакъ
И выстрѣлю какъ изъ мортиры;
Иль *трифель* сей тебя произитъ,
Съ тобою вмѣстѣ истребитъ
Презлобный планъ твоей сатиры!

ПОЭТЪ.

Не въ силахъ я владѣть собой!
Постой, о чучело! постой,
Ступай съ своими ты *нулями.*
Бери съ собою *зетъ* и *икса,*
Гдѣ протекаетъ мутный Стиксъ,
Ступай туда — живи съ чертями.

Схватилъ сынъ Феба за пучокъ
Царя, количествомъ вѣнчанна,
И, давъ ему одинъ толчокъ,
Повергъ на землю бездыханна!

МЕРЗИЛКИНЪ,
или
Русскій выродокъ, превратившійся въ офранцуженную гадину.

Правдининъ! хочешь ты, чтобъ краснами живыми
Я смѣлой кистію тотъ гадъ изобразилъ,
Который красотой и прелестьми своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ поврачилъ.
Въ болотѣ ни въ одномъ, ни въ лужахъ, безъ сомнѣнья,
Нѣтъ твари столько же достойныя презрѣнья,
И въ адѣ молодца такого поискать,
Кто бъ гнусностью его могъ перещеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;
Но какъ же развелись въ ней гадины такія?
Великой матерью могли ль быть рождены
Толь безобразные, уродливы сыны?
Не русская душа, не храбрость въ нихъ геройска,
Душишка мелкая и подлость въ нихъ заморска;
Французчина, какъ моль, поѣла весь имъ мозгъ,

Забытъ къ отечеству привязанности долгъ!
Не честь ихъ движетъ, нѣтъ! ихъ мучитъ то сердчишки,
Чтобъ свѣтъ зналъ, что они французскія мартышки,
На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій примѣръ?
Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?
А какъ прибѣгнуть то жъ къ французскимъ и мамзелямъ,
Которы свѣтъ прошли таскаясь по [illegible]лямъ,
И всяку всячину видали надъ собой:
То нужно ли искать науки ужъ другой?
Тогда женанься, ври, повѣсничай, кривляйся
И надъ невѣжествомъ Россіянъ насмѣхайся,
Которы добрый нравъ и здравый смыслъ хранятъ,
И, что всего глупѣй, по-русски говорятъ!
— Fi donc! какъ варварскій языкъ сей грубъ, нескладенъ,
Французскій, au contraire, божественъ, деликатенъ.
Когда бы намъ монархъ издалъ такой законъ,
Чтобъ по-французски вралъ всякъ русской du bon ton;
Чтобъ иначе болтать не смѣли бы дворяне!
А еслибъ свой языкъ забыли и мѣщане,
И самый наконецъ преподлый нашъ мужикъ
Французскій полюбилъ пренѣжный толь языкъ:
Какія бъ времена блаженныя настали!
Мы, офранцузившись, гугнявить всѣ бы стали,
И въ просвѣщеніи явили бъ тѣмъ успѣхъ.

Что въ высшей степени была бъ у насъ у всѣхъ
Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
То есть, ни вѣрности къ царямъ, ни къ Богу вѣры,
Ни глупой совѣсти, ни робкаго стыда
У новыхъ Россіянъ не стало бы тогда!
Не то ли самое, жеманясь по-французски,
Насвистываешь ты, *Мерзилкинъ!* про себя?
Не часто ль ропщешь ты, что твой отецъ былъ Русскій,
И что не *санкюлотъ* пустилъ на свѣтъ тебя?
Послушай-ка, мусье, не господинъ, Мерзилка,
Не лай на Русскихъ ты, французить позабудь;
Ты воспомни наконецъ, что есть въ Россіи кнутъ;
Что не минетъ тебя въ Парижъ Камчатской ссылка.
На лыжахъ щеголять какъ станешь по снѣгу,
Скажи тогда себѣ: *коман-ву-порте-ву?* —

ОПИСАНІЕ СЛАВНАГО ПАРИКА. . . . .

Паринъ сей рѣдкой, дорогой,
Имѣетъ вѣсу четверть пуда;
Онъ сдѣланъ хитрою рукой
Изъ нѣжныхъ волосковъ верблюда;

Затылокъ, брови и виски
Большой парикъ сей покрываетъ,
Какъ печь, плѣшь въ стужу нагрѣваетъ
И жметъ ее такъ, какъ тиски.
Придѣланъ къ парику широкій
Французскій назади пучокъ,
А на срединѣ превысокій
И пышный вьется *à la coq*.
Но что еще милѣй и краше
Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
Огромны пукли въ три этажа
Нависнули по сторонамъ!
Къ тому жъ, напереди устроенъ
Послѣдней моды лавержетъ!
Онъ удивленія достоинъ!
Симъ кончу парика портретъ.

ПѢСНЬ ЛУЖѢ.

Пускай иной, потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ страшны оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ:
Не море, Лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преображаю,
Ударивъ лиры по струнамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ Лужа ты, въ несчастной долѣ,
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ струями,
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А Лужей брезгуетъ народъ.

Но насѣкомы неисчетны,
Для гордыхъ взоровъ неприметны,
Зрятъ въ Лужѣ дивный океанъ,
И въ подлыхъ жабахъ — страшныхъ китовъ!
Четвероногихъ сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ.

Паши, украшенны щетиной,
Презрѣнною твоею тиной
Не промѣняются на пухъ;
За бархатъ грязь они считаютъ
И въ роскоши такой не чаютъ,
Что ихъ готовятъ подъ обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику въ несносный жаръ
Вода твоя въ степи Ливійской,
Или въ пустынѣ Аравійской —
Небесный кажется нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордится,
Шумитъ волнами и стремится

Достигнуть грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой
Однимъ Всесильнымъ обозримой
И море лужа, какъ и ты.

Хотя бъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы,
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но что жъ: предъ мудрыми очами,
Столь почитаемые нами,
Кораллъ и бисеръ — та же грязь.

Нѣтъ! Лужи я не презираю;
Я въ Лужѣ пользу обрѣтаю:
Наставникъ Лужа для меня,
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны
Сію намъ истину глася:

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду
Плодятся — множатся всегда!

САРАНЧА.

Народы храбры Африкански,
У насъ зовомы саранчой,
Какъ орды прежнія татарски
Страшатъ Украйну собой.
Повсюду грабятъ, разоряютъ:
Въ ожесточеніи такомъ
Поля въ минуту поглощаютъ
Съ пшеницей, рожью и овсомъ. —
И Россъ, царствъ многихъ покоритель,
Гордыни буйной укротитель,
Россъ мужество вездѣ явилъ,
Но саранчи не побѣдилъ!
Вотще желаютъ умудриться,
Надъ ней побѣдой похвалиться,
Чтобъ сгинулъ жадный сей злодѣй.
О, сколько вымысловъ, затѣй!
Тамъ въ косы звучно ударяютъ,
Отвсюду пламенемъ грозятъ,
Тамъ рвы глубокіе копаютъ,
И въ нихъ врага зарыть хотятъ;
А тамъ, тамъ ловятъ неводами,
Среди пространныхъ нивъ, полей
Сидящу саранчу стадами,
Какъ-будто въ Волгѣ стерлядей. —
Все тщетно! — врагъ все презираетъ.
Кому жъ судьба предоставляетъ
Воздать врагу достойну месть

За оскорбленну Россовъ честь? —
Какіе храбрые кащеи
Толикій подвигъ совершатъ?
Никто, какъ Х. . . . . Орфеи. —
Они безъ копьевъ и безъ латъ,
Вооружены лишь смычками,
Кларнетомъ, скрипками, басами;
Въ кафтанѣ или въ епанчѣ,
Подступятъ храбро къ саранчѣ,
И въ мигъ разставивши пульпеты,
Оркестромъ полнымъ проскрипятъ —
И паки, паки повторятъ
Симфонію, потомъ концерты:
Исчезнетъ саранчи упорство,
Накажется ея презорство;
Къ спасенью ей лишь два пути:
Оглохнуть должно, иль уйти!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО,

СТРАНСТВУЮЩАГО ВЪ ЧУДЕСНОМЪ ПТИЧЬЕМЪ МІРѢ.

. . . . . .

Не знаю почему здѣсь вздумалось Природѣ
Разумны существа по-птичьему одѣть:
Прилично ли уму подъ перьями потѣть?
Сей гордый господинъ, любимый небесами,
Покоиться привыкъ у насъ подъ колпаками!
Не долженъ ли, скажи, краснѣть безсмертный духъ,
Когда по плоти онъ Сычъ, Филинъ, иль Пѣтухъ? —
Но что! . . . не будемъ мы указывать натурѣ,
И объ умахъ судить не станемъ по фигурѣ:
Разумнѣй, подлинно, иная здѣсь Сова,
Чѣмъ съ носомъ греческимъ французска голова!
Великіе умы летаютъ здѣсь стадами,
И славны мирными и бранными дѣлами.
Тамъ храбры Коршуны воздвигли птичій Римъ,
Когтисты Римляне гроза врагамъ своимъ;
Здѣсь хищны замыслы проникнувъ Ястребины,
Витійствуютъ Скворцы за вольность и Аѳины;
Съ покляпымъ носомъ тамъ наѣжился Невтонъ,
И, мудростью гордясь, топыритъ крылья онъ;
Здѣсь Филинъ — Ришельё, иль Питтъ глазища жмуритъ,
И ставя сѣть царямъ, коварну рожу хмуритъ.

Толики здѣсь умы и доблести цвѣтутъ,
Однако въ мірѣ семъ не ангелы живутъ.
Пройдемъ мы всѣ міры, разсмотримъ всѣ народы,
Увидимъ, что вездѣ есть жалкіе уроды!
Вотъ напримѣръ идётъ, надувшися Павлинъ:
При здѣшнемъ онъ дворѣ имѣетъ знатный чинъ;
Такую заслужа высоку царску милость,
Чрезъ толь обманчиву наружности красивость
Гордиться могъ бы онъ сіятельнымъ хвостомъ,
Но нѣтъ! онъ хвастаетъ прескареднымъ умомъ.
А вотъ шестеркою прочалася Ворона,
Имѣя гордый видъ нѣмецкаго барона,
И подлинно, её знатнѣе въ мірѣ нѣтъ:
Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ!—
Ба! вотъ еще Сова нарядная тащится:
Возможно ль Филину богиней не прельститься!
Какая выступка! какой на ней уборъ!
На всѣхъ пылающій она бросаетъ взоръ;
Такія красоты въ Москвѣ, въ Парижѣ рѣдки,
И предъ Совой должны смириться всѣ кокетки.
Вотъ кстати и Журавль за модницею въ слѣдъ
На длинныхъ толь ногахъ въ большой пустился свѣтъ:
Онъ легче воздуха, непостояннѣй вѣтра,
И ролю важную играетъ петиметра.
Влюбляться—долгъ его; повѣсой быть — законъ;
Занятіе — игра, похожа на бостонъ.
Но вотъ падучею страдаетъ жалкій Кобчикъ.
Ахъ! какъ кобенится сей бѣдненькой господчикъ;
Не Карачунъ ли то съ лапцетами стоитъ?

Нѣтъ! Тетеревъ глухой предъ Кобчикомъ пыхтитъ;
И Кобчикъ корчится предъ знатностью глухою,
Въ надеждѣ, можетъ быть, учтивостью такою
Защиту, иль чинокъ, иль мѣсто получить,
Чтобъ послѣ Снигирей и Воробьевъ душить,
Сдирать безъ жалости съ безсильныхъ птичекъ кожу,
И наконецъ себя преобразить въ вельможу!—
Ну! вотъ еще уродъ: — ощипанный Пѣтухъ!
Повѣса промоталъ и перье всё и пухъ;
Обрили Пѣтуха пиры, игра и мода,
И сталъ безхвостый мотъ посмѣхомъ для народа.
Тьфу пропасть! и еще двухъ вижу чудаковъ:
Одинъ задумчивъ, гордъ, и важенъ и суровъ;
Другой ужасную имѣетъ образину.
О, Муза! помоги списать сію картину;
Стань грозно со щитомъ ты нынѣ предо-мной,
Чтобъ глупость мстительна не ранила стрѣлой.
Представь себѣ, мой другъ, безъ лести и отважно
Сіе позорище толь дивно и толь страшно,
Когда латинію напыщенный педантъ,
Превыше облака свой вознеся талантъ,
Встрѣчается съ другимъ ему противной секты;
Съ обѣихъ вдругъ сторонъ стремятся аргументы:
Тотъ Аристотелемъ сопернику грозитъ,
Схвативши Канта сей, противника разитъ;
Трещатъ софизмами начиненны дилеммы,
Ревутъ по воздуху огромныя системы,

Удару слѣдуетъ ужаснѣйшій ударъ,
Въ герояхъ множится свирѣпый, бранный жаръ;
Но оба вдругъ снарядъ логическій теряютъ
И кулаками бой за истину рѣшаютъ;
Лежатъ растерзанны на части парики
И носятся власовъ напудренныхъ клоки.
Но въ птичьемъ мірѣ нынь лютѣйша битва зрится:
Педанты диспутамъ должны здѣсь поучиться.
Одинъ боецъ — краса индійскихъ пѣтуховъ;
Другой — честь филиновъ и цвѣтъ всѣхъ мудрецовъ.
Какъ предъ Троиломъ взглядъ сверкалъ Ахилловъ звѣрскій,
Такъ взоромъ Филину грозитъ Пѣтухъ индійскій;
Онъ, растопырившись, прегордо хвостъ несетъ,
Вращаясь, крылѣями описываетъ свѣтъ;
Синѣетъ рожа вся, трясется носъ мясистый,
Кричитъ на Филина: вы всѣ, всѣ атеисты! —
Неистово взглянулъ тутъ Филинъ на него:
О, харя синяя! и ты бранишь того,
Кому въ подсолнечной ученостью нѣтъ равныхъ!
Уже ль ты не читалъ трудовъ моихъ преславныхъ?
Пѣтухъ такъ Филину изволитъ отвѣчать:
Какъ смѣешь, рыжій враль, столь гордо помышлять,
Чтобъ для твоихъ трудовъ хотѣлъ я тратить время:
Что можетъ сочинить совино глупо племя!
Я въ диссертаціяхъ то ясно доказалъ,
И въ комментаріяхъ о томъ же толковалъ,

Что Филины, Сычи и всѣ прегнусны Совы
Не могутъ никогда быть славны богословы. —
Подпрыгнулъ Филинъ вдругъ: рогатый философъ
Съ надутымъ мудрецомъ терять не хочетъ словъ,
И съ шумомъ началась межъ птицъ ученыхъ драка,
И Филинъ и Пѣтухъ задорнѣйшій клевака,
Съ размаху налетѣвъ, крыломъ другъ друга бьютъ,
И безъ пощады въ зобъ и въ голову клюютъ;
Съ нихъ перья падаютъ и кровь течетъ ручьями;
Но Филинъ, пользуясь преострыми когтями,
Кичливаго врага сломилъ, сразилъ, попралъ,
И ставши на него, побѣду прокричалъ! —

БАСНИ.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

—

Былъ живописецъ славный,
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ:
Ужъ до того онъ совѣсти держался,
Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Спросите вы у всѣхъ. —
Сей добрый человѣкъ хотѣлъ себя прославить,
И чѣмъ же? вздумалъ онъ представить
Пороки всѣ и глупости людей.
Суди по мастерству, онъ сущій чародѣй.
Нельстива кисть его что̀ ни изобразила,
Одушевила.
Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ её народу на-показъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли,
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжецъ трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,
Кобенился предъ живописцомъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ.

Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
«Ты пасквиль написалъ,
«Честь нашу обругалъ;
«Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами.»
— Богъ съ вами!
Художникъ отвѣчалъ:
А глупость и порокъ изобразить желалъ,
Я васъ не трогалъ я, да я васъ и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою? —
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать;
Хоть умные его взялися защищать,
Но ихъ немного было,
И все витійство ихъ глупцовъ не убѣдило. —
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.

Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И льстить пороку не умѣетъ.

. . . . . .

ОРЕЛЪ И СТРѢЛОКЪ.

«Не тронь меня! Орелъ вдругъ крикнулъ на стрѣлка:
Дерзнетъ ли выстрѣлить по мнѣ твоя рука?
Орловъ и Римляне и Греки уважали,
Священными они насъ признавали!»

— То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сказалъ,
А нынѣ людъ умнѣе сталъ;
Не очень о твоей заботится породѣ:
Теперь ужъ не Орлы, а Попуган въ модѣ. —

ЛАСТОЧКА И КОЛОКОЛЪ.

На башнѣ Колоколъ висѣлъ,
И тамъ же Ласточка гнѣздилась.
На Колоколъ вдругъ птичка разсердилась:
«Ужъ ты мнѣ уши прозвенѣлъ;
Въ сосѣдствѣ жить съ тобой моихъ силъ не достанетъ.»
— Молчалъ бы, Ласточка, охотно для тебя,
Но что жъ, звонарь меня
За длинный мой языкъ всегда насильно тянетъ.—
А ты. Глупонъ, зачѣмъ ты подымаешь крикъ;
Уже ли и тебя кто тянетъ за языкъ?

ОТКУПЩИКЪ И ХАРОНЪ.

Узрѣвши тѣнь съ огромнымъ пузомъ,
Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
«Боюсь, чтобъ съ симъ тяжелымъ грузомъ
И самъ я въ Стиксѣ не пропалъ.

Откуда ты и что такое?
Скажи дебелая душа;
Ты, видно, что-то не простое,
Ты кардиналъ или паша?»
— Кто бъ ни былъ я, но вы не стойте,
Объ этомъ смѣю васъ просить,
Ввалиться въ лодку мнѣ позвольте,
Я долженъ въ тартаръ поспѣшить;
Скажу, старикъ, вамъ откровенно:
Хочу прожектъ Плутону дать,
И я надѣюсь несомнѣнно
Вашъ перевозъ на откупъ взять.
Всегда симъ планомъ занимаясь,
Я въ мірѣ толстъ, покоенъ былъ;
Богатства многаго лишаясь,
О томъ при смерти не тужилъ.
Какіе знатные доходы
Легко здѣсь можно получать:
Сюда толпятся всѣ народы
И такъ со всѣхъ мы можемъ драть!
Британцу скажемъ мы и Галлу:
Намъ чисты деньги оточти;
А господину Камчадалу:
Ясакъ мѣхами заплати.
Теперь вы служите безъ платы,
Не правда ли? но у меня
Вы скоро будете богаты
И столько же почти какъ я;
Не рубище на васъ дурное,
Не сей засаленный колпакъ,
Нѣтъ, будетъ платье дорогое

И пить вы станете аракъ. —
«Харонъ угрюмый, дикій, строгій,
Смѣкнулъ и въ первый разъ запѣлъ;
Не мудрено, мужикъ убогій
Надежду къ счастью возъимѣлъ.»
Онъ жирной тѣни поклонился
И съ ней какъ можно скоро плылъ;
Плывя, Юпитеру молился,
Чтобъ грузъ его онъ сохранилъ.

МОРЕ И РѢКА.

Надулось Море предъ Рѣкою,
Реветъ: «Что значите вы, Рѣки, предо мною?
Я съ важностью теку по безднамъ, по скаламъ
И съ шумомъ въ ярости стремлюся въ облакамъ. . .»
— А мы, Рѣка въ отвѣтъ: не столь шумимъ волнами,
Но нашими водами
Питается земля,
Тучнѣютъ гордыя моря! —

ЮПИТЕРЪ И НЕТОПЫРИ.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Нетопыри, хотя во тмѣ счастливо жили.
Смѣясь Юпитеръ тварямъ симъ,
Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: «Нетопыри! вотъ ваше просвѣщенье.»

ЮПИТЕРЪ И ФАВНЪ.

Зевесъ, боговъ царь и отецъ,
Въ красотку гордую влюбился;
Юпитеръ ли не молодецъ?
Но онъ напрасно волочился. —
Меркурія къ ней посылалъ
Съ богатыми Зевесъ дарами,
И Эскулапа заставлялъ
Любовь возжечь въ ней порошками.
Худой успѣхъ они имѣли;
Амуръ, сердецъ могущій богъ,
Напрасно также тратилъ стрѣлы.
Но кто Юпитеру помогъ? —
Былъ Фавнъ, мохнатая скотина
И рожу всю имѣлъ въ угряхъ.

Но Фавнъ танцёръ, и вотъ причина,
Что принятъ былъ во всѣхъ домахъ.
По Фавнову Зевесъ совѣту
Сталъ Фавновымъ ученикомъ;
Чтобъ нравиться любви предмету,
Юпитеръ сдѣлался козломъ.
Не стало важности въ Зевесѣ:
Онъ прыгаетъ и ночь и день;
Вертится вихремъ въ экосесѣ,
Танцуетъ даже *a ла Рень* *).
Красотка скоро полюбила
Зевеса, свѣтскаго козла,
И за терпѣнье наградила,
Чѣмъ бога наградить могла.
Юпитеръ Фавна обнимаетъ:
Познай мохнатый другъ, какъ Зевсъ
Твою заслугу награждаетъ.
Твой родъ взнесу я до небесъ!
Потомки Фавна будутъ славны:
Всѣ будутъ танцовать учить;
Я право вамъ даю, о Фавны!
Красоткамъ голову кружить! —

Красотки Фавновъ уважаютъ,
Въ семъ постоянны лишь онѣ;
Мужчинъ красотки оцѣняютъ
Не по уму, но по ногѣ.

*) *Минуэтъ a ла Рень.*

ЦВѢТЫ И СОЛНЦЕ.

Цвѣты, прельстившися своими красотами,
Смотрѣли гордыми на солнышко глазами;
Но солнце отъ цвѣтовъ лишь отвратило взглядъ—
Исчезла ихъ краса и сладкій ароматъ.

Что наша мудрость вся, что добродѣтель строга?
Ничто безъ солнца цвѣтъ—и мы ничто безъ Бога!

МОЛОДОЙ ОРЕЛЪ.

Не внявъ отцовскому совѣту,
Орелъ поднялся со гнѣзда:
Летитъ, летитъ по свѣту,
И въ слѣдъ за нимъ летитъ бѣда:
Орелъ попался въ сѣти;
Орломъ играютъ дѣти;
А чтобы онъ не могъ летать
И крыльями пощечинъ надавать,
Любимца Зевсова мальчишки ощипали,
И наконецъ Орла индѣйки заклевали.

О, быстрый юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

МЕЛЬНИЦА БЕЗЪ МЕЛЬНИКА.

Какъ мелетъ мельница! — но что? — въ ней
пыль одна,
А хлѣба въ мельницѣ не видно ни зерна:
Такъ мелетъ пыль она? — —
Вотъ если бъ мельникъ былъ, молоть бы меньше
стала,
Но хлѣбъ молола бы; молоть бы пыль престала.

Мололъ бы меньше Титъ и пыли бъ не пускалъ,
Когда бы языкомъ разсудокъ управлялъ.

РАЗГОВОРЪ О СОЛОВЬѢ МЕЖДУ ДРОЗДОМЪ И СОРОКОЮ.

«Каковъ же Соловей!
Вѣдь вы его, сударыня, видали?»
— Видала, батька мой: ужъ то-то дуралей!
«Такъ, видно, голоса его вы не слыхали?
Ахъ, какъ поетъ! нельзя его не почитать!»
—Fi donc! ты соловья чрезчуръ ужъ выхваляешь.—
«А ты, мадамъ, за что его такъ унижаешь?»
— Онъ прыгать не гораздъ, не мастеръ лепетать?

Такъ о достоинствѣ Сороки разсуждаютъ,
И въ этомъ женщины имъ часто подражаютъ!

ПАРИКЪ И БОЛВАНЪ,

НА КОТОРОМЪ ЕГО РАСЧЕСЫВАЮТЪ.

Съ плѣшивой знатности когда парикъ снимали,
То самый сей парикъ болванъ носилъ. —
Ужъ то-то, чаю, вы сегодня разсуждали?
Болванъ у Парика спросилъ:
Вѣдь много, думаю, у знатности разсудка?
— Какъ у тебя, дубоваго отрубка.

ВОЛЫ И ЛОШАДЬ.

Спросили нѣкогда у Лошади Волы:
За что боярину понравились Ослы?
Вѣдь работать они намъ мало помогаютъ,
Однако больше ихъ и кормятъ и ласкаютъ.
— И вы не знаете, Конь отвѣчалъ Воламъ,
За что такая честь Осламъ
И барская немилость къ намъ?
Такъ знайте, братцы:
Мы Русскіе, Ослы же иностранцы! —

СВИНЬЯ И ЯГНЕНОКЪ.

Ягненку погулять безъ матери случилось,
И горе страшное бѣдняжкѣ приключилось:
Увязъ въ болотѣ онъ; барахтался тамъ,
Блеялъ о помощи къ свиньямъ,
Что въ тинѣ нѣжились, въ серали какъ султанъ.
Расхрюкалося вдругъ Эпикурейцевъ стадо;
Не помогать оно — упреки дѣлать радо:
«Въ какую ты забрелъ, безстыдникъ, грязь?
Вотъ молодость, увы! къ чему приводитъ васъ!
А если бъ пожилымъ скотамъ повиновался,
Тогда бъ, молокососъ, въ бѣду ты не попался;
Каковъ ты прежде былъ? — какъ свинка бѣлъ,
пригожъ;
Теперь же, посмотри, ну, на кого ты схожъ!»
Такъ мудрецы сіи ягненка укоряли;
Но между тѣмъ они того не примѣчали,
Что сами глубже всѣ въ болотѣ погрязали.

Всякъ скажетъ, кто сію (ужъ какова ни есть)
Изволитъ басенку прочесть:
Бываютъ и у насъ наставники такіе —
Всѣмъ проповѣдуютъ, а сами не святые.

ПЧЕЛА И ОСА.

Оса Пчелѣ такъ говорила:
«Давно во мнѣ ты зависть возбудила.
Нашъ родъ вездѣ гонимъ;
Вашъ родъ вездѣ любимъ,
Хоть также вашего боится всякой жала,
И лучше насъ еще умѣете язвить!»
— Не спорю, что язвимъ, Пчела ей отвѣчала:
Но медъ любя, насъ можно ль не любить? —

Пчела — то критики полезной сочинитель;
Оса — безмозглый шпынь, завистливый хулитель.

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ.

«Ахъ! сжалься надо мной, сіятельная Моська!»
Любимцу барскому Песъ старый говорилъ:
Весь вѣкъ усердно я на привязи служилъ;
Смотри, изранена дубиной грудь геройска;
Я ужасъ былъ всегда для здѣшнихъ всѣхъ воровъ,
Я былъ прямой слуга, не изъ числа льстецовъ.
Воззри, премудрый Мопсъ, на многія заслуги,

На дряхлость лѣтъ моихъ, на слабость и недуги;
Доставь въ награду мнѣ, почтенный мой патронъ,
Хоть каплю молока» — Да гдѣ такой законъ?
Съ презрѣньемъ временщикъ рѣчь Псову прерываетъ:
Нѣтъ! баринъ милостей своихъ не расточаетъ;
Послушай! — молоко дается только намъ,
Придворнымъ господамъ;
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тѣмъ, что вамъ даютъ помои.—

ПЫЛЬ И АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ въ пыли лежалъ,
Алмазомъ Пыль пренебрегала.
«Ахъ! какъ ты предо мною малъ,
Она ему сказала:
Съ земли я гордо подымаюсь,
И въ уши и въ глаза прохожему бросаюсь;
Здѣсь знаютъ всѣ меня: и лапоть и башмакъ!
А ты . . . какой бѣднякъ!
Ни кто тебя не примѣчаетъ.»
— За Пылью?... вдругъ Алмазъ смиренно отвѣчаетъ.

И умъ тамъ не блеститъ,
Гдѣ глупость наглая, какъ пыль глаза мрачитъ.

ЖЕЛѢЗО И КУЗНЕЦЪ.

«Мучитель! къ Кузнецу Желѣзо вопіяло,
На толь я создано, чтобъ отъ тебя страдало,
Чтобы переносить ужасный, адскій жаръ;
Чтобъ сильный молота разилъ меня ударъ?»
— Терпѣніе! Кузнецъ Желѣзу отвѣчаетъ:
Минетъ страданіе, ты примешь лучшій видъ,
И свѣтъ, что̀ на тебя съ холодностью взираетъ,
Полезное въ тебѣ орудіе почтитъ.

Таковъ сей басни смыслъ, читатель:
Нашъ возвышаетъ духъ чрезъ бѣдствія Создатель.

НАХОДКА.

Въ ночь лѣтнюю глупецъ примѣтилъ, что блеститъ;
А что̀ въ травѣ блеститъ, о томъ не разсуждаетъ:
Глупцовъ блескъ всякой удивляетъ. —
Безмозглый радъ
И мнитъ, что кладъ
Безцѣнный онъ находитъ,
Къ безцѣнности подходитъ;

Хватаетъ съ жадностью дурацкая рука;
Повѣсилъ носъ глупецъ — нашедши червяка.

Не зная коротко другихъ кто оцѣняетъ,
Глупѣе, чѣмъ дуракъ, тотъ умникъ поступаетъ.

ДУРАКЪ И ДРАГОЦѢННЫЙ КАМЕНЬ.

Не полированный, но очень драгоцѣнный,
Попался камень дураку.
Глупецъ, какъ видно, былъ минералогъ отмѣнный,
На камень посмотрѣлъ — и зашвырнулъ въ рѣку.

И дарованіе цѣнить не всякой знаетъ;
Глупецъ не видитъ ихъ, иль, видя, презираетъ.

БАРЫШНИКЪ.

Оставя прочія заботы,
Въ торговлю Клитъ вступилъ:
Стопу бумаги онъ купилъ,
И собственной работы

Стихами написалъ;
Потомъ о барышѣ великомъ возмечталъ.
Но тщетно съ ріемами носился по базару:
Гуртомъ и въ розницу продать не могъ товару.
Ужъ Клитъ и самъ стопѣ не радъ;
Пытался въ лавку онъ отдать ее назадъ,
Но лавочникъ не бралъ, хоть дѣлалъ Клитъ уступку.
Насилу, въ горести, набрёлъ онъ на купца,
Который взялъ стопу за рубль у молодца,
И сталъ воспламенять свою стихами трубку.

Иной богачъ,
Какъ бѣдный сей ріемачъ,
Богъ вѣсть, что затѣваетъ,
И наконецъ барышъ такой же получаетъ.

ОСЕЛЪ ВЪ СЧАСТІИ.

«Ты помнишь ли Осла, Волъ лошади сказалъ:
У нашего онъ господина
Навозъ таскалъ;
Но, къ удивленію, сія скотина
На верхъ величія взошла:
Фортуна по уши влюбилася въ Осла!
Навозъ сперва возилъ, а нынѣ возитъ папу,
И папскіе льстецы Осла цѣлуютъ въ лапу;

Обвѣшенъ золотомъ, осыпанъ жемчугомъ,
Изъ смирной твари онъ сталъ страшнымъ гор-
децомъ.»
— Да сталъ ли онъ умнѣй средь пышности и славы?
Спросила Лошадь у Вола?
«Сего-то сдѣлать лишь Фортуна не могла.
Перемѣняетъ честь вѣдь не умы, а нравы!

ДАМОНЪ.

Дамонъ имѣлъ не малу честь
Фортуны зрѣть въ себѣ любимца,
И у Дамона, у счастливца,
Не можно даже было счесть
Родныхъ, друзей горячихъ, страстныхъ,
Не только кушать съ нимъ, и умереть согласныхъ,
Но вдругъ Фортуною за что-то презрѣнъ онъ.—
Осиротѣлъ Дамонъ!
Друзья, которые съ нимъ умереть рѣшились,
Не видя прибыли, всѣ въ бѣгство обратились.
Лишь не разсталася собака съ бѣднякомъ,
Являя ласки одинаки.
Дамонъ задумался, и произнесъ потомъ:
Увы! друзья мои не стоятъ и собаки.

НАДПИСИ.

СУВОРОВУ.

Мечемъ весь міръ страшилъ иной вонтель славной,
Но самъ предъ счастіемъ невѣрнымъ трепеталъ.
Суворовъ — къ колесницѣ бранной
Съ побѣдой счастье приковалъ.

ПЫШНОМУ МАВЗОЛЕЮ.

Народамъ и вѣкамъ сей мраморъ горделиво
Вѣщаетъ: «здѣсь лежитъ временъ краса и диво:
Свѣтильникъ мудрости, громъ браней и побѣдъ;
Не смертный, — полубогъ, дрожалъ предъ коимъ свѣтъ.
Со страхомъ проходи, о, путникъ! близъ могилы.»
— Врешь мраморъ! подъ тобой лишь горсть презрѣнной пыли.

НЕИЗВѢСТНОМУ СОЧИНИТЕЛЮ ПѢСНИ О ПОХОДѢ ИГОРЯ ПРОТИВЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

Дьячекъ ли, Дьяконъ ты, Подьячій, или Дьякъ,
Кто бъ ни былъ ты: Лука, Софронъ или Ермакъ—
Живи подъ именемъ странъ Росскихъ Оссіана.
Но кѣмъ бы назвали мы твоего Баяна?

ЗЛОНРАВУ.

О, рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не искусился?
Злонравъ мнѣ въ дружбѣ изъяснился
И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить,
То есть, чуму привить!

КЛИТУ.

Равняешь ты меня съ Жилблазомъ;
Но съ кѣмъ же я тебя сравню?
Съ Скотининымъ Тарасомъ? —
Нѣтъ! все еще твой умъ я дорого цѣню.

ЭПИГРАММЫ.

ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ПОПИЛЮ,

КОТОРАГО, КАКЪ ГОВОРИТЪ ЛѢТОПИСЬ, МЫШИ СЪѢЛИ.

О участь жалкая несчастныхъ королей!
Чего не дѣлаетъ надъ ними рокъ нахальной!
Имъ Попиль осужденъ на ужинъ для мышей,
Какъ-будто бы король огарокъ свѣчки сальной!

ТАРАСУ-АВТОРУ.

Тьфу пропасть! все еще, Тарасъ, ты сочиняешь;
То есть: писателей другихъ ты обираешь!
Пора покаяться; ну полно воровать!
Возможно ль авторству такъ жертвовать собою:
Ты правъ, что ты рожденъ съ порожней головою,
Но, совѣсть погубя, вѣдь будешь отвѣчать.

КЛИТУ.

Клитъ мною огорченъ, отмщеньемъ злобнымъ дышетъ.
О, какъ я радъ! пускай сатиру онъ напишетъ.
Я одъ его боюсь: то сущая хула;
Сатира слѣдственно мнѣ будетъ похвала.

ПО СЛУЧАЮ СПИСЫВАНІЯ ПОРТРЕТА СЪ ОДНОГО ПРЕМУДРАГО МУЖА.

Вы пишете портретъ съ Философа Ослова:
Похвально славный ликъ въ портретѣ сохранить.—
Но выдумка сія, повѣрьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе Философа почтить:
Съ живаго кожу снять и чучелу набить.

КЪ ВѢТРАНАМЪ.

Умомъ Французъ, красой Вѣтранъ снабжаетъ мода.
Уже ли ничего имъ не даетъ природа? —

Г У Р У.

Къ Христовой вѣрѣ Гуръ презрѣнья кажетъ видъ!
Глупецъ онъ былъ всегда, давно ли сталъ онъ Жидъ?

СКУПЯГѢ.

Что не говѣлъ сей годъ, скупяга, ты жалѣешь:
На что тебѣ говѣть, ты цѣлый вѣкъ говѣешь.

ПИГМАЛІОНУ,
КОТОРОЙ ВЛЮБИЛСЯ ВЪ МРАМОРНУЮ СТАТУЮ.

Гордися ты, Пигмаліонъ!
Превозноси свою судьбину:
Въ прекрасный мраморъ ты влюблёнъ,
А прочіе должны влюбляться въ глину *).

КЛИТУ.

Учился долго Клитъ и очень много знаетъ,
Но глупо мыслитъ онъ, глупѣе поступаетъ:
По знаніямъ — подробный, Клитъ, Словарь,
А по уму Букварь.

КЪ МОДНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

О жены модныя! несносенъ вамъ Поэтъ,
Однако и ему въ васъ, право, нужды нѣтъ:
Лишь Граціи его и Музы восхищаютъ,
А куклы не прельщаютъ.

*) Уже ли мы глина? спросятъ женщины. — Вольно вамъ не читать Библіи.

КУТЕЙКИНУ,
КОТОРЫЙ, КОНЧИВШИ ВЪ СЕМИНАРІИ ПОЭЗІЮ, ПОСВЯЩЕНЪ ВЪ ПОНОМАРИ.

Прошедъ Поэзію, крылатаго Пегаса
Кутейкинъ осѣдлалъ;
Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

КЪ НАБѢЛЕННОЙ КОКЕТКѢ.

«Кто набѣлилъ тебя, Вѣтрана?»—Кто? Амуръ.—
Возможно ль! богъ любви сталъ нынѣ штукатуръ?

ЛЕКАРЮ.

«Весь городъ удивленъ твоимъ выздоровленьемъ!»
Сегодня съ гордостью мнѣ лекарь говорилъ.
— Да! да! я отвѣчалъ ему на то съ почтеньемъ:
Всѣ ахаютъ, что ты меня не уморилъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Оставя нектаръ, скипетръ, громъ,
Юпитеръ, по уши влюбленной,
Къ Данаѣ, въ башнѣ заключенной,

Спустился золотымъ дождёмъ. —
Прошли тѣ времена, настали вѣки бѣдны,
И рада красота, какъ льется дождь и мѣдный.

ОСЛУ-ВЕЛЬМОЖѢ.

Дивитесь, что оселъ вельможею сталъ нынѣ,
И должно кланяться преглупой сей скотинѣ;
Но для чего ослу вельможею не быть,
Когда могъ древле быкъ въ Египтѣ богомъ слыть?

ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ *à la coq*.

Съ забавнымъ встрѣтился сегодня я дѣтиной;
За диво можно бы показывать его:
Пѣтушій гребень у него
На головѣ ослиной.

Ф О К Ѣ.

Нашъ Фока хвастаетъ своимъ широкимъ лбомъ,—
Затѣмъ, что Харьковскимъ украшенъ онъ гербомъ.

ВИРТУОЗУ АНТИПУ.

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы и лѣса и тартаръ подвигалъ;
А ты, Антипъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычокъ лишь подвигаешь.

ЕМУ ЖЕ.

Коль Роде, или Дицъ играетъ —
Въ весельи каждый восклицаетъ,
Восторга ощущая жаръ;
О музыка! небесный даръ. —
Но лишь Антипъ въ гудокъ зазвонитъ,
То каждый охаетъ и стонетъ,
Вопитъ: о бѣдствіе людей!
О музыка! ты бичъ ушей.

ЕМУ ЖЕ.

Что, каково вчера оркестромъ мы играли?
Мнѣ съ гордостью Антипъ сегодня проворчалъ:
— О, Боже! я вскричалъ:
Вы слухъ мой растерзали;
Согласья нѣтъ у васъ: иль скрипки ваши въ ссорѣ?
— Согласья? крикнулъ онъ въ задорѣ:

Какой нелѣпый вздоръ,
Искать согласія межъ нами:
Межъ флейтой, скрипками, басами —
Когда въ Европѣ всей господствуетъ раздоръ!

БОМБАСТУСУ.

Безчисленны міры, и солнца, и кометы,
Протекши времена, системы, аргументы
Въ огромной головѣ Бомбастусъ все вмѣстилъ;
И если бъ мозгъ имѣлъ, не глупъ бы очень былъ.

ВЕСЕЛЬЧАКУ.

Ума и остроты въ заемъ ты хочешь дать;
Но гдѣ тебѣ ихъ взять? —

ЕМУ ЖЕ.

Напрасно весельчакъ такъ гордо помышляешь,
Что остротой меня и разумомъ снабжаешь:
Хотя ты иногда красно умѣешь врать,
Но все ль то золото, что можетъ лишь блистать?

КЛИТУ.

Когда Державина безъ чувства Клитъ читаетъ,
То мнѣ ль писать стихи? Нѣтъ! полно; Фебъ! прости:
Но скромный василекъ престанетъ ли цвѣсти
Затѣмъ, что грубый мулъ и розу попираетъ? —

ГЛУПОНУ.

Дивитесь, глядя на Глупона:
Разъ пятьдесятъ прочелъ Невтона!
И что жъ? — теперь Глупонъ —
Вы скажете Невтонъ?
— Нѣтъ! всё Глупонъ.

ЧОРТЪ И СМЕРТЬ.

«Куда, курносая?» — Иду я за душою. —
«Къ кому?»—Къ Секретарю: такъ велѣно судьбою! —
«Ахъ! какъ проста судьба: живетъ она въ глуши: —
Какой въ Секретарѣ, какой искать души!
Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ чёрти.»

ВОПРОСЪ ФРАНЦУЗА И ОТВѢТЪ РУССКАГО.

«Мы служимъ вамъ: мычать васъ по-французски учимъ;
А что даете намъ за важный трудъ такой?»
— Какъ, что? бездѣлицу: и кормъ и водопой,
Да сверхъ того мы васъ своимъ богатствомъ вьючимъ.

ГОРАЦІЕВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ.

Изъ краткой оды Фирсъ лишь произнесъ два слова,
Вселенная зѣвать готова.

Е М У Ж Е.

И въ длинныхъ одахъ, Фирсъ, твой умъ не длиненъ былъ,
А въ краткихъ ты его лишь больше сократилъ.

Е М У Ж Е.

И Ломоносовъ нашъ ничто, Фирсъ, предъ тобою:
Страницами того не производитъ онъ,
Что можешь произвесть ты строчкою одною:
Досаду, смѣхъ, и грусть, и сонъ.

ПЕДАНТУ, СОЧИНИВШЕМУ ЭПИГРАММУ.

Вотъ чудо, да оно не снилось и Адаму;
Пѣтухъ индѣйскій снёсъ — яйцо? — нѣтъ,
эпиграмму.

СНОВИДѢНІЕ.

Кричитъ во снѣ жена: «Ага!
Поймала я барана за рога!»
— Опомнись! Богъ съ тобою! —
Мужъ отвѣчаетъ ей:
Ты, сонная, рукою
Меня схватила за тупей.

ХРѢНОѢДУ.

Какъ строго Хрѣноѣдъ постится каждый годъ.
— Чему же удивляться?
Привыкъ ословъ смиренный родъ
Сухоядѣніемъ питаться.

ПОДЬЯЧЕМУ.

Я такъ же, какъ солдатъ, Отечеству служу;
Не правда ли?—меня ты, Кохтинъ, вопрошаешь.
Большое сходство я межъ вами нахожу:
Тотъ кровь свою, а ты чернила проливаешь.

ГЛУПОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Ужъ и осёлъ
На Пиндъ забрёлъ.

БЕЗБОЖИНКУ.

Другіе, можетъ быть, тому дивиться станутъ,
Что Страшному Суду, Свиньинъ, не вѣришь ты;
Но я скажу: ты правъ! предъ Богомъ не предстанутъ
Безсмысленны скоты.

ФЕДУЛУ.

Унизить предпринялъ Федулъ меня словами;
Возвысить я хочу Федула похвалами:
Въ награду свѣтъ почтетъ обоихъ насъ лжецами.

СИЛУ.

Въ Парижъ поѣхалъ Силъ; но съ чѣмъ пріѣдетъ къ намъ?
Ума не вывезетъ; кису оставитъ тамъ.

ПРЕКРАСНОМУ, НО ГЛУПОМУ МУЖЧИНѢ.

Ахъ! какъ прекрасенъ Титъ; но молвить правду-матку:
Езопъ онъ на изнанку!

Г У Р У.

О Небо! пощади несчастнаго меня:
Пустъ онѣмѣетъ Гуръ, иль пусть оглохну я.

Е М У Ж Е.

Природа разными снабжаетъ насъ дарами:
Какъ левъ тотъ силенъ, храбръ; сей зритъ быстрѣй орла.
Хотя Гуръ по уму не стоитъ и осла,
Но въ свѣтѣ Гуръ великъ — козлиными ногами.

ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОКУ.

Что древле былъ Орфей, то Легкоскокъ межъ нами:
По слову вдругъ его колоды скачутъ съ пнями.

КЛИТУ.

Я Клитомъ раздраженъ, и вотъ тому причина:
Изъ-подтиха меня онъ больно укусилъ;
Но можно ли, чтобъ я ему сатирой мстилъ?
Сатира для людей, а для него. . . . дубина.

НЕВѢРОЯТНЫЙ СЛУХЪ.

Что слышу? говорятъ, что разны сочиненья,
Какъ то: рецензію и длинны разсужденья
Готовятъ для тисненья!
Помилуйте! ужель печатныхъ мало вракъ,
Въ которыхъ продаютъ на площади табакъ?

ЭПИТАФІИ.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія! гдѣ твой Петръ? — Во гробѣ онъ лежитъ!
Ужели и боговъ смерть злобна не щадитъ?

ЗАВОЕВАТЕЛЮ.

Стой, путникъ! . . . Здѣсь гигантъ ужаснѣйшій лежитъ;
Предъ нимъ вселенна трепетала!
—Возможно ль! великанъ въ сей ямочкѣ зарытъ?
Стыдись вселенная! потрясъ тобою. . . карла.

НАДУТОВУ.

Какъ мало черезъ смерть Надутовъ потерялъ:
Онъ въ жизни былъ ничто, а въ гробѣ прахомъ сталъ.

ВЕЛЬМОЖѢ.

Въ подземномъ здѣсь дворцѣ вельможа обитаетъ,
Своею знатностью червей онъ угощаетъ.

МОПСУ, ПОГИБШЕМУ ОТЪ ЛЮБВИ.

Чувствительный! вздохни о Вертерѣ второмъ;
Онъ такъ же страстенъ былъ, но только былъ съ хвостомъ.

АНТИПУ ВИРТУОЗУ.

Весь вѣкъ Антипъ игралъ, несносно слухъ терзая;
Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
И положить его съ собою завѣщалъ.
Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ.

ЕМУ ЖЕ.

Здѣсь плоть Антипова по смерти почиваетъ,
Но въ адѣ духъ его нынь должность отправляетъ:
Для муки грѣшниковъ на скрипкѣ тамъ играетъ.

ЕМУ ЖЕ.

Неутомимый здѣсь Антипъ слёгъ для покоя:
Онъ былъ толь дивный виртуозъ,
Что отъ игры его во время лѣтня зноя
Крещенскій всякаго по кожѣ дралъ морозъ.

ЕМУ ЖЕ.

Прохожій! трепещи: могилу зришь тирана;
Онъ звѣрствомъ превзошелъ Нерона, Тамерлана:
Покою ни кому мучитель не давалъ;
Младенцевъ, старцевъ, онъ друзей, родныхъ терзалъ;
Ни плачъ, ни вопль его не трогали утробы;
Онъ рѣзалъ у живыхъ сердца; былъ тигръ, палачъ!
Дрожишь и хочешь знать: кто, кто сей извергъ злобы,
Кто былъ сей живодёръ? — Онъ былъ Антипъ скрипачъ.

ЛЕКАРЮ.

Здѣсь погребенъ
Врачебныя управы членъ:
Два Лекаря надъ нимъ искусство истощили; —
О, если бъ Лекари лишь Лекарей лечили!

ИГРОКУ.

Сынъ счастія, кого всѣ *короли* любили!
Гдѣ слава днесь твоя? Увы! прошла какъ дымъ.
Холопы игроку и *дамы* измѣнили;
Лишь *черви* поползли за нимъ.

БАРДУСУ.

Здѣсь Бардусъ погребенъ: что звучностію гласа
Превосходилъ и Музъ, и Феба и Пегаса.

ОДНОМУ МОЛОДОМУ ЧѢЛОВѢКУ.

Прекрасная душа, прелестно юно тѣло
О преимуществѣ имѣли спорно дѣло,
Которое рѣшить недоумѣлъ и свѣтъ;
Но тяжбу оную рѣшилъ врачей совѣтъ.

Г. . . . . У.

Помѣстье, домъ прекрасный,
Кареты, цуги, все оставилъ сей несчастный,
И въ вѣчность отошелъ пѣшкомъ
Съ одною ношею — съ *горбомъ*.

ВЫСОКОУЧЕНОМУ.

Гніетъ здѣсь гордая Латынь.
Аминь.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ПОЛУЧЕНІЕ КАНДИДАТСКАГО ДОСТОИНСТВА.

Къ перу! излей восторгъ и радость опиши!
За риѳмой риѳма въ слѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши.
Десницей мощною ученаго Сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!
Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой Кандидата!
И Слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! а ты Дедаловъ правнукъ, Блюмъ!*)
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И, что всего важнѣй, толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

*) Извѣстнѣйшій въ городѣ столяръ.

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНІИ СУМАРОКОВА.

О, горе, горе намъ,
Мелкопомѣстнымъ риомачамъ!
Когда Парнасскій Князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто парнасскихъ выпилъ токовъ
И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ риомы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтутъ для риомы райски крины;
А гдѣ стоитъ Великій Петръ,
Тамъ по неволѣ дуетъ вѣтръ.
Нѣтъ, риома! ты забудь насъ почитать рабами,
Иль, разсердясь, тебя мы презримъ сами.

ПОХВАЛА ГУСИНОМУ ПЕРУ.

Природа перьями довольствуетъ гусей,
А гуси оными снабжаютъ писарей;
Гусиное крыло безъ перьевъ ослабѣетъ,
И писарска рука безъ оныхъ оскудѣетъ!
За данно вамъ добро
Природу, гуси, восхвалите;
За драгоцѣнное перо,
Подьячіе, главу предъ гусемъ приклоните!

ФОРТУНА.

Зевесъ позвать къ себѣ Фортуну приказалъ;
Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ отыскалъ?
Не добродѣтели достойно награждала,
Въ конюшнѣ каменной осла она ласкала!

КЪ НѢКОТОРОЙ ШКАТУЛКѢ.

Шкатулка дорогая,
Хотя изъ дерева, однако золотая!
Магнитъ шкатулка для плутовъ,
Приманка для воровъ,
Ласкателямъ забава,
Завистникамъ отрава,
Пресвитеровъ желанье,
Подьячихъ претыканье;
Прибѣжище купцовъ брадатыхъ,
Дворянъ надежда тороватыхъ,
Пристанище несчастныхъ кораблей,
Житейскихъ посреди морей,
Лишенныхъ денежнаго груза
Чрезъ двойку или туза!
Будь крѣпко заперта, шкатулка, для воровъ,
Для мотовъ, для ханжей, бездѣльниковъ, льстецовъ;

Гони прочь отъ себя и ябеду съ когтями,
И зависть желтую съ бѣсовскими глазами!
Отверзта бѣднымъ будь и добрымъ помогай,
Тогда отверзется и для шкатулки рай.

ЗЕРКАЛО И УРОДЪ.

УРОДЪ.

Ты, грубое стекло, меня приводишь въ стыдъ.
Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видъ?
Будь вѣжливо: польсти!

ЗЕРКАЛО.

Льстить, право, не умѣю;
Лесть свойственна лисѣ, собакѣ и лакею.

СРАВНЕНІЕ.

Коль умъ — небесный огнь: печь — наша голова;
Что жъ наши знанія? — солома и дрова!

КОНЧИНА
ОДНОГО МОЛОДАГО, ЗНАТНАГО И БОГАТАГО ЧЕЛОВѢКА.

Постой, свирѣпа смерть! кричатъ съ любовью
младость;
Взгляни! едва, едва мы въ жизни процвѣли,
Налюбоваться мы другъ другомъ не могли. —
— Хоть насъ ты пощади, вопитъ съ богатствомъ
знатность;
Пускай поговоритъ о нашемъ блескѣ свѣтъ!
Оставь счастливца, смерть! уже ль несчастныхъ
нѣтъ?
Но ежели угодно такъ судьбинѣ,
Чтобъ принесли, о смерть! тебѣ мы жертву нынѣ:
Шесть тысячъ душъ у насъ: любую выбирай!
Лишь съ жизнію ты насъ не разлучай! —
— Умолкните! смерть грозно отвѣчаетъ:
Трава, о смертные! вы предо мною всѣ;
Но тѣхъ коса моя охотнѣй подсѣкаетъ,
Которы счастія цвѣтутъ на высотѣ.

СОБАКИ.

Погладивъ сѣраго, ласкать я жучку сталъ,
На жучку сѣрой вдругъ напалъ.
То видя, я сказалъ:
Коль можетъ зависть быть межъ тварію такою,
То какъ ужъ людямъ намъ не грызться межъ
собою! —

КЪ ЛЮДЯМЪ.

Гордитесь, смертные, умомъ;
Но безпристрастно кто въ дѣянья ваши вникнетъ,
Съ прискорбіемъ воскликнетъ:
Ахъ! міръ сей — сумасшедшихъ домъ!

СТИХИ НА ПУТИ ИЗЪ ГОРОДА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Ужъ за заставой я:
Какая мнѣ отрада!
Передо мной. . . . прелестныя поля;
За мною. . . . пыль и кирпичей громада!

ЦВѢТОЧЕКЪ.

«Теперь краса твоя, цвѣточекъ, насъ прельщаетъ;
Но ахъ! увянешь ты.»
— До будущей весны!
Безбожнику цвѣточекъ отвѣчаетъ. —

ЛИРИЧЕСКІЯ.

ПОЭТЪ.

Смирись! кто бъ ни былъ ты, хотя бъ властитель
свѣта:
Что́ пышный жребій твой предъ участью Поэта?
Хоть бѣденъ, но блаженъ; хоть смертенъ, но
онъ *бог*.
Такъ! *бог*: коль и боговъ творить онъ древле
могъ.
Какъ пламень быстро онъ вселенну пролетаетъ,
Орломъ надъ солнцами онъ крылья расширяетъ,
Сквозь свѣта Океанъ во мрачны бездны зритъ,
Объемлетъ естество и жизнь ему даритъ.
Чудесъ толикихъ мать повѣдай, древность, міру,
Коль всемогущъ Поэтъ, держа священну лиру:
Волшебнымъ гдѣ ея касался онъ струнамъ,
Средь дикихъ вдругъ пустынь раждались грады
тамъ;
Къ стопамъ его лѣса и горы преклонялись,
И тигры передъ нимъ, ласкаясь, простирались:
Такъ сей природы царь творилъ и покорялъ!
Коль въ тартаръ нисходилъ, и тамъ повелѣвалъ!
О, даръ изящнѣйшій, даръ божествамъ завидный!
Вы лишены его тираны ненасытны:
Вамъ можно лишь въ крови народы потоплять;
Поэтъ имѣетъ даръ безъ брани побѣждать.

Тамъ ваши узники терзаются въ мученьи,
Здѣсь плѣнники его ликуютъ въ восхищеньи;
Прегорьки слезы тамъ, сладчайши здѣсь текутъ;
Тамъ власть ужасный бичъ, а здѣсь къ блаженству путь;
И если бъ симъ путемъ ходили человѣки,
Златые на земли господствовали бъ вѣки:
Тогда бы смертныхъ родъ, лобзая жребій свой,
Не преклонялъ колѣнъ, о счастье! предъ тобой. —
Что чувствую? восторгъ объялъ меня небесной!
Открылось предо мной видѣніе чудесно:
Я зрю народовъ сонмъ въ прелестнѣйшей странѣ;
Благоговѣютъ всѣ! — Средь сонма на холмѣ
Я полубога зрю, иль мужа вдохновенна!
Въ очахъ его душа сверкаетъ раскаленна;
Какъ предъ грозою день, его такъ мрачный видъ,
Улыбкой освѣщенъ, прельщаетъ и страшитъ.
Взлетѣлъ на лиру онъ крылатыми перстами
И слаще соловья воспѣлъ съ ея струнами.
Любовь и дружество, златая цѣпь сердецъ!
Васъ въ пѣсни возгласилъ божественный пѣвецъ,
И чисты жертвы вамъ повсюду воспылали!
Вражда! низринься въ адъ, народы восклицали.
Низринулась! гласитъ въ восторгѣ имъ Поэтъ,
И какъ Эдемскій садъ міръ миромъ процвѣтетъ.
Умолкнулъ! . . и вѣнцемъ оливнымъ увязенный,
Въ храмъ славы отошелъ, пѣвцамъ опредѣленный.
Не на развалинахъ сей храмъ сооруженъ,
Не чрепами людей злосчастныхъ покровенъ;
Не зрятся жертвы тамъ трепещущи, сраженны

И не обрызганы тамъ черной кровью стѣны.
Убійцы! прочь отсель! Такъ, тигры, сей не вамъ
Прекрасный и святый воздвигнутъ славы храмъ.
Пусть чудится вамъ лесть, ползая предъ вами;
Но здѣсь коль встрѣтитесь съ правдивыми пѣвцами,
Проклятіемъ на васъ ихъ лиры возгремятъ
И сей ужасный гласъ всѣ вѣки повторятъ. —
А ты, мужъ доблестный, что правдѣ побораешь,
Мечемъ какъ молніей лишь злобѣ угрожаешь,
Приближься! . . . се тебя безсмертіе зоветъ
И лиру звучную Поэту подаетъ.
Отнынѣ не умрешь, великодушный воинъ!
Отъ истинна пѣвца хвалой ты удостоенъ.
Во мракѣ скрыть хотѣлъ Сатурнъ твои дѣла,
Раздался лирный звукъ и озарилась мгла. —
Таковъ Поэтъ! — О, сколь возлюбленъ тотъ судьбою,
Кто съ пламенной рожденъ и нѣжною душою;
Священный на кого наитствуетъ восторгъ,
Кого пѣть научилъ самъ стихотворства богъ;
Другъ добродѣтели, врагъ гнуснаго порока,
Не ждетъ онъ милостей отъ своенравна рока!
Крезъ въ блескѣ, въ роскошахъ блаженства не имѣлъ;
Гомеръ былъ въ нищетѣ, но раемъ онъ владѣлъ.

ЗЛАТОЕ ВРЕМЯ.

Будетъ время, что престанетъ
Лить фортуна сладкій ядъ,
Смертныхъ больше не обманетъ
Еввы сей прелестный взглядъ.

Будетъ время: умъ отважный,
Лилипутскій великанъ,
Замыслы оставитъ важны
Досягнуть эѳирныхъ странъ.

Будетъ время, что страсть нами
Не дерзнетъ уже играть;
Не дерзнетъ она сердцами,
Какъ Султанъ повелѣвать.

Будетъ время, что гремушка
Не плѣнитъ, Герой, тебя,
Ни блестящая игрушка:
Перестанешь быть дитя.

Будетъ время: полъ прекрасный
Не наложитъ ты оковъ,
И не будутъ намъ опасны
Миловидность и любовь.

Будетъ время, что гонитель
Слабыхъ кровь престанетъ пить;

И небесный правды мститель
Громъ положитъ опочить.

Будетъ время, что смирятся
Люди, вздорливы слѣпцы,
И покоемъ насладятся,
Какъ прямые мудрецы.

Будетъ время: дарованья
Глупости не оскорбятъ,
И уродливы созданья
Не поставятъ имъ преградъ. —

Но сіе златое время
Не наступитъ никогда.
— Нѣтъ! наступитъ, но тогда,
Какъ исчезнетъ смертныхъ племя.

ОСЕНЬ.

— ⏑ ⏑ —⏑
— ⏑ ⏑ —

Скучна природа
Стала ты вдругъ,
Ясна погода
Съ лѣтомъ прошла.

Сизы туманы
Вьются вездѣ,
Мрачны надъ нами
Тучи висятъ.

Хоръ сладкогласный
Птичекъ умолкъ,
Ревъ лишь ужасный
Слышенъ звѣрей.

Листъ упадаетъ
Съ шумомъ съ древесъ,
Цвѣтъ увядаетъ,
Гибнетъ трава.

Томны бросаю
Взоры вокругъ
И ощущаю
Въ сердцѣ печаль.

Вѣчно ли стану
Въ жизни цвѣсти? —
Тоже увяну
Въ осень мою.

КЪ РОССІИ.

Гордись, Россія! ты сынами;
Гордись предъ прочими странами!
О, славна мать! твой каждый сынъ
Ужасный сердцемъ исполинъ.

Онъ въ жертву все тебѣ приноситъ:
Покой, имущество и кровь;
Царя міровъ усердно проситъ:
Продли въ насъ къ матери любовь!

Пускай завидливой рукою
Судьба подпишетъ приговоръ:
Сразится цѣлый свѣтъ съ тобою,
И вскрикнетъ: смерть, или позоръ?

Смерть! смѣло мы злодѣямъ скажемъ,
И землю кровью обагримъ;
Судьбѣ завистливой докажемъ,
Что храбрый Россъ непобѣдимъ.

СВЯЩЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ПѢСНЬ ВѢРѢ.

—

Воспряни духъ мой усыпленный!
Всю бодрость нынѣ ты яви:
Страстей тиранствомъ наложенны,
Постыдны цѣпи разорви;
Да узришь ты себя достойнымъ
Небеснымъ пламенемъ горѣть,
Усерднымъ гласомъ и пристойнымъ
Всесильна Бога дщерь воспѣть.

Прекроткую и преблагую
Дщерь правосуднаго Творца,
Стремлюсь я Вѣру пѣть святую. —
Прочь, прочь, строптивыя сердца!
Лжемудрецы! для васъ невнятенъ
Гласъ истины, гласъ пѣсни сей;
Вамъ фурій адскій крикъ пріятенъ,
Учащихъ злобѣ васъ своей.

Съ небесъ, откуду свѣтъ нисходитъ,
Простри, богиня, лучъ ко мнѣ,
Туда мой духъ свой взоръ возводитъ:
Се, воскриленъ паритъ къ тебѣ!
Священный страхъ его объемлетъ,
Безмолвенъ сталъ и удивленъ;

Онъ сладкогласнымъ ликамъ внемлетъ,
Отвсюду блескомъ ослѣпленъ.

Не се ли Вышняго чертоги,
Отколь вселенной правитъ Онъ,
Отколѣ праведный и строгій
Изрекъ твореніямъ законъ? —
Отсель міры въ прахъ обращаетъ
И новы маніемъ творитъ;
Отселѣ Онъ въ душахъ читаетъ
И каждую песчинку зритъ.

У трона, славой окруженна,
Гдѣ Громовержецъ возсѣдитъ,
Се на колѣнахъ, толь смиренна,
Дщерь Бога, Вѣра предстоитъ!
Умильный зракъ ея блистаетъ
Сердечной теплою слезой,
Такъ Май лилею украшаетъ
Алмазной по зарямъ росой.

Съ простертыми она руками:
«О грозный Богъ! о мой Отецъ!
Речетъ любезными устами,
Призри на вѣрныхъ мнѣ, Творецъ!»
Всей злобой ополчась, бунтуетъ
Противъ меня адъ на землѣ:
Да Сѣверъ, другъ мой, торжествуетъ
И возвратитъ полсвѣта мнѣ.»

«Мои разрушилъ Западъ храмы,
Лжемудрость божествомъ нарекъ;

Тамъ тартаръ овладѣлъ душами
Въ исполненный разврата вѣкъ!
Единый Сѣверъ защищаетъ
И добродѣтель и меня,
Всемощный! онъ къ Тебѣ взываетъ:
Прославь его! прославь Себя!»

Такъ Вѣра Россамъ побораетъ!
Таковъ ихъ къ ней усердья плодъ!
Доколѣ Вѣру почитаетъ,
Цвѣтущъ пребудетъ сей народъ;
Простертъ лишь къ ней свои онъ длани,
И адскихъ избѣжитъ сѣтей:
Такъ Вѣрой крѣпокъ Россъ во брани
И непоступенъ средь смертей.

Но что за Фурія сіяетъ
И пламень вержетъ на меня?
Какъ жаломъ — взоромъ уязвляетъ;
Впилася въ сердце ей змія,
Другія вкругъ главы віются
И черный ядъ, шипя, ліютъ;
Слова ужасны раздаются
И душу всю мою трясутъ.

«Страшись ты моего отмщенья!
Кому хвалу ты воздаешь!
Во дни толики просвѣщенья
Кого, безумный, ты поешь?
Дерзнулъ ты славословить Вѣру!
Стократъ мудрѣйшіе тебя

Презрѣнну видятъ въ ней химеру
И чтутъ богинею меня.»

«О, несравненная награда
Для ревностныхъ рабовъ моихъ!
Обильно всѣ утѣхи ада
Лію всечасно я на нихъ:
Съ улыбкой по цвѣтамъ ступаютъ;
Нѣтъ тернія на ихъ пути;
Сомнѣнья, страхи попираютъ;
Къ нимъ скорбь не смѣетъ подойти.»

«Воззри на моего любимца:
Онъ прахомъ былъ покрытъ и тмой,
И се сіяетъ какъ Денница;
Онъ вознесенъ, прославленъ мной!
Я власть даю ему надъ міромъ! —
Плѣнись его ты торжествомъ,
Повергнись предъ моимъ кумиромъ,
Почти нечестье божествомъ!»

Исчезни адско порожденье!
Не божество, ты бичъ земли!
Свирѣпство, ужасъ, истребленье
Всегдашни спутники твои!
Гдѣ ты — оттуда вожделѣнны
Бѣгутъ согласье, тишина;
Съ кѣмъ ты — въ томъ нравы развращенны,
Душа того злодѣйствъ полна.

Коль гибельно то упоенье,
Что̀ въ сердцѣ производишь ты!

Пройдетъ ужасно изступленье,
Исчезнутъ буйственны мечты,
Съ отчаяньемъ тутъ извергъ взглянетъ
Въ зерцалѣ правды на себя;
Но тщетно проклинать онъ станетъ
Тогда, чудовище, тебя! —

О смертный! Вѣрой ты одною
Блаженство истинно найдешь!
Царемъ поставленъ ли судьбою,
Иль въ низкой долѣ жизнь ведешь;
На лонѣ ль счастья почиваешь,
Иль злобнымъ рокомъ ты гонимъ,
Да съ Вѣрой твердо пребываешь,
И Небомъ будешь ты хранимъ.

Какое зрѣлище чудесно!
Се съ горнихъ мѣстъ она грядетъ,
Надежда и Любовь небесна,
Обнявшись, идутъ ей во слѣдъ,
Всѣ добродѣтели, руками
Сцѣпясь, нисходятъ въ дольный міръ,
И неба отягченъ дарами
Грядетъ въ вѣнцѣ оливномъ миръ.

Божественный отъ странъ эѳира
Внезапно къ намъ стремится гласъ;
На крылахъ легкаго зефира
Къ прекрасну сонму обратясь,
Такъ Вѣра кроткая вѣщаетъ:
«Внемлите, стонетъ какъ земля;

Какъ въ блѣдны перси ударяетъ
Раба невѣрная себя!»

«Что въ буйствѣ, дерзка, предпріяла?
Къ погибели своей она
Войной противъ того возстала;
Изъ персти кѣмъ сотворена;
Измѣной адской обольщена,
Предъ злобною царицей тмы,
Въ знакъ рабства, пала на колѣна:
Отринутъ Богъ, презрѣны мы!»

Исторгнувшись вдругъ разъяренна
Изъ ада буря какъ летитъ,
Крылами вихрей восхищенна;
День нощію, нощь днемъ творитъ,
Стихіи съ ревомъ побуждаетъ
Сражаться яро межъ собой
И вмигъ въ природѣ разрушаетъ
Порядокъ дивный и покой.

Такъ Фуріями вдохновенна,
Съ геенскимъ факеломъ въ рукахъ,
Стремится мать предерзновенна
Сердца воспламенятъ въ сынахъ:
Въ нихъ буйство, злобу возбуждаетъ,
Страстямъ свирѣпствовать велитъ,
Блаженства прочнаго лишаетъ
И адскими мечтами льститъ.

Безумные безумной внемлютъ;

Вотще къ нимъ совѣсть ихъ вопитъ!
Оружье адское подъемлютъ,
Готовы съ небомъ въ бой вступить.
Падутъ со трескомъ царски троны,
Дымятся въ пеплѣ алтари,
Ногами попраны законы,
Шумятъ кровавые ручьи.

Смиритесь, братья, ослѣпленны,
Иль дерзкихъ васъ смирю единъ!
Воскликнулъ мразомъ возращенный
Межъ льдами страшный исполинъ:
Съ васъ иго адское низвергну,
Я васъ заставлю мирно жить;
Власть царску, Вѣру чтить священну
И добродѣтели любить.

Онъ рекъ, и мечъ сверкаетъ
И адски полчища падутъ;
Коварство что́ ни вымышляетъ,
Ничтожнымъ зритъ оно свой трудъ;
Ярится тартаръ, негодуетъ,
На раны, поблѣднѣвъ, глядитъ,
Но съ небомъ купно Россъ ликуетъ,
Зря дерзостныхъ уронъ и стыдъ.

«Грядемъ въ страны благословенны,
Такъ Вѣра спутницамъ речетъ:
Гдѣ племена живутъ мнѣ вѣрны,
Тамъ насъ усердіе ихъ ждетъ;
Для насъ и храмы тамъ отверзты,

Готовы чисты жертвы намъ,
Но сердце Россовъ чуждо лести,
То намъ прекрасный будетъ храмъ».

Гряди къ намъ Вѣра благодатна!
О, коль намъ вожделѣнна ты!
Страна у насъ сурова, хладна,
Но сердце полно теплоты;
Найдешь въ немъ доблесть и покорность
Тебѣ, законамъ и Царю,
Найдешь всегдашнюю готовность
Принесть вамъ въ жертву жизнь свою.

Вовѣки царствуй ты надъ нами
О, Вѣра! ты блаженства мать;
Мы любимъ, чтимъ тебя сердцами,
Стремимся скипетръ твой лобзать:
Ты въ жизни сей для насъ отрада,
И въ вѣчности веселье намъ.
Терзайтеся любимцы ада:
Вамъ горе здѣсь и горе тамъ!

СОНЕТЪ *).

Колико, Господи, судьбы Твои правдивы!
Веселіе Твое — намъ милости творить;
Но Ты, Создатель, зришь пути мои строптивы,
И правдою судя, мнѣ можешь ли простить?

Такъ, Боже, предъ Тобой я грѣшникъ нечестивый:
Достойно власть Твоя мнѣ казнь опредѣлитъ:
Спастись не долженъ рабъ, какъ я, грѣхолюбивый,
И благость къ намъ Твоя его не пощадитъ!

Пролей Ты на меня всю праведную ярость,
Яви къ слезамъ моимъ презрѣніе, не жалость:
Грянь, громомъ порази, и бранью брань отмсти;
Погибну я, законъ и гнѣвъ Твой обожая.

Но что! куда перунъ повергнешь Ты?
Зри! — всюду кровь на мнѣ Христова пресвятая.

(* Переводъ изъ Дебаро.

МОЛИТВА.

Услышь меня, о Боже, съ высоты!
Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
Подай, Всещедрый, мнѣ не то, чего желаю;
Но то, что Самъ подать восхищешь Ты!

ПРОЗА.

СКАЗАНІЕ О ѲЕМИДѢ И ОВЪ ИНОПЛЕМЕННЫХЪ ПРИКАЗНЫХЪ.

—

Обитаемая нами планета значитъ менѣе во вселенной, нежели какой нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня Правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присутствіе нужно и для другихъ планетъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по своему пространству и многолюдству, заслуживаютъ названіе міровъ Губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе Земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ Юпитерскимъ подьячимъ, котораго карманъ ужасная бездна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцевъ Земнаго Шара. Вотъ какими приказными громадами озабочено теперь Правосудіе! Не столько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рукѣ просителя, сколько восхищался одинъ знаменитый астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее происшествіе:

Быстро катилася Ѳемидина одноколка по эѳирной столбовой дорогѣ. На границѣ Юпитерской атмосферы удивительное зрѣлище представилось очамъ Ѳемиды: шесть парадныхъ филиновъ важно

подвигали торжественный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая Ночь, оправляя на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усильной просьбѣ Правосудія, закрыть звѣзды свои черною мантильею. Симъ воспользовалась Ѳемида и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ богини, но въ смиренномъ видѣ челобитчика. Какое-то горестное предчувствіе стѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся Луна указала ей на крыльцѣ высокихъ палатъ: чернильницы сокрушенныя, бумагу растерзанную и перья изгрызенныя.—Здравствуй, Правосудіе-челобитчикъ! вѣщала съ усмѣшкою Луна. Странно мнѣ, Ѳемида, что ты, при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ, повѣсила уже носъ. О, сколь будешь ты утѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей твоихъ! Клянусь Стиксомъ, что на Юпитерѣ подьячіе самыя неугомонныя твари. Теперь, во время всемірной тишины, иные изъ нихъ за карточными столами гремятъ алтынами; другіе, при неистовыхъ восклицаніяхъ, бьютъ въ дребезги опорожненныя флаги и красоули; иные же, въ ябедническомъ изступленіи, заставляютъ кричать несчастныя перья; даже и тѣ, которыхъ Морфей держитъ на привязи, нарушаютъ страшнымъ храпѣніемъ спокойствіе природы. Прости, жалкое подьяческое божество! скоро увидишься ты съ Авророю. Багряная сія богиня не замедлила показаться верхомъ на красной лошади. И съ богини, и съ коня сыпались румяна. Примѣтя въ

Ѳемидѣ удивленіе, Заря сказала ей: такъ ли ты удивишься, когда увидишь дѣвственную красоту подьячихъ здѣшней планеты. Райскія розы цвѣтутъ на ихъ пухлыхъ ланитахъ, и небесная лазурь (бываетъ нерѣдко) у нихъ подъ глазами. Внезапно отворились двери храма и вышло нѣкое приказное чудо для нѣкоего нетерпящаго проволочки дѣла. Ужасный писарь возвратился въ свое логовище, зѣвая и потягиваясь. Не только бѣднаго челобитчика, но и Аврору взглядомъ онъ не удостоилъ. Вотъ, сказала Аврора Ѳемидѣ, одинъ изъ твоихъ причетниковъ. При наступленіи ночи, Морфей засталъ его въ храмѣ твоемъ еле-движущагося, и повергъ безчувственна съ презрѣніемъ подъ лавку. Ахъ! еслибы Морфей не подъ лавку, но въ преисподнюю забросилъ сіе скаредное порожденіе ябеды, находившееся при послѣднемъ издыханіи отъ чрезмѣрнаго пріема пьяной акциденціи. Ты видѣла, какъ грубо обошелся со мною крючкотворецъ. Но можетъ ли Заря обижаться нечувствительностью сего животнаго. Само солнце никогда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива, чтобы великолѣпіемъ его восхищался подьячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подьячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнію куфахъ, производятъ они только броженіе. Правда! воскликнулъ Фебъ;—и Заря, засвидѣтельствовавъ ему и Ѳемидѣ усердное почитаніе, ускакала. Въ слѣдъ за нею отправилась и тишина. Разнозвучные голоса колоссальныхъ жи-

телей Юпитера потрясли воздухъ. Сиповатый и принужденный подьяческій голосъ отличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудія. Вскорѣ покрылась Ѳемидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное туловище, проворныя ходули, острыя когти, желѣзный лобъ, мутные глаза; ноздри табаку алчущія, уста водки жаждущія, уши длинныя, пернатыя и карманы широкіе, укладистые. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части: меньшая, кашляя и кряхтя, вступила во храмъ Правосудія, а бо̀льшая направила стопы къ Бахусову капищу. Богиня-челобитчикъ дрожащею ногою коснулася прага судилища. Остановись! грозно сказала ей нѣкая плѣшивая особа: я здѣшняго храма понамарь! Должность моя состоитъ въ томъ, чтобы наполнять жертвенные сосуды чернилами и собирать пошлину со входящихъ въ Ѳемидино святилище молельщиковъ. Подай алтынъ!—Тщетно Правосудіе увѣряло своего понамаря, что оно, по неимѣнію широкихъ кармановъ, не могло запастись алтынами; грубой алтынникъ хотѣлъ уже оттолкнуть отъ дверей бѣдную свою богиню, но Фебъ такъ сильно бросилъ лучъ въ его плѣшивую голову, что пошлина вылетѣла оттуда вмѣстѣ съ памятью. Освобожденная отъ приказнаго Цербера, Ѳемида вошла во внутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры Правосудія! Тамъ страшная бумажная гора возносила до потолка гордое свое чело, увѣнчанное паутиною; а здѣсь простиралось длинное деревянное поле, усѣянное

чернильницами и табакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на которыхъ съ крикомъ бѣгало многочисленное стадо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные дьячки храма. Къ одному изъ сихъ дьячковъ, сирѣчь, подьячихъ, подошла богиня-челобитчикъ и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудія. Подьячій, не говоря ни слова, протянулъ къ ней руку. Ѳемида подходила къ каждому изъ нихъ поочереди, но всѣ они молчали и протягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. Вижу, шепнулъ ей наконецъ подьяческій голосъ, что ты челобитчикъ непросвѣщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на твой счетъ утреннюю жертву, и тогда открою тебѣ важныя таинства нашего храма. — Открой мнѣ наперед, сказала Ѳемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ и гдѣ вѣсы правосудія? Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ, отвѣчалъ подьячій. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Ѳемида вышла изъ храма. Она возвела къ Солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подалъ ей знакъ, чтобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ пространный дворъ. Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, тѣснилась вокругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ отчаяніемъ увидѣла Ѳемида надпись: *вѣсы правосудія* и стоявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка. Посмотримъ, говорилъ дьякъ одному отвѣтчику, что ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпри-

страстные вѣсы.—Я кладу, сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду, мои слезы.—И только! возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ истецъ, что положишь въ доказательство справедливости твоего иска?—Не токмо положу, но и поставлю, отвѣчалъ сутяга. Кладу сію сафьянную архиву, наполненную синими, красными и бѣлыми документами; въ дополненіе же ставлю я на безпристрастные вѣсы фуру питательныхъ документовъ и сороковую бочку самаго крѣпкаго доказательства справедливости моего иска. Отвѣтчикъ проигралъ, воскликнулъ дьякъ; вѣсы Правосудія упали на твою, истецъ, сторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ.—Чувствуешь ли ты, съ гнѣвомъ у дьяка спросила Ѳемида, что такое Правосудіе?—Очень чувствую, отвѣчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, составило бы нѣкую воздушную снѣдь довольно, можетъ быть, сытную для постныхъ людей, именуемыхъ добрыми, но весьма неудовлетворительную для приказной лакомой утробы. Утверждаютъ въ школахъ, что Правосудіе добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оное Правосудіе божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною осетриною и съ копченымъ окорокомъ?—О, Солнце, вскричала Ѳемида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обтекаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще растутъ столь подлые дьяки и подьячіе? Нигдѣ, отвѣчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, приказные не столь

крупны, какъ на Юпитерѣ; но они могутъ почесться украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подьячіе не опиваютъ и не обыгриваютъ просителей, не кривятъ душею, чужды ябеды, непричастны акциденціи, усердны государю и Правосудію. Если бы тамъ осмѣлился дьякъ перенести изъ судилища на свой дворъ вѣсы правосудія, то онъ былъ бы осмѣянъ, презрѣнъ и повѣшенъ. — А ты, людоѣдъ, вѣщала Юпитерскому дьяку Ѳемида, думаешь ли, что злодѣянія твои останутся ненаказанными? Позовите ко мнѣ искуснаго анатомика! — Всепресвѣтлѣйшая богиня! возопилъ дьякъ, бью челомъ о нижеслѣдующемъ: повели разсмотрѣть мое уголовное дѣло судебнымъ порядкомъ и дозволь мнѣ, оканному, умереть по формѣ. — Между тѣмъ явился искусный анатомикъ, и узнавъ, что должно потрошить дьяка, произнесъ по сему случаю витіеватую латинскую рѣчь. Потомъ, растянувши дьяка на сороковой бочкѣ, принялся анатомить его карманъ Дьякъ ощутилъ ужасное мученіе и поднялъ жалкій крикъ. Посинѣвшее лице и судорожное движеніе перстовъ, недавно алтыны принимавшихъ, показывали исходъ дьячей души. Вскорѣ вылетѣла она изъ распоротаго кармана въ образѣ нетопыря — и страдалецъ преставился. Богиня приказала разрѣзать лакомую утробу; но анатомикъ поклялся всею Миѳологіею, что отъ вскрытія дьячего чрева непремѣнно произойдетъ моровая язва. Въ головѣ у дьяка найдено, сверхъ множества крючковъ, основательное познаніе о

ходячей монетѣ, о напиткахъ и съѣстныхъ припасахъ; подъ ябедническими ногтями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди (къ лѣвой сторонѣ) отысканъ большой камень. Ѳемида повелѣла на семъ камнѣ вырѣзать надпись: *чувствительное сердце Юпитерскаго дьяка* — и сію натуральную рѣдкость отослала въ Кунсткамеру. Туда же отправила и дьячій трупъ, посадивши въ наполненную спиртомъ сороковую бочку. Неизвѣстно еще, какъ поступлено съ подьячими. Но весьма вѣроятно, что они наказаны публично анатомическимъ ножемъ и сосланы въ Кунсткамеру.

Преблагородные дьяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безъ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами преподлыхъ вашихъ собратій на Юпитерѣ. Сколь вы почтенны и счастливы, если вы добродѣтельны! Въ противномъ случаѣ, страшитесь Правосудія и ножа анатомическаго.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ О БЛОХѢ.

Блоха занимаетъ не послѣднее мѣсто между мучителями рода человѣческаго. Чернота ея показываетъ, что она есть исчадіе ада. Много ли такихъ счастливцевъ, которые бы хотя однажды въ жизни не испытали лютости сего чудовища? Блоха не смотритъ ни на возрастъ, ни на состояніе; не смягчается просьбами, не боится угрозъ; докучлива какъ проситель, увертлива какъ подьячій, когда персты уязвленнаго имъ Правосудія стремятся его раздавить. Исторія представляетъ намъ ужасный примѣръ вшей, умертвившихъ римскаго диктатора Силлу. Плутархъ, повѣствующій о семъ ужасномъ пораженіи гордости, отдаетъ лавровый вѣнокъ однимъ только вшамъ; но кто не видитъ здѣсь его пристрастія, и кто усумнится, чтобы блохи, всегдашніе союзники вшей, не принимали участія въ достопамятной ихъ побѣдѣ. Такъ міръ трепеталъ предъ Римомъ, Римъ предъ Силлою, а Силла вострепеталъ не предъ одними вшами, но и предъ достойными ихъ союзниками. Отдавая такимъ образомъ должную блохамъ справедливость, признаемся, что торжество ихъ

*) Напечатано въ Вѣстникѣ Европы.

надъ могуществомъ побѣдителя Мáрія и Митридата сколь унизительно, столь и полезно для сильныхъ міра сего. Не лучше ли оно краснорѣчивѣйшей проповѣди учитъ ихъ смиренію? Греція также не мало потерпѣла отъ нашествій соединенныхъ варваровъ — блохо-вшей. Могучему ея Геркулесу легче было поразить немейскаго льва, лернскую гидру и ужаснаго дракона, нежели богатырскою своею пальцею убить ходя одну блоху! Нынѣшнія времена могутъ, по справедливости, гордиться предъ древними тѣмъ, что ни одинъ полководецъ не погибъ подобно Сципіи. Умалчивая о войнахъ другихъ народовъ, скажу, что наши герои, хотя часто принуждены бываютъ сражаться съ многочисленными арміями азіятскихъ и европейскихъ блохо-вшей, но такъ же храбро побѣждаютъ ихъ, какъ и прочихъ своихъ непріятелей. При всемъ томъ блохи таковы и нынѣ, каковы были при Геркулесѣ; онѣ не измѣнились подобно Римлянамъ и Грекамъ. Между тѣмъ, какъ сіи послѣдніе, забывъ славу Перикловъ, Эпаминондовъ и Агезилаевъ, раболѣпно повергаются предъ султаномъ, блохи, сохраняя древнюю независимость, мужественно нападаютъ на его тучное величество. Тщетно въ сералѣ уродство стережетъ красоту: республиканцы врываются туда и, наслаждаясь прелестями султанши, приводятъ въ бѣшенство ревниваго тирана. Чертоги прочихъ государей не всегда безопасны отъ блохъ: онѣ прыгаютъ тамъ посреди другихъ насѣкомыхъ, которыя приближаются къ трону, къ несчастію,

иногда народовъ и царей. Часто, весьма часто гонимая добродѣтель смиренно стоитъ въ передней вельможи, а блоха, покровительствуемая фортуною, гордо присутствуетъ въ его кабинетѣ. Но ежели какой льстецъ думаетъ, что палаты царей и вельможъ для блохъ неприступны, да вѣдаетъ, что онѣ и самихъ языческихъ боговъ посѣщали. Длинная Юпитерова брада не однократно касалася земли и служила блохамъ лѣствицею на Олимпъ. Сіи земные выходцы большею частію оставались въ Зевесовой брадѣ, какъ говоритъ предмѣе, и столько въ ней размножились, что дерзнули объявить войну царю боговъ. Мудрая Минерва совѣтовала Зевесу обриться, и такимъ образомъ освободить себя отъ угрожавшихъ ему Титановъ; но онъ въ гнѣвѣ, презирая бритву, повергъ Перунъ: тогда потрясся Олимпъ; объятая пламенемъ брада съ шумомъ низпала на землю и причинила тотъ славный пожаръ, который описываетъ Овидій во второй книгѣ Превращеній. Будучи поэтъ, а не историкъ, Назонъ не былъ обязанъ представить сіе происшествіе въ истинномъ его видѣ; почему не удивительно, что онъ сдѣлалъ Фебову колесницу изъ Юпитеровой бороды, а Фаэтона изъ блохъ. И такъ, если могущество Юпитера не устрашило непостовыхъ блохъ-Титановъ, то какая власть на землѣ удержитъ ихъ въ предѣлахъ уваженія? Чего же должна ожидать отъ нихъ добродѣтель? Ахъ! не довольно ли терпитъ она отъ злобы, зависти, коварства и предразсудковъ! надобно еще, чтобы и блохи

преслѣдовали ее по пути жизни. Но утѣшься, несчастная: праведное Небо любитъ тебя болѣе нежели Юпитера. Гордость, пышность, власть вовѣки не укроются отъ блохъ: онѣ сыщутъ ихъ въ адѣ; а для тебя уготовано такое жилище, къ которому ни одна блоха приближиться не дерзнетъ. И ты, бѣдная ученость, тщетно возносишься на чердакъ и, окруженная громадами книгъ, сидишь подъ парикомъ. Мизософы-блохи превозмогаютъ всѣ сіи укрѣпленія, устремляются на тебя со звѣрствомъ Сарацынъ и упиваются твоею кровію. Когда же, послѣ храбраго сопротивленія, удается тебѣ полонить хотя одного изъ темныхъ враговъ твоей свѣтлости, ты не умерщвляешь его, какъ другіе, но съ безпримѣрнымъ блохолюбіемъ заключаешь только въ микроскопъ. Повергнись предъ Александромъ великодушнымъ, что въ Россіи дарованы тебѣ надежнѣйшія средства защищаться отъ блохъ, нежели каковыми пользуешься ты въ Германіи. Въ Россіи не имѣешь ты нужды валяться на чердакѣ, окружать себя книжною стѣною и потѣть, сидя подъ парикомъ. Казалось бы, что черные кровопійцы должны ужиться въ мірѣ съ своими собратіями, незаконнорожденными чадами Юриспруденціи. Душа подьячаго, которую всякой можетъ видѣть за весьма умѣренную цѣну, даже и по нынѣшнему курсу, душа подьячаго сущая блоха: такъ же черна, такъ же мелка, проворна, язвительна, безстыдна, ненасытна. При всѣмъ томъ блохи поступаютъ съ подьячими столь же нагло, какъ

они съ своими несчастными жертвами. Вся разность въ томъ, что блохи пьютъ одну кровь, а подьячіе и водку и вино и полпиво и пуншъ и кровь. Да возстанетъ на нихъ несмѣтная сила блохъ; да покроетъ ихъ отъ кармана до пера, лежащаго за ухомъ; да искусаетъ до костей и проникнетъ до сердца, которое тщетно старается грызть беззубая ихъ совѣсть.

Предоставляю мужамъ ученѣйшимъ говорить о началѣ, происхожденіи, законахъ и просвѣщеніи блохъ: матерія обильная, которою можно начинить нѣсколько огромныхъ фоліантовъ!

СЛОВЕСНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ.

Обезьяны составляютъ нѣчто среднее между человѣкомъ и прочими животными. Такая немаловажная честь особенно принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которыя населяютъ знатную часть западной Европы. Видомъ и смѣшными ухватками онѣ почти тѣ же орангутанги; но отъ сихъ косматыхъ собратій своихъ отличаются, сверхъ гладкости тѣла, способностью болтать и напѣвать аріи.—Какъ! скажутъ мнѣ, подлыя сіи твари имѣютъ безцѣнный даръ слова! — Оставьте восклицанія; намъ ли постигнуть намѣреніе Творца природы. Ему угодно было, чтобъ европейскія обезьяны говорили, и онѣ говорятъ. Словесные орангутанги, не смотря на сродное имъ непостоян-

ство, жили всегда обществомъ. Они имѣли правительство, и даже обряды Богослуженія, не потому, чтобы знали пользу и важность священныхъ сихъ установленій, но изъ одного только слѣпаго подраженія сосѣдственнымъ народамъ. Всякой легко себѣ представитъ, что царство обезьянъ должно быть презабавное царство. Если сіи животныя и въ дикомъ, безсловесномъ состояніи, въ которомъ они въ Африкѣ и другихъ жаркихъ странахъ находятся, могутъ заставить хохотать самаго угрюмаго лорда англійскаго; то, будучи въ Европѣ общежительными и словесными, должны они имѣть въ высочайшей степени способность смѣшить и забавлять. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нельзя было лучше предохранить себя отъ ипохондріи, какъ между ними, и потому люди, которые боялись умереть отъ скуки, спѣшили къ нимъ отовсюду. Столица ихъ была наполнена богатыми праздно любцами. Проворныя обезьяны ревностно старались занять своихъ гостей достойнымъ ихъ образомъ. Для сего употребляли онѣ все свое неподражаемое, смѣхотворное искусство, и гости были столько къ нимъ признательны, что, за кривлянья ихъ, бросали имъ полными горстьми не орѣхи, но червонцы. Блестящіе сіи кружечки весьма нравились европейскимъ орангутангамъ: они хватали ихъ съ жадностью, разсматривали и перебирали съ любопытствомъ, побрякивали ими съ нѣкоторымъ тщеславіемъ и берегли ихъ съ великимъ раченіемъ. Такимъ образомъ одна обезьяна стала богата,

какъ Крезъ; а другой Крезъ, пожившій въ столицѣ орангутанговъ, сдѣлался голъ какъ обезьяна. Бѣдный сей человѣкъ подвергся неминуемо презрѣнію и наглости тѣхъ самыхъ животныхъ, которымъ оказывалъ онъ свою непомѣрную и преглупую щедрость. Неблагодарные бросали въ него грязью, дѣлали ему тысячу другихъ ругательствъ и принуждали его уходить безъ памяти изъ скотскаго ихъ царства. Дерзость и неблагодарность европейскихъ орангутантовъ не могли произвесть въ людяхъ справедливой ненависти къ подлымъ и насмѣшливымъ тварямъ симъ, напротивъ того, безразсудная къ нимъ привязанность превратилась въ сильную страсть,—и разумныя существа до того наконецъ унизились, что стали подражать обезьянамъ: подобно имъ, кривляться, прыгать, лепетать, считалось отличнымъ достоинствомъ, а упражненія такого рода составляли то, что называлось хорошимъ воспитаніемъ. Знатные и достаточные люди съ великимъ нждивеніемъ выписывали словесныхъ орангутанговъ и съ сердечнымъ удовольствіемъ поручали имъ дѣтей своихъ. Подъ руководствомъ превосходныхъ сихъ учителей, питомцы быстрыми успѣхами восхищали своихъ благоразумныхъ родителей. Въ короткое время дѣлались они такъ же забавными, какъ и наставники ихъ. Орангутангское воспитаніе столько было уважаемо, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, что самая лестная, для молодаго мужчины, или женщины, похвала состояла въ семъ привѣтствіи: «вы, су-

дарь, или сударыня, ни мало не походите на человѣка; вы совершенная обезьяна, или по крайней мѣрѣ имѣли счастіе воспитываться въ столицѣ словесныхъ обезьянъ.» Но перестанемъ говорить о семъ постыдномъ заблужденіи людей; умолчимъ о пагубныхъ его слѣдствіяхъ и загляднемъ опять въ царство европейскихъ орангутанговъ Нѣсколько вѣковъ члены забавнаго сего общества играли, такъ сказать, почти всегдашнюю комедію. Если бывали иногда трагическія представленія, то они сопровождаемы были толь странными кривляньями, что, вмѣсто сожалѣнія, возбуждали въ зрителяхъ громкій смѣхъ. Обезьяны казались почти нечувствительны къ бѣдствіямъ: что бы имъ ни приключилось, онѣ прыгали и пѣли. Непрерывная веселость ихъ и многія выгоды, которыя онѣ отъ людей получали, дѣлали ихъ счастливыми животными. Но могла ли существовать вѣчная дружба между непостояннымъ счастіемъ и вѣтреными обезьянами? Долговременное согласіе наскучило и тому и другимъ. Обѣ стороны, для любезной перемѣны, желали сдѣлаться непримиримыми врагами. Коварный нѣкій духъ постарался исполнить взаимное ихъ желаніе. Чтобы навсегда поссорить европейскихъ орангутанговъ со счастіемъ, онъ внушилъ имъ дерзкое, для нихъ и для свѣта пагубное предпріятіе. Словесныя, но безсмысленныя твари сіи возмечтали, что онѣ въ состояніи не только сравниться съ людьми, но и превзойти ихъ. Онѣ захотѣли переступить черту, отдѣляющую, такъ

сказать, словеснаго орангутанга отъ истиннаго человѣка, черту, подлѣ которой всякая обезьяна должна сказать себѣ: *non plus ultra*! захотѣли онѣ умствовать. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій грубая ихъ душа (если позволено какую-нибудь душу полагать въ орангутангѣ) достигла мало-по-малу до возможнаго для обезьяны совершенства; но желая итти далѣе, какъ ракъ попятилась назадъ. Обезьяны отнюдь сего не примѣтили: бредъ свой почитали онѣ умствованіемъ, и всякій вздоръ, какой только приходилъ имъ въ голову, выдавали за важное открытіе и неоспоримую истину. Все имъ не нравилось, все хотѣли перековеркать, и вызжали отъ досады, чувствуя себя не въ силахъ вселенную въ верхъ дномъ опрокинуть. Орангутанги присвоили себѣ названіе философовъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ великая ихъ премудрость. Орангутангскій философъ долженъ быть такъ же отличенъ отъ нефилософа, какъ зеленая мартышка отъ шифика съ бѣлою бородою; онъ презираетъ всѣ обязанности, не имѣетъ ни страха, ни надежды, и боится только одной висѣлицы; осмѣиваетъ все то, что человѣческимъ благоразуміемъ и опытностью признано за нужное, полезное и священное; что возвышало и дѣлало счастливыми не только людей, но нѣкоторымъ образомъ и самыхъ словесныхъ обезьянъ; единственнымъ своимъ законодателемъ почитаетъ онъ природу, а нелѣпыя бредни свои, склонности, прихоти и страсти называетъ ея законами. Сообразно съ сими законами, философу

приличнѣе ходить на четверенькахъ, нежели на двухъ ногахъ; онъ можетъ смѣло посадить на вертѣлъ подобнаго себѣ философа и, зажаривши его, съѣсть какъ барана; ему непристойно любить своихъ родителей и сокрушаться о смерти ихъ, по той важной причинѣ, что никогда волъ не заботится о бѣдномъ состояніи престарѣлаго батюшки своего—быка, и никогда оселъ не оплакиваетъ покойной матушки своей—ослицы. Словомъ: вообразимъ всѣ гнусныя, смѣшныя, жалкія и ужасныя свойства, какія только въ самыхъ низкихъ скотахъ когда-либо замѣчены были, и мы увидимъ тѣ совершенства, къ которымъ ведетъ орангутангская философія.

Не съ такою скоростью и легкостью африканскія мартышки вскарабкиваются на вершину пальмоваго дерева, съ какою европейскіе орангутанги стремились на высоту новой премудрости. Успѣхи ихъ были удивительны. Къ чему много способствовала чрезвычайная ихъ дѣятельность, переимчивость, а особливо удобность, съ какою они повсюду и безъ великаго труда могли пользоваться ученіемъ: всякой хлѣвъ былъ для нихъ академія, и всякое четвероногое животное могло, не хуже Канта, преподавать имъ практическую философію. Между орангутангскими мудрецами наиболѣе прославилась одна длинная, желтая, тощая, уродливая обезьяна. Для нѣжнаго уха пріятно будетъ слышать, что она называлась *Rl-oeua;* но была извѣстнѣе подъ именемъ *Ubrt-eola*. Ее почитали атаманомъ многочисленной философи-

ческой шайки. Одинъ орангутангъ, коего сладкозвучнаго имени я не помню, написалъ толстую книгу о семъ длинномъ (*я хотѣлъ сказать* великомъ) своемъ соотечественникѣ. Со всею точностью историка повѣствуетъ онъ, что желтая обезьяна, по большей части, ходила въ красныхъ штанахъ и въ огромномъ рыжемъ парикѣ. Ему казалось, что и сіе обстоятельство будетъ нѣкогда для свѣта драгоцѣнно. Вотъ какъ уважали орангутанги первостатейнаго мудреца своего! Но не одни орангутанги, нѣтъ; должно, къ стыду человѣчества, признаться, что весьма многіе изъ людей почти боготворили безобразную сію обезьяну. Она такъ искусно приправляла философское вранье свое, что трудно было, отвѣдавши его, узнать сокрытый въ немъ ядъ. Однимъ какимъ-нибудь насмѣшливымъ привѣтствіемъ заставляла она молчать и здравый смыслъ и совѣсть. Ея стараніемъ новая премудрость, какъ нѣкая зараза, распространилась повсюду. Молодые люди, по легкомыслію своему толь близкіе къ обезьянамъ, были наиболѣе подвержены прилипчивой сей болѣзни. Они гордились именемъ орангутангскаго философа, доказывая сужденіями и поступками своими, что не напрасно присвоили себѣ нынѣшнее сіе названіе. Вѣру, любовь къ отечеству и всѣ истинно человѣческія добродѣтели почитали заблужденіемъ, предразсудкомъ, невѣжествомъ, варварствомъ; а слово *добрый* было тогда только ими употребляемо (особливо на любимомъ ихъ орангутангскомъ языкѣ), когда хотѣли они

бранить или осмѣять кого-нибудь. При такихъ достоинствахъ чего не доставало имъ, чтобъ быть совершенными философами? того только, что они все еще, не извѣстно по какой причинѣ, ходили не на четверенькахъ! Длинная обезьяна прыгала отъ радости, видя орангутангскую философію въ толь цвѣтущемъ состояніи; но смерть прекратила ея кривлянья, прежде нежели созрѣли плоды скотскаго ей ученія. Злое зелье сіе было, по возможности, искорененно разсудкомъ въ странахъ, населяемыхъ людьми; но въ царствѣ европейскихъ обезьянъ ничто не могло препятствовать его размноженію. Словесные орангутанги съ жадностью пожирали журналъ сей, и объявшись его, пришли въ несказанное бѣшенство; вруги изъ забавныхъ животныхъ сдѣлались опаснѣйшими чудовищами. Не стало въ царствѣ ихъ порядка, который предки ихъ, древнія обезьяны, отъ людей заимствовали. Какъ самыя опасныя изъ американскихъ змѣевъ узнаются по гремушкамъ, такъ самые лютые изъ европейскихъ обезьянъ звѣри были по краснымъ колпакамъ. Подъ ихъ предводительствомъ бѣшеные орангутанги съ неописанною яростью бросались другъ на друга, грызлись и рѣзались между собою. Можно ли было думать, чтобы неслыханные до того времени ужасы произошли отъ столь смѣшныхъ тварей! Конечно бы неистовое племя ихъ само собою истребилось; но, къ несчастію свѣта, появилась между ними обезьяна ростомъ съ пигмея, но гораздо его безобразнѣйшая. Пигмей сей одержалъ верхъ надъ

красными колпаками, и мало по малу поработилъ себѣ и всѣхъ словесныхъ обезьянъ. Казалось, что припадки бѣшенства ихъ прошли; но скоро увидѣли, что сіе было только временное облегченіе въ ихъ болѣзни. Первые признаки возобновившагося бѣшенства оказались въ уродливомъ ихъ обладателѣ, а въ слѣдъ за нимъ одурѣли, по-прежнему, и подвластные ему. Заскрежеталъ зубами, пустилъ пѣну ртомъ и, таща за собою премногочисленную сволочь, ворвался въ сосѣдственныя государства, опустошилъ западъ Европы и бросился на сѣверъ. Но грозный сѣверный народъ умѣетъ потчивать незваныхъ гостей: то испытали нѣкоторые завоеватели, то испытываетъ достойный ихъ подражатель—бѣшеный пификъ. Уже половина предводимыхъ имъ орангутанговъ погибла отъ жестокой діарреи, которая произошла отъ сильно на нихъ подѣйствовавшаго страха, при первой встрѣчѣ съ раздраженными Гипербореянами. Остальные, безъ сомнѣнія, будутъ переколочены въ непродолжительномъ времени. Можно бы сдѣлать имъ слѣдующую надгробную надпись, которая бы послужила, можетъ быть, нѣкоторымъ наставленіемъ для ихъ соотчественниковъ и единомышленниковъ: *обезьяны! хотите ли быть счастливы: кривляйтесь, но не умствуйте;* однакожъ нѣкто искреннѣйшій пріятель мой, страстный стихотворецъ, который и во снѣ бредитъ ямбами, утверждаетъ, что заготовленная имъ эпитафія гораздо лучше сей надписи.

Съ согласія его, помѣщаю ее здѣсь, въ концѣ моего о словесныхъ орангутангахъ, повѣствованія.

ЭПИТАФІЯ.

Почто, прохожій, сталъ, узрѣвъ сіи могилы?
Иль мыслишь: здѣсь лежатъ безстрашные Ахиллы.
Бѣги, не заразись ты воздухомъ сихъ странъ.
Гдѣ бѣшеныхъ толпы зарыты обезьянъ.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ДВУМЯ МЕРТВЕЦАМИ И МЕРКУРІЕМЪ.

МЕРКУРІЙ, АНГЛІЙСКІЙ ПОЕДИНЩИКЪ И ДИКІЙ СѢВЕРО-АМЕРИКАНЕЦЪ.

Поединщикъ. Нока Харонъ переправится къ намъ съ другой стороны Стикса, позволь мнѣ, Меркурій, потолковать съ симъ Сѣверо-Американцемъ, котораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ тебя зовутъ; ты, конечно, говоришь по-англійски?

Дикой. Да; я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ Новомъ-Іоркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и бу-

дучи, при продажѣ рому, безчестнымъ образомъ обманутъ однимъ изъ твоихъ соотчичей, старался всегда послѣ того не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ прочими моими земляками въ послѣднюю противъ Французовъ войну, и убитъ находясь въ партіи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Но я умеръ въ полномъ удовольствіи; ибо собратія мои одержали побѣду, и покуда меня застрѣлили, удалось мнѣ, къ славѣ моей, снять кожу съ семи мужчинъ, пяти женщинъ и нѣсколькихъ младенцевъ. Въ прежнюю войну совершилъ я гораздо блистательнѣйшіе подвиги. Меня называютъ кровожаднымъ медвѣдемъ; имя сіе дано мнѣ для означенія моей лютости и неустрашимости.

Поединщикъ. Мое почтеніе г. кровожадный медвѣдь: я вашъ покорнѣйшій слуга. Меня зовутъ Ѳомою Пошуэломъ. Фамилія моя очень извѣстна въ Артурѣ. Я родомъ дворянинъ, а ремесломъ картежный игрокъ и человѣкъ съ честію. Убивать людей на похвальныхъ поединкахъ мое дѣло; но я не мастеръ рѣзать женщинъ и младенцовъ.

Дикой. Такъ мы воюемъ. У каждаго народа свои обычаи. Но я догадываюсь, по твоему свирѣпому виду и по скважинѣ, которая видна въ груди твоей, что ты такъ же, какъ и я, убитъ, находясь въ партіи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Какъ же то могло случиться, что непріятель твой не ободралъ твоей головы?

Поединщикъ. Я убитъ на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкоторою суммою денегъ; но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству и захотѣлъ, чтобъ я съ нимъ расплатился. Мы сошлись въ Гайд-паркѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ, а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англіи. Я далъ ему три, или четыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня устремился, что привелъ меня въ замѣшательство и пронзилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человѣкъ съ честію, равнодушно и безъ раскаянія. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуетъ: ибо лекарь объявилъ, что раны его смертельны. Говорятъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ погибели все его семейство, состоящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я весьма уже отмщенъ и утѣшенъ! Что до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женитьбою. Любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не останутся безъ призрѣнія въ воспитательномъ домѣ.

Дикой. Меркурій! я не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Онъ умертвилъ своего согражданина; онъ умертвилъ своего друга. На-отрѣзъ говорю тебѣ, что не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Лучше для меня переправиться вплавь чрезъ рѣку: я плаваю, какъ утка.

Меркурій. Переплыть черезъ Стиксъ! нѣтъ!

ты нарушишь законы Плутонова царства. Ступай въ лодку и успокойся.

Дикой. Не говори мнѣ о законахъ: я дикій, и мнѣ они неизвѣстны. Поговори о нихъ съ Англичаниномъ. Въ его отечествѣ есть законы; но ты видишь, что онъ ихъ не уважалъ. Они бы не позволили ему умертвить своего согражданина, и притомъ за то, что онъ потребовалъ своихъ денегъ. Я увѣренъ, что Англичане варвары; но они не могутъ быть свирѣпыми до такой степени, чтобы подобные поступки признавались у нихъ законными.

Меркурій. Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но тебѣ ли огорчаться убійствомъ, когда ты самъ умерщвлялъ сонныхъ женщинъ и младенцевъ въ колыбели.

Дикой. Я убивалъ однихъ непріятелей. Я никогда не умертвилъ моего согражданина; никогда не умертвилъ моего друга.—На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чтобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не притронулся къ нему; иначе, я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на той сторонѣ Стикса. Прощай — я рѣшился переплыть чрезъ Стиксъ.

Меркурій. Симъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей твоей силы. Плыви теперь, когда можешь.

Дикой. О, могущественный чародѣй! возврати мнѣ мою силу. Право, я не выйду изъ повиновенія.

Меркурій. Возвращаю тебѣ силу твою, но

веди себя порядочно и поступай по моимъ приказаніямъ; въ противномъ случаѣ, опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

Покидышкъ. Отдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подъ моимъ присмотромъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презирать моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Дикой. Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплатить долгу, убить друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ отъ тебя ихъ потребовалъ! Прочь съ глазъ моихъ! я утоплю тебя въ Стиксѣ.

Меркурій. Постой. Повелѣваю тебѣ, чтобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Дикой. Долженъ тебя слушаться. Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществахъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

Покидышкъ. Ты уже слышалъ отъ меня, что я игралъ въ карты; сверхъ того, у меня былъ хорошій столъ: ни въ Англіи, ни во Франціи никто не ѣлъ лучше меня.

Дикой. Такъ ты ѣлъ хорошо! Да ѣдалъ ли ты печонку, стегно или плечо убитаго Француза! Вотъ развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку разъ двадцать доставалось лакомиться французятиною. Я всегда держалъ хорошій столъ. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ почита-

лась искуснѣйшею въ приготовленіи французскаго мяса. Ты, чаю, согласенъ, что кушанье твое никакъ не могло сравниться съ моимъ?

Поединщикъ. Я безподобно танцовалъ.

Дикой. Попляши-ка со мною. Я цѣлой день въ состояніи плясать, и пропляшу военный танецъ съ бо̀льшею живостью, нежели кто либо изъ монхъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Что же ты стоишь, какъ столбъ? Не ужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты стыдишься показать намъ, какъ ты неловокъ и нескладенъ! Если бы позволилъ мнѣ Меркурій, то бы я тебя заставилъ протанцовать такъ, какъ ты еще никогда не танцовалъ. Говори же, что̀ еще знаешь ты, негодный самохвалъ?

Поединщикъ. И я долженъ все сіе переносить! О Небо! что мнѣ дѣлать съ этимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни пистолетовъ; а тѣнь его, невидимому, вдвое противъ моей сильнѣе.

Меркурій. Отвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хорошо воспитанъ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько истинъ, которыя по-неволѣ долженъ будешь выслушать отъ Радаманта. Онъ тебя спрашивалъ: что еще умѣлъ ты дѣлать кромѣ того, что ты ѣлъ и танцовалъ?

Поединщикъ. Я весьма пріятно пѣлъ.

Дикой. Ну такъ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я тебя вызываю

нѣтъ. — Но онъ онѣмѣлъ! онъ лжецъ, Меркурій. Все вралъ, что ни говорилъ. Позволь мнѣ вырвать у него языкъ.

Покидищикъ. Меня называть лжецомъ! — но ахъ! я не смѣю мстить ему. Какое безчестіе для всей Пошузловой фамиліи! Вотъ сущее мученіе!

Меркурій. Прими отъ меня, Харонъ, сихъ двухъ дикихъ. Можетъ ли грубое невѣжество оправдать сколько-нибудь Могокца въ ужасныхъ его злодѣяніяхъ? о томъ пусть Миносъ разсудитъ. Но что сказать въ пользу Англичанина? не то ли, что поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ни къ чему здѣсь для него не послужитъ. Не честь побудила его обнажить шпагу противъ своего друга, но фурія, и — къ ней должно его отправить.

Дикой. Если должно изверга наказать, толкни его ко мнѣ; Меркурій. Я великій мастеръ мучить. Вотъ тебѣ, бездѣльникъ, на первый разъ нѣсколько отъ меня пинковъ.

Покидищикъ. О честь моя, бѣдная моя честь! какому подвергаясь ты поруганію!

НѢЧТО ОБЪ УМѢ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

—

Ни чѣмъ столько человѣкъ не гордится, какъ умомъ. Мы охотно иногда соглашаемся, что есть люди знаменитѣе насъ, богатѣе, прекраснѣе. Много если пожалѣемъ о себѣ, что лишены такихъ преимуществъ, и позавидуемъ тѣмъ, которые ихъ имѣютъ, Но признаться чистосердечно, что мы кого-нибудь глупѣе—ужасно для нашего самолюбія, и трудно избѣжать тому нашей ненависти, кто станетъ говорить намъ о сей несносной для насъ истинѣ. Такое чрезвычайное къ уму пристрастіе происходитъ, кажется, отъ внутренняго удостовѣренія въ превосходствѣ сего божественнаго дарованія. Ему обязаны мы отличнымъ достоинствомъ существа своего. Кромѣ его, что̀ можетъ внушить намъ презрѣніе къ животнымъ не одного съ нами рода? Чѣмъ похвалимся мы предъ ними? Сильнѣе ли Милонъ слона? прелестнѣе ли Антиной павлина? важнѣе ли Парацельсъ индійскаго пѣтуха. Въ коварствѣ лисица поспоритъ съ самымъ тонкимъ политикомъ, а въ хищничествѣ тигръ не уступитъ ни кому изъ завоевателей. Пусть угаснетъ въ человѣкѣ сія небесная искра, и онъ столько же будетъ имѣть права называться царемъ природы, какъ и всякая обезьяна. Если умъ столь для насъ драгоцѣненъ, если другія преимущества столь предъ нимъ ничтожны: то съ какимъ рве-

ніемъ должны мы стремиться ко всему, что̀ можетъ питать его и возвысить Каждое сдѣланное нами размышленіе, особливо когда открываетъ неизвѣстную намъ до того истину, или хотя умножаетъ только число нашихъ понятій, должно восхищать насъ, а упражненіе такого рода быть пріятною и необходимою для насъ потребностью. Въ самомъ дѣлѣ, чувство сей потребности и желаніе удовлетворить ей бываютъ въ человѣкѣ сильнѣйшею изъ страстей. Исторія представляетъ удивительные тому примѣры. Сей проводитъ жизнь свою въ трудныхъ и опасныхъ путешествіяхъ съ единственнымъ намѣреніемъ распространить кругъ своихъ познаній; тотъ, среди ужасовъ и разрушенія, покойно наблюдаетъ смертоносныя явленія *); иной каплю мудрости предпочитаетъ бочкамъ золота **); другой, исторгнувъ у себя зрѣніе, отчуждается, такъ сказать, отъ всей природы, чтобы жить и заниматься однимъ умомъ ***). Такова его очаровательность! И быстро приблизилось бы человѣчество къ возможному своему совершенству, еслѝбъ она одинаково на всѣхъ людей дѣйствовала. Къ сожалѣнію, не трудно увидѣть ра-

*) Плиній старшій.

**) Друзья Анаксагоровы просили его, чтобы онъ употребилъ нѣсколько часовъ для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ. Могу ли, отвѣчалъ философъ, раздѣлять время мое между дѣлами и ученьемъ, когда я каплю мудрости предпочитаю бочкамъ золота!

***) Демокритъ.

зительную показаннымъ образцамъ противоположность. Весьма многіе, въ отношеніи къ ихъ уму, походятъ на такого витязя, который, таская при себѣ изъ одного хвастовства свой мечъ булатный, не заботится ни мало, что онъ часъ-отъ-часу болѣе тупѣетъ и покрывается ржавчиною. Посмотримъ, напримѣръ, на какого нибудь моднаго вертопраха. Съ какимъ усердіемъ и опасеніемъ всякую почти минуту оправляетъ онъ свою пѣтушью прическу (à la coq); но въ десять лѣтъ не взглянетъ на бѣдное состояніе своего умишка. При всёмъ томъ гораздо болѣе польститъ его самолюбію назвать его просвѣщеннымъ человѣкомъ, нежели когда ему скажешь, что онъ, нося на человѣческомъ туловищѣ ослиную голову съ пѣтушьимъ гребнемъ, есть чудо естества и сокровище кунсткамеры. Что же думать о людяхъ, которые ненавидятъ просвѣщеніе и бѣгаютъ отъ него какъ отъ чумы? Тѣ, которые благословляютъ невѣжество по долговременной къ нему привычкѣ, заслуживаютъ всякое снисхожденіе. Естественно ли, чтобы человѣкъ, родившійся и взросшій во мракѣ, могъ прославлять лучи солнца, которые въ первый разъ поражаютъ слабое его зрѣніе. Мало-по-малу ощутитъ онъ благотворное ихъ дѣйствіе, и тогда не позавидуетъ прежнему своему состоянію. О тѣхъ же, которые не терпятъ свѣта наукъ, какъ бы по особливой своей природѣ, справедливо можно заключить, что они суть филины и нетопыри рода человѣческаго; но какъ

въ угожденіе мышамъ летучимъ не угаснетъ солнце въ мірѣ, коимъ управляетъ премудрое божество, такъ въ угожденіе мизософамъ не угаснетъ свѣтъ наукъ въ государствѣ, гдѣ царствуетъ Геній богоподобный.

О ПАМЯТИ.

Втеченіе существъ постороннихъ въ составъ бытія нашего толь велико, что отъ него преимущественно зависитъ наша цѣлость и разрушеніе, блаженство и бѣдствія. Сами по себѣ мы ничтожны, и для того даны намъ чувства, чрезъ которыя знакомимся мы съ природою и получаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Въ чувствахъ источникъ удовольствій нашихъ и страданій; но что бы былъ человѣкъ, еслибъ прошедшее для него не существовало? Безчувственный камень былъ бы счастливѣе насъ несказанно. Родъ человѣческой истребился бъ въ самомъ его началѣ; ибо какимъ образомъ избѣгнулъ бы онъ опасностей и удовлетворилъ своимъ необходимостямъ? Зло сіе могло бы приключиться, если бы міръ сей былъ дѣло слѣпаго случая и игры атомовъ; но онъ есть совершеннѣйшее произведеніе непостижимой премудрости, одарившей насъ всѣми для счастія на-

шего нужными способностями и, между ними, *памятью*. Она-то возобновляетъ въ душѣ нашей предметы, когда-либо на чувства наши дѣйствовавшіе. Съ ея помощію человѣкъ въ другой части свѣта видитъ и слышитъ оставленныхъ имъ въ отечествѣ друзей; старецъ окружаетъ себя предметами, занимавшими его во время юности. Память творитъ прошедшее настоящимъ, предметъ отдаленный присутствующимъ.

Но что такое сія удивительная способность? Скажутъ нѣкоторые: она есть хранилище нашихъ понятій, почитаемыхъ ими за нѣчто вещественное. И такъ, по ихъ мнѣнію, мозгъ славнаго Линнея былъ загроможденъ деревьями, Декартову голову наполняли вихри, Платонову треугольники, а Эпикурову пустота съ атомами. Ничего нѣтъ забавнѣе и несправедливѣе. Ближе къ истинѣ слѣдующее. Мозгъ нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во время дѣйствія на нихъ какого-нибудь предмета въ нѣкоторое опредѣленное движеніе (modification). Въ такое точно состояніе можетъ онъ послѣ приходить, будучи единственно волею къ тому побуждаемъ. Симъ образомъ произойдетъ въ душѣ нашей одинакое въ обоихъ сихъ случаяхъ измѣненіе ея положенія; т. е. она будетъ занята одинакимъ предметомъ или понятіемъ; и въ семъ, кажется, состоитъ память. Пребываніе ея въ мозгу доказывается тѣмъ, что малѣйшее въ немъ поврежденіе ослабляетъ ее, а иногда и совсѣмъ притупляетъ; между тѣмъ какъ самое лишеніе другихъ

частей тѣла не препятствуетъ ея дѣйствіямъ. Спросятъ: гдѣ же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ нѣтъ нигдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ. Изъ сказаннаго теперь о памяти можно заключить, что совершенство ея зависитъ преимущественно отъ счастливаго устроенія органовъ чувствъ и ея собственнаго. Аѳинскій полководецъ Ѳемистоклъ и математикъ семнадцатаго вѣка Паскаль были много въ семъ обязаны природѣ. Они имѣли толь удивительную память, что первый въ годъ совершенно выучился персидскому языку, а послѣдній, пока не ослабѣлъ въ здоровьѣ, никогда не забывалъ того, что̀ слышалъ, видѣлъ, или читалъ. Не всѣ однако Ѳемистоклы и Паскали; не всѣмъ равно благотворитъ природа; но есть способъ усовершенствовать память, безъ которой прочія душевныя способности почти недѣйствительны и безполезны. Способъ сей — *навыкъ*. Чѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ въ душѣ какое-нибудь измѣненіе ея положенія, тѣмъ съ большею удобностью оно въ ней возобновляется; т. е чѣмъ чаще представляемъ себѣ какой-нибудь предметъ, чѣмъ долѣе останавливаемъ на немъ вниманіе наше, тѣмъ съ бо̀льшею скоростью и ясностью возраждается въ насъ понятіе такое. Подобно сему персты начинающаго учиться на какомъ-нибудь музыкальномъ орудіи сперва медленно и неопредѣленно движутся, но при постоянномъ упражненіи гибкость ихъ и проворство увеличиваются, а наконецъ безъ всякаго почти

усилія и вниманія со стороны музыканта дѣйствуютъ съ удивительною живостью и точностью.

Счастливъ, кто съ младенчества занималъ память свою предметами, достойными человѣка; кто въ младости богатъ уже полезными знаніями. Легокъ для него путь къ просвѣщенію. Но и въ противныхъ обстоятельствахъ должно ли отчаяваться? Никакъ. Потеря велика, однако можетъ быть вознаграждена сугубо. Славный Катонъ (Цензоръ) учился въ лѣтахъ уже совершенныхъ, и превзошелъ многихъ, съ дѣтства науками занимавшихся. Несравненный Петръ, образователь великаго народа, образовалъ умъ свой, бывъ на тронѣ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Вмѣсто того, чтобы роптать на слабость памяти, надобно трудиться; тогда съ удивленіемъ увидитъ каждый истину сихъ словъ: трудъ и терпѣніе все преодолѣваютъ.

О РАЗЛИЧІИ МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ, ВООБРАЖЕНІЕМЪ И РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.

Память, говоритъ Кондильякъ, есть начало воображенія, коего сила еще не увеличилась; воображеніе есть также память, достигшая всей живости, къ коей она способна. И такъ память и воображеніе суть двѣ степени дѣйствія одной душевной способности. Если можно сію душевную способность примѣнять къ ногамъ, то, по

мнѣнію Кондильяка, ходить — значитъ памятовать, а бѣгать — воображать; ибо что такое ходъ, какъ не самой тихой бѣгъ, и что такое бѣгъ, какъ не самый скорый ходъ? Но кто легко ходитъ, тотъ легко и бѣгаетъ; напротивъ сего, не всякой при хорошей памяти живое имѣетъ воображеніе. Съ худою памятью трудно, почти невозможно сдѣлаться ученымъ; не всякой, однако, ученый вымыслитъ Армидинъ замокъ. Правда, что воображеніе не можетъ существовать безъ памяти, которая снабжаетъ его, такъ сказать, матеріялами, не вмѣшиваясь въ распоряженіе ими. Посадить Юпитера на облако, приставить къ нему ужасное лице съ сверкающими глазами, съ длинною всклокоченною бородою, и дать ему въ руки перунъ — есть дѣло воображенія; надобно, однако, чтобы напередъ память доставила ему понятіе объ облакѣ, бородѣ и проч.

Въ другомъ мѣстѣ Кондильякъ говоритъ: когда мы посредствомъ разсужденія замѣтили свойства, коими предметы другъ отъ друга различаются, то симъ же разсужденіемъ можно совокупить въ одинъ предметъ свойства, разсѣянныя во многихъ. Такъ стихотворецъ, напримѣръ, составляетъ себѣ понятіе о героѣ, который никогда не существовалъ: тогда производныя понятія суть изображенія, въ одномъ только умѣ дѣйствительное бытіе имѣющія; и разсужденіе, которое дѣлаетъ сіи изображенія, принимаетъ названіе воображенія. Теперь можно вывесть слѣдующее умозаключеніе: память есть воображеніе, а

воображеніе есть разсужденіе; и такъ память есть разсужденіе; что, однако, для меня сомнительно. Попугай имѣетъ память: онъ можетъ затвердить наизустъ слова французскаго языка, но никогда не пойметъ Боссюэтовыхъ проповѣдей, и того несбыточнѣе, чтобы самъ сдѣлался проповѣдникомъ. Я слышалъ отъ охотниковъ, что гончія во снѣ лаютъ, слѣдственно онѣ бредятъ, можетъ быть, о зайцахъ; но не думаю, чтобы гончія разсуждали объ охотѣ, подобно своимъ господамъ. Буцефалу, знаменитѣйшему между лошадьми, могло также пригрѣзиться сраженіе при Арбеллахъ, однако жъ онъ не оставилъ историческихъ записокъ о семъ славномъ происшествіи. Воображеніе и разсужденіе такъ сходны между собою, какъ холодный Январь и знойный Іюль. Человѣкъ, обуреваемый страстями, не разсуждаетъ, но слѣдуетъ воображенію. Молодые люди большею частію имѣютъ воображеніе пылкое и неосновательное разсужденіе; противное тому видимъ иногда у пожилыхъ. Телемаку нужно было не воображеніе, но разсужденіе Ментора. Первое, не будучи обуздываемо послѣднимъ, подобно быстрымъ огненнымъ конямъ Феба, влечетъ стремительно надъ безднами, зажигая къ чему ни приблизится, и несчастный Фаетонъ, неумѣющій управлять имъ, дѣлается его жертвою. Однимъ словомъ: я не понимаю, какимъ образомъ память, воображеніе и разсужденіе могутъ быть одною душевною способностью, различно только дѣйствующею. Опровергать Кондильяка была бы для

меня дерзость непростительная, но сомнѣваться позволено каждому, кто желаетъ научиться размышлять справедливо; въ чемъ, какъ и во всемъ, дѣятельное упражненіе есть одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ успѣху. Сомнѣніемъ я не опасаюсь прогнѣвать тѣнь славнаго сего философа.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОСЬБУ.

КЪ

АЛЕКСАНДРУ I

ДОСТОЙНѢЙШАГО СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

О ДОЗВОЛЕНІИ ЕМУ ВЪ ЧЕСТЬ ОТЦА СВОЕГО ПАМЯТНИКЪ ВОЗДВИГНУТЬ.

Простое воспоминаніе о Задунайскомъ, преславномъ героѣ блестящихъ временъ Екатерины, трогаетъ истиннаго Россіянина. Но какой сладостный восторгъ долженъ разлиться по душѣ читающаго сей образецъ сыновней нѣжности и пламеннаго усердія къ отечеству? Безъ сомнѣнія, объ сіи добродѣтели водили перомъ знаменитаго просителя въ изящномъ изображеніи его изящнаго намѣренія.

«Каждый сынъ въ правѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце,

что когда наравнѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ Задунайскому ни по за слугамъ, ни по собственной обязанности». Вотъ слова, начертанныя сыномъ Россіи и сыномъ Румянцова! Чувствуетъ онъ всю цѣну заслугъ открывшаго Россіянамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ (такъ сказалъ Карамзинъ о героѣ Кагульскомъ), чувствуетъ великость, святость обязанности къ отцу, даровавшему не одну жизнь, часто бѣдственную, но и способы достигнуть вожделѣннѣйшаго блаженства: заслужить особенную довѣренность Монарха, особенное уваженіе согражданъ и къ блеску славы отцовской придать лучъ славы собственной.

Далѣе говоритъ проситель: «слѣдуя такому побужденію, я принялъ на себя пойти другою стезею и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставить». Взглянемъ на монументъ, который считаетъ онъ достойнымъ одного изъ первыхъ военачальниковъ Россіи, и перваго своего благодѣтеля. Великолѣпіе, искусство не ослѣпитъ, не изумитъ насъ, и кто имѣетъ сердце подобное мрамору, иди — удивляйся мраморамъ: памятникъ Задунайскаго тебя не тронетъ. Но для чувствительнаго — какое зрѣлище! шесть Русскихъ Офицеровъ, подъ знаменами посѣдѣвшихъ, изъ коихъ, можетъ быть, иной сражался при Кагулѣ, находятъ убѣжище, покой, довольство подлѣ священнаго праха великаго вождя Россіянъ. Сими почтенными воинами окружается гробъ Задунайскаго во время печальнаго панихидъ отправленія.

Что величественнѣе и достойнѣе памяти мужа славнаго? Что способнѣе воспалить быстраго юношу огнемъ непобѣдимаго мужества и въ самомъ престарѣломъ защитникѣ отечества питать искру геройства, вмѣстѣ съ силами его исчезнуть готовую? Древность гордится онымъ пышнымъ, хладнымъ, ничтожнымъ мавзолеемъ! Скромный, живый, благотворный памятникъ сей Задунайскаго, украшая теперь счастливые берега днѣпровскіе, украситъ нѣкогда лѣтопись времени нашего. Да умножатся въ Россіи подобные монументы! и тогда забудутъ обелиски египетскіе! Сіе новое превосходное изобрѣтеніе, сей порывъ души благородной изображенъ достойнымъ его образомъ. Краткость, ясность, простота, благородство, живость и разборчивость въ словахъ и выраженіяхъ попеременно и вмѣстѣ украшаютъ сочиненіе. Оно, состоя въ нѣсколькихъ строкахъ, возвыситъ почтеннѣйшаго творца своего надъ многими творцами многихъ томовъ, огромныхъ своею безполезностью.

ПРИМѢРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА СИЛЬНѢЕ ЗАКОНОВЪ.

Правительство есть душа гражданскаго общества. Ни государство, ни республика безъ него существовать не могутъ. Благоденствуетъ ли народъ, приходитъ ли въ упадокъ: причиною тому, по большей части, правительство. Какія же средства употребляетъ оно для достиженія великой цѣли — осчастливить милліоны людей? Законы и собственный примѣръ. Что оба сіи средства ему необходимы, сомнѣваться въ томъ, кажется, не должно. Разсмотримъ, которое изъ нихъ сильнѣе и надежнѣе.

Законъ напоминаетъ намъ, что выгоды общественной жизни покупаемъ мы цѣною независимости своей; примѣръ удовлетворяетъ врожденной намъ склонности къ подражанію; законъ говоритъ разсудку, котораго совѣты рѣдко намъ пріятны бываютъ; примѣръ дѣйствуетъ болѣе на сердце, коему охотно мы повинуемся. Первый, будучи нѣчто отвлеченное, весьма не на долгое время останавливаетъ вниманіе наше, а послѣдній всегда почти у насъ, такъ сказать, предъ глазами.

Отъ чего произошла у предковъ нашихъ пословица: каковъ царь, такова и орда; она выведена изъ опытовъ многихъ вѣковъ. Издревле были въ Россіи законы, но видно, что примѣръ дѣйствовалъ сильнѣе, нежели они.

Великіе законодатели чувствовали истину сію. Не упоминая о Ликургахъ и Селевкахъ, скажемъ нѣчто о нашемъ Петрѣ несравненномъ.

Россія, любезное отечество мое! что ты была до времени Петрова? Я не вѣрю иностранцамъ, которые сыновъ твоихъ тогдашнихъ уподобляютъ медвѣдямъ. Хулу они на тебя произносятъ. Однако жъ, если помыслю какихъ трудовъ стоило Петру заставить тебя восчувствовать силы твои и достоинство, то могу ли не удивляться грубой твоей простотѣ и невѣжеству?

Петръ преобразилъ Россію; но его могущественная палица не произвела бы, подобно Моисееву жезлу, чуда надъ сею дикою скалою. Не одну власть самодержавнаго государя употреблялъ онъ; нѣтъ; онъ соединилъ съ нею волшебную силу примѣра. Часто, весьма часто видѣли Россіяне въ Петрѣ не величественнаго монарха, окруженнаго пышными министрами, кичливыми военачальниками, гибкими царедворцами, но потомъ и пылью покрытаго работника среди грубыхъ, простодушныхъ товарищей его! Такъ Зевесъ, оставя громъ и блескъ божества, снисходилъ на землю въ видѣ смертнаго. Но древній богъ сей, повелитель боговъ, принимая человѣческій образъ, принималъ и постыдныя слабости людей. Горе тому, кто послѣдовалъ примѣру его! Не таковъ Юпитеръ — Петръ. Онъ былъ богъ и въ порфирѣ, и въ одеждѣ простаго гражданина, и съ громомъ въ рукахъ, и съ сѣкирою. Чудесною дѣятельностью сообщалъ всѣмъ, отъ ми-

нистра до матроса, электрическую искру божества своего. Когда, возставъ отъ трона, становился въ рядъ съ подданными своими, то въ темнотѣ низкаго званія его искра сія блистала ярче, нежели при свѣтѣ царскаго величія. На полѣ славы, во храмахъ вѣры и правосудія, вездѣ являлъ онъ собою образецъ совершенства. Робкія науки, призванныя имъ изъ странъ отдаленныхъ въ землю, населяемую грозными чадами Сѣвера, питомцами невѣжества и суевѣрія, чувствовали одобреніе, видя, что могущій ихъ покровитель удостоивалъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ смиренныя еще убѣжища ихъ, и бесѣдовалъ съ ними въ царскихъ своихъ чертогахъ. Такъ великій, первый Императоръ Россійскій, служилъ подданнымъ своимъ примѣромъ во всѣхъ гражданскихъ добродѣтеляхъ. И что же? Россія, которая нѣсколько вѣковъ дремала, вдругъ пробудилась и однимъ исполинскимъ шагомъ поравнялась съ знатнѣйшими европейскими державами на пути ко славѣ и просвѣщенію.

ГИМНЪ СЛАВѢ,

ИЛИ

ВОСТОРГЪ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО ПРЕДЪ ПОХОДОМЪ ЕГО ВЪ ПЕРСІЮ.

Слышу гласъ трубный! Се ты зовешь меня въ слѣдъ за собою; се ты, о Слава! сердца моего единая радость, единая отрада и наслажденіе; Слава жизнь моя, душа моя, блаженство мое! Слава! ты первое блаженство мое; ты кумиръ, которому наиболѣе покланяюсь, и въ жертву тебѣ готовъ я принести и міръ весь и себя. Помыслю только о Славѣ — и прелесть роскошей исчезнетъ. Цѣпи изъ сладостныхъ восторговъ составляли для меня Сирены — и рай утѣхъ отверзался предо мною; цѣпи волшебныя влекли меня къ себѣ розами, прикрытыя сѣти ожидали меня — и, усыпляемый сладострастнымъ пѣніемъ, клонился уже я къ объятіямъ нѣги; но воспомянулъ вдругъ о Славѣ и о величіи моемъ помыслилъ. Ужаснулся слабости моей — и стыдъ наполнилъ душу мою. Вдругъ солнце отъ меня отвратилось и тѣни предковъ моихъ возстенали: онѣ зрѣли меня въ уничижительномъ забвеніи. Воспылалъ огнь на ланитахъ моихъ; очи мои не познали меня: ты ли Александръ? вопрошали они. Разверзлись небеса — и явилась Слава; снишла на златое облако, махнула крылами и облетѣла вселенную. Она опу-

стила завѣсу нощи предъ очи лѣнивыхъ и грубыхъ; отъ облистанія Славы померкли солнца, и непроницаемая мгла вѣчности озарилась. Возгласила подвиги героевъ — и пробудившіеся вѣки внимали ей. Ты низзрѣла на меня и взглядомъ умильнымъ возвратила душу мнѣ; порывъ геройства потрясъ сердце мое и стремительная отважность зажгла въ груди моей отъ единаго на тебя возарѣнія, отъ прикосновенія ко мнѣ лучей божественнаго лица твоего. Ниспустилась съ высоты, и явивъ взорамъ моимъ чудесное нѣкое стекло, разрушила очарованіе. Тогда открыла угрожавшую мнѣ пагубу и показала сладострастіе въ истинномъ видѣ его — въ видѣ гнуснаго чудовища. Постыдныя страсти стремились поработить меня во время пылкой юности моей, — и въ Славѣ обрѣлъ я защищеніе мое. Она вознесла духъ мой и поставила его превыше подлыхъ наслажденій, избравъ меня наперстникомъ своимъ. Слава увѣнчаетъ подвиги мои, по мѣрѣ мужества моего увѣнчаетъ ихъ. Съ младенчества возлюбилъ я Славу и тщательно поучался въ наукѣ брани; образцы мои, герои древности, всегда предъ очами моими, и дѣла ихъ возбуждаютъ во мнѣ соревнованіе. Я буду безсмертенъ съ ними и сохраню имя мое отъ забвенія; увѣнчаетъ меня Слава по мѣрѣ стремленія моего къ ней: ищущему тебя летишь во срѣтеніе, и отъ нерадящаго о тебѣ сокрываешься. Ты возбраняешь ничтожеству прикасаться къ великодушнымъ и храбрымъ, и велишь алчному чреву его питаться под-

лыми и женоподобными; ты возрастишь лавръ мой, о Слава! ты малую сѣнь его прострешь на всю подлунную; тобою преодолѣю коварнѣйшаго врага моего — Роскошь, и вмѣстѣ съ нею повергну подъ пяту мою презрѣнную рабу ея — Азію. Сіяй, Слава, во вѣки! не преставай блистать и тогда, когда угаснутъ солнца! Божество мое! ты избавляешь меня отъ ужаснаго небытія; ты Небу меня усыновляешь! всѣ вѣки почтутъ любимца твоего; всѣ народы принесутъ ему жертву удивленія. Стремлюсь на поприще твое! Въ концѣ его ожидаетъ меня Міръ на колѣнахъ и Безсмертіе на тронѣ.

КОНЕЦЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 11 Мая 1849 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій*.

СОЧИНЕНІЯ

МИЛОНОВА.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ,

ГОСПОДИНУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ,

ЗНАМЕНИТОМУ ЛЮБИТЕЛЮ И ПОКРОВИТЕЛЮ НАУКЪ
И СЛОВЕСНОСТИ.

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ.

Я Знатныхъ не искалъ вниманія къ себѣ,
Но Ты, какъ Меценатъ, къ трудамъ моимъ склонился!
Вниманіемъ Твоимъ мой Геній окрылился —
Онъ долженъ славенъ быть, коль нравился Тебѣ.
Въ высокомъ санѣ Ты, стремясь стезею правой,
Ревнуешь въ доблестяхъ безсмертному отцу:
Я жъ Задунайскаго во слѣдъ иду пѣвцу —
И именемъ Твоимъ знакомлюся со Славой.

НИНА.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СЕН-ВИКТОРОВОЙ ПОЭМЫ: *Надежда.*

—

Замѣна счастія, отрада въ скорбный часъ,
Надежда никогда не оставляетъ насъ;
Какъ ангелъ благости, какъ жизни воскреситель,
Идетъ подъ мрачный кровъ, страданія въ обитель,
На язвы тяжкія цѣлебный льетъ бальзамъ,
Спокойствіе ея послѣдуетъ стопамъ —
И возраждается угасшее желанье....
Вся прелесть нашихъ благъ въ одномъ ихъ ожиданьѣ.
Пусть отняты судьбой, пусть намъ не суждены
Но съ ней — онѣ при насъ, но съ нею — намъ даны!
Всевышній на землѣ карая преступленья,
Въ надеждѣ намъ залогъ оставилъ примиренья;
Да будетъ намъ вождемъ въ жилищѣ мрачномъ бѣдъ.
Какъ путнику, вдали, гостепріимный свѣтъ,
Средь бурь, заблудшему, пристанище являетъ,
И робкіе шаги къ нему онъ ускоряетъ,
Хоть путь еще далекъ, но трудъ его забвенъ;
Такъ ею жребій нашъ въ семъ мірѣ услажденъ!
Мечтанья кроткія вокругъ ея толпятся;
О радостяхъ мечтать есть ими наслаждаться.

Надежда, божество, живущее со мной!
Замѣна благъ моихъ, похищенныхъ судьбой,
Какъ щедръ въ дарахъ Творецъ, такъ ты во утѣшеньѣ!
Ты выше благъ земныхъ: ихъ кратко наслажденье!
За нѣгой скука въ слѣдъ, за счастьемъ скорбь идутъ —
И рядомъ свой фіалъ съ сосудомъ ихъ несутъ;
Веселіемъ самимъ душа людей томима,
То нужно для сердецъ — а ты необходима!
Какъ другъ, насъ проводивъ на самый смертный ровъ,
Бросаешь ты на гробъ безсмертія покровъ!
Въ душѣ моей живетъ печальный жребій Ницы,
О, жертва бѣдная гоненія судьбины!
Въ веснѣ ея златой другъ нѣжный былъ у ней,
Въ союзѣ двухъ сердецъ все счастье юныхъ дней;
Ихъ пламенная страсть на вѣкъ соединяла;
Но бѣдность, коей съ нимъ она не примѣчала,
Разврату одному грозящая собой,
Расторгла ихъ союзъ отца ея рукой;
Пусть проклятъ первый тотъ, кого безумна сила
На юныя сердца оковы наложила,
Кто счастье чадъ своихъ на златѣ основалъ,
И въ чувствахъ ихъ себя посредникомъ избралъ!
Безумецъ! для него лишь нужно обольщенье,
Онъ златомъ замѣнить имъ хочетъ наслажденье,
Онъ собственный свой врагъ, онъ благъ супругъ и тать:

Ихъ счастье — чтобъ *любить*, не въ томъ, чтобъ
обладать.
Въ томленіи своемъ, отверженный, несчастный,
Другъ Нины для нея рѣшился въ путь опасный,
Трудомъ искать того, что не дано судьбой, —
Ея плачевный гласъ онъ слышитъ за собой:
«Теки, коль должно, въ путь, но Нины злополучной
«Во странствіи твоемъ далекомъ не забудь,
«Съ богатствомъ возвратись съ любовью неразлучной,
«Будь счастливъ, будь хранимъ и Нинѣ вѣренъ будь!»
Разстались. Мысль ея, надеждою прельщенна,
Ужъ друга зритъ въ краяхъ чужихъ обогащенна.
О, прелесть сей мечты! съ любовью, съ торжествомъ,
Ужъ мнитъ летящаго обратно видѣть въ домъ,
Душа блаженствуетъ надежды упоеньемъ —
И Нина, въ сиротствѣ, всѣхъ выше наслажденьемъ!
Свершился мольбы! суровый рокъ хотѣлъ,
Чтобъ, путь свой совершивъ, любовникъ Нины страстной,
Летѣлъ съ наградою въ отеческой предѣлъ,
Богатство получивъ, искать руки Прекрасной;
Ужъ волны подъ его бѣлѣютъ кораблемъ,
Уже не устаетъ взоръ бдящій надъ рулемъ,
Уже винитъ его желаній нетерпѣнье,
Быстроносящія стихіи замедленье,
Мольбою ускорить ея мечтаетъ бѣгъ —
И радостнымъ очамъ желанный вскрылся брегъ!

Повѣренный — письмо, сердечныхъ чувствъ вѣ-
ститель,
Летитъ къ возлюбленной, свиданья возвѣститель:
«Заутра на зарѣ — восторгъ объемлетъ духъ —
«Съ богатствомъ предъ тобой явится твой су-
пругъ!»
Кто можетъ описать всю прелесть восхищенья?
Онъ завтра будетъ здѣсь! ужъ Нины страстный
гласъ
Неизъяснимаго, въ минуту нетерпѣнья,
Зоветъ медлительно идущій ночи часъ;
Желанный мракъ насталъ, въ борьбѣ, въ изне-
моженьѣ,
Клянетъ наставшій мракъ и ночи продолженье;
Любовь недремлюща сонъ сладкій гонитъ прочь;
Всѣхъ болѣе тогда для Нины длилась ночь.
Лишь свѣтлый воспылалъ зарею сводъ небесный,
Бѣжитъ, забывши сонъ, на путь для ней извѣ-
стный
И въ даль туманную свой жадный мещетъ взглядъ;
Наставшій день зоветъ днемъ радостей, отрадъ;
Но солнце востекло высоко надъ горою,
Все пусто, на пути не видно никого: —
«Онъ думалъ, онъ хотѣлъ явиться здѣсь съ зарёю,
«Что можетъ удержать стремленіе его?»
Ужъ клонится къ груди взоръ Нины и томится —
И страхъ мучительный средь радости родится.
На каменной скалѣ, смущенная, блѣдна,
Недвижима сидитъ и друга ждетъ она.
Скатилось солнце въ почтъ, лучъ слабый дога-
раетъ,

И сумракъ на поляхъ вечерній наступаетъ;
Со мракомъ множится въ душѣ ея печаль:
Въ туманы облеклась и спитъ окрестна даль!
Вдругъ слышитъ: о, восторгъ! коня внезапно ржанье!
И стукъ его копытъ! и поля трепетанье!
Онъ, Небо! и бѣжитъ — о ужасъ! передъ ней
Видъ чуждый, молніи является быстрѣй,
Нахмурено чело, ликъ всадника ужасенъ,
— О, Нина! твой супругъ... «почто еще не съ нимъ?
Что медлишь? и гдѣ онъ?» — Недвижимъ и безгласенъ,
Изверженъ бурею предъ берегомъ роднымъ! —
При словѣ Нина семъ, въ мгновенномъ измѣненьѣ,
По жиламъ мразъ протекъ, по членамъ цѣпенѣнье,
Померкъ блуждающій огонь въ ея очахъ,
Стѣснился въ сердцѣ вздохъ, рѣчь замерла въ устахъ,
Поверглась — и надъ ней, сопутникъ злой судьбины,
Забвенья долгій часъ, преддверіе кончины.
Три раза свѣтлая денница настаетъ,
Три раза ночи мракъ чреду свою беретъ,
О, чудо! къ Нинѣ жизнь явилась съ пробужденьемъ,
Открылся не смущенъ взоръ свѣтлый огорченьемъ,
Встаетъ — окружена родимою семьей,
Зритъ матерь, зритъ сестеръ, рыдающихъ о ней;
Взглядъ быстрый, на устахъ видна улыбка дика;
Отсутственна ума несчастная улика!

Развѣяны власы, въ ланитахъ огнь угасъ —
И мать не узнаетъ ея невнятный гласъ!
Подобно тѣмъ огнямъ, вкругъ гроба вознесен-
нымъ,
Которы, тепляся, свой тихій свѣтъ лютъ,
Незримые очамъ, навѣки затвореннымъ,
Гдѣ тлѣніе и смерть печать свою кладутъ:
Такъ сердце въ ней еще любовію пылаетъ!
Такъ Богъ, отнявши все, надежду посылаетъ,
Безплодный для души, но сладостный обманъ!
Ждетъ друга своего къ себѣ изъ дальнихъ
странъ:
Онъ живъ, онъ будетъ здѣсь, онъ вѣрно возвратится! —
И скорбное лице улыбкою живится!
Въ мечтаньяхъ радостныхъ друзьямъ своимъ ре-
четъ:
Утѣшьтесь! не теперь, такъ завтра онъ придетъ!
Украся тщательно себя одеждой брачной
И свивши въ даръ вѣнокъ, идетъ опять къ скалѣ,
Зритъ издали его — встаетъ какъ призракъ мрач-
ной,
Въ туманѣ облаковъ касаяся землѣ!
Поникнувъ, ждетъ его въ терпѣніи безплодномъ,
Какъ скорбь, простертая на мраморѣ холодномъ,—
Такъ Нина, въ горести, стремится съ каждымъ
днемъ,
Срывать ему цвѣты, въ томленьи дожидаться,
Вновь встрѣчна пастыря распрашивать о немъ,
И съ прежней пустотой подъ кровъ свой воз-
вращаться;
Лишенная всего, такъ дни она вела,

Протекшее забывъ, грядущаго не зная,
Лишь новою мечтой духъ скорбный услаждая —
И, вѣстницей когда свиданья, смерть пришла,
Чрезъ время долгое на благость преклоненна,
Въ боренiи тоски, надеждой приведенна,
Простершись на скалѣ, она его ждала.
Я видѣлъ мирный холмъ, гдѣ Нины прахъ сокрыли,
Сѣнисты яворы свой верхъ вокругъ склонили,
И, будто сѣтуя, шумятъ надъ нимъ порой;
Тамъ путникъ, въ ясну ночь, съ чувствительной душой
Зритъ тѣнь ея, луны сiяньемъ освѣщенну,
Встающу медленно изъ гроба предъ собой,
И мыслитъ: нашу жизнь, печальми отягченну,
Украсила судьба надеждою одной.

КЪ РУБЕЛЛIЮ.

САТИРА ПЕРСIЕВА.

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящiй злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣнiемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманiе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?

Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я!
Что твой минутный блескъ? что санъ твой гор-
деливой?
Стыдъ смертнымъ — и укоръ судьбѣ несправед-
ливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ граж-
данъ;
Пусть скроюсь, пусть навѣкъ бѣгу отъ ихъ со-
бора,
Чѣмъ выставлю свой стыдъ для строгаго ихъ
взора;
Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,
Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?
Безцѣненъ лавръ простой вѣнчая ликъ Героя;
Священъ лишь на царѣ владычества вѣнецъ;
Но коль на поприщѣ, устроенномъ для боя,
Неравный силами, уродливый боецъ,
Гдѣ славу зрѣть стеклись безчисленны народы —
Явитъ убожество, посмѣшище природы,
И, съ низкой дерзостью, Героевъ станетъ въ рядъ,
Ужель не обличенъ онъ наглымъ ослѣпленьемъ,
И менѣ на него уставленъ взоръ съ презрѣньемъ?
Тамъ всѣ его шаги о немъ заговорятъ
Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищетъ
славы!
Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу льсте-
цовъ лукавыхъ,
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?

Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ почтенны,
Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ,
Заставитъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой!
Минутою одной пріятенъ лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой,
Онѣ насъ усладятъ, онѣ возвысятъ насъ!
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ,
Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій и льстецъ.
Наемная хвала — безславія вѣнецъ!
Кто чтитъ достоинства и чувства въ насъ не знаетъ,
Въ неистовствѣ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ,
Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко осрамляетъ;
Унизимъ ли мы то, что̀ выше насъ самихъ?
Когда презрѣніе питать къ тебѣ я смѣю —
Я силенъ — и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но честію твоихъ сокровищъ не куплю!
Мнѣ ль думать, мнѣ ль скрывать для обща посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай — но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра:
Въ мракъ гроба? но и тамъ потомство насъ найдетъ;

Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!

КЪ ДРУГУ.

О НАСЛАЖДЕНІИ ВЪ ЖИЗНИ.

Мой другъ, на свѣтѣ все премѣнно,
Въ немъ счастія, прямаго нѣтъ;
Улыбка радости мгновенна,
Мгновенна горечь лютыхъ бѣдъ,
Какъ въ осень служатъ часто воды
Добычей бурной непогоды,
Такъ нашъ непостоянемъ рокъ,
Днесь мыслью къ небесамъ несемся,
Заутра внутрь земли простремся,
И сонъ нашъ крѣпокъ и глубокъ.

Еще алѣютъ юны розы,
Гдѣ, въ утренній прохлады часъ,
Подъ древъ благоуханны лозы,
Отъ дерзкихъ укрываясь глазъ,
Обнявшись съ музой намъ пріятной,
Мы пили нектаръ благодатный —
Еще цвѣтутъ изъ миртъ вѣнки,
Которыми тогда веселы
Младыя украшались челы
О тънѣжной Граціи руки.

Еще живетъ воспоминанье,
Но сколь далекъ блаженства мигъ!
Томитъ вновь алчность и терзанье
Едва желанія достигъ;
Утратой благъ имъ знаемъ цѣну.
Онѣ поставлены на смѣну
Печалей тяжкихъ и скорбей;
Въ несчетныхъ замыслахъ стремиться,
Но вѣкъ ни чѣмъ не насладиться —
Вотъ жребій горестный людей!

Ты въ самой обрѣтешь природѣ
Непостоянства тотъ же чинъ;
Льзя ль вѣчно ясной быть погодѣ
И вѣкъ цвѣсти лицу долинъ?
Коль все на краткой срокъ созданно
Казаться ль можетъ постоянно?
Тамъ сохнутъ токи быстрыхъ водъ,
Здѣсь неба ясный сводъ мрачится,
И нашъ подобно ликъ затмится
Печалей облакомъ, заботъ.

Промчится невозвратно время,
Забавъ, веселій легкій часъ,
Лѣтъ многихъ отягчится бремя —
И старость, храмля, встрѣтитъ насъ,
Главу сѣдинами посыплетъ,
Чела въ морщинахъ дни исчислитъ,
И грозною своей клюкой,
Не внемля гласъ мольбы безсильной,

Укажетъ путь подъ кровъ могильной,
Согнувъ хребетъ къ землѣ сырой.
Въ дѣлахъ благихъ путь жизни трудный,
Въ весельи горесть усладимъ;
И силой многой неоскудный,
Союзъ мы сердца заключимъ;
Живи — грядущее забуди,
И настоящимъ счастливъ буди —
Вотъ мудрости законъ святой!
Ему во слѣдъ кто идетъ строго,
Съ тѣмъ радость и веселье много
И сладкой для души покой.

Уже ль возстать на Провидѣнье,
Что тлѣнность намъ дана въ удѣлъ,
Что есть отъ бѣдъ успокоенье,
Борьбѣ, страданіямъ предѣлъ?
Сыны ничтожества и тлѣна,
Для насъ во всемъ нужна премѣна,
И радость самая томитъ.
Блаженъ, кто мудръ въ увеселеньяхъ,
Въ желаньяхъ скупъ и въ наслажденьяхъ,
Даръ Неба — здравіе хранитъ;

Кому ни скорби, ни недуги,
Мечты, обманы, суеты,
Ни горести, заботъ подруги,
Не сократили здѣсь путя;
Кто могъ спокойно Парку встрѣтить,
Приходъ ея не запримѣтить,
Конца болѣзненна не ждать;

Но, гостю уподобясь сытну
Возстать отъ пиру преизбытну —
И долгъ хозяину отдать.

Гдѣ свѣтъ ума, мой другъ, слабѣетъ,
Пусть насъ ведетъ надежда тамъ,
Разсудокъ строгій гдѣ робѣетъ —
Тамъ путь открытъ ея стопамъ;
Съ нимъ скорбь, боязнь, тщета, сомнѣнья,
Надежда есть полнаслажденья;
Грядущій жребій нашъ сокрытъ,
Всѣмъ умереть судьбы въ законѣ:
Кто спитъ у матери на лонѣ,
О пробужденьи тотъ не мнитъ.

И такъ, мой другъ, пока посѣтъ
Пожать тебя судьбины серпъ,
И волю духъ еще имѣетъ,
И намъ даетъ отсрочку смерть,
Прижми на персяхъ, въ нѣжны длани,
Одѣту въ благолѣпны ткани,
Плѣниру сердцемъ и красой,
Сбери друзей и чадъ любезныхъ,
Ударь во струны лиръ небесныхъ
И жизни радости воспой!

ПАДЕНІЕ ЛИСТЬЕВЪ.

ЭЛЕГІЯ.

Разсыпанъ осени рукою,
Лежалъ поблекшій листъ кустовъ;
Зимы предтеча, страхъ съ тоскою
Умолкшихъ прогонялъ пѣвцовъ;
Мѣста сіи опустошенны.
Страдалецъ юный проходилъ;
Ихъ видъ, во дни его блаженны,
Очамъ его пріятенъ былъ.
Твое, о, роща! опустѣнье
Мнѣ предвѣщаетъ жребій мой,
И, каждаго листа въ паденьѣ,
Я вижу смерть передъ собой!
О, Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мнѣ внятенъ гласъ:
«Долинъ отцвѣтшихъ созерцатель,
Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ!
Твоя весна скорѣй промчится,
Чѣмъ пожелтѣетъ листъ въ поляхъ
И съ стебля сельный цвѣтъ свалится» —
И гробъ отверзтъ въ моихъ очахъ!
Осенни вѣтры воспумѣли
И дышутъ хладомъ средь полей,
Какъ призракъ легкій улетѣли
Златые дни весны моей!
Вались, вались листъ мгновенный,
И скорбной матери моей,
Мой завтра гробъ уединенный,

Сокрой отъ слезныхъ ты очей!
Когда жъ къ нему, съ тоской, съ слезами,
И съ распущенными прядетъ
Вокругъ лилейныхъ плечъ власами,
Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
Какъ станетъ помрачаться день,
Тогда будь ты легкимъ шумомъ
Мою утѣшенную тѣнь! —
Сказалъ — и въ путь свой устремился,
Назадъ уже не приходилъ;
Послѣдній съ древа листъ сронился,
Послѣдній часъ его пробилъ.
Близъ дуба юноши могила;
Но, съ скорбію въ душѣ своей,
Подруга къ ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечернія зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ.

КЪ ЛУКАЗІЮ.

(САТИРА ВТОРАЯ.)

Луказій! рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ
И требуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ:

Какъ славы достигать и имени пѣвца;
Что легче, какъ найти невѣжду и льстеца?
Ищи ихъ и пиши: все будетъ совершенно!
Писателемъ прослыть весьма обыкновенно.
Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ — и слава твой
удѣлъ!
Рубеллію тверди, что онъ рожденъ вельможей,
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожей,
А *Балдусу*, вралю, что первый онъ поэтъ —
И одами зови его высокій бредъ;
Утѣшь его, скажи, что добрый часъ настанетъ
И свѣтъ стихи его порочить перестанетъ,
Что рано ль, поздно ли, насмѣшники помрутъ —
И томы пыльные читателей найдутъ;
Къ *Вралеву* забѣги съ пренизкимъ ты поклономъ:
Ему не въ первый разъ вступаться Цицерономъ
За скаредныхъ пѣвцовъ, уродство ихъ хвалить,
Дерзни его хоть разъ съ Горацiемъ сравнить —
И онъ, не устрашась, провозгласитъ предъ свѣ-
томъ
Тебя и Пиндаромъ и классикомъ-поэтомъ!
Тамъ къ *Бавію* иди: сей ждетъ тебя бѣднякъ,
Отецъ *попьячныхъ* нелѣпостей и врякъ,
Дай что-нибудь ему! онъ скоро разорится —
И жизнь твоя какъ разъ въ журналъ его вклеится!
Съ огромною своей поэмою спѣши
Въ домъ *Клита*, и ему усердно припиши:
Онъ знатный господинъ, талантовъ покровитель,
И просвѣщенія въ отечествѣ ревнитель,
Стрѣлицей лести лишь пожертвуй — и твой трудъ

На счетъ его казны тиснѣнью предадутъ!
Лишь книга добрая явиться въ свѣтъ не смѣетъ,
А вздорная вездѣ заступниковъ имѣетъ,
Нѣтъ нужды, что о ней забудутъ черезъ день!
Тѣмъ лучше, сочинять Луказію не лѣнь;
Комедіи своей желаешь ли успѣха:
Зови друзей въ театръ для хлопанья и смѣха —
И слава о тебѣ промчится *въ шумномъ раѣ*!
Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай:
Быть можетъ, за игру актрисы превосходной,
Похвалятъ и стихи въ трагедіи негодной;
Тогда тебя введутъ къ *Лукуллу* въ пышный домъ,
Гдѣ онъ, обсаженный невѣждами кругомъ,
За каждую строку твоей подлѣйшей лести,
Сторицею воздастъ хвалы тебѣ и чести!
Въ ученыхъ обществахъ ты станешь засѣдать,
Куда стекаются не слушать — а зѣвать;
Гдѣ *Мидасъ*, мстя женамъ, въ безсмыслiи суровомъ,
Недавно ихъ морилъ своимъ похвальнымъ словомъ;
Но только ли еще? — о геніѣ твоемъ
И *Клузій* возвѣститъ въ изданіи своемъ,
И *Глазуновъ*, сей мужъ, толико благодарной,
Распишетъ о тебѣ хвалой высокопарной,
И книжнаго ума брадатый продавецъ
Всѣхъ будетъ увѣрять, что первый ты пѣвецъ!
У насъ кто захотѣлъ въ поэты — записался;
Хоть новый рекрутъ сей съ грамматикой не знался,
Нѣтъ нужды до того! отвага, дерзость, лесть,
Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводятъ въ честь!
Смѣлѣй бери перо! примѣры предъ тобою;
Такъ *Мевій*, разродясь сатирою одною,

И выдавъ сто дурныхъ стиховъ на перечетъ,
Попалъ въ пѣвцы и всѣмъ свой строгій судъ даетъ;
Ахъ, сколько есть такихъ, которы отъ рожденья
Не могши написать двухъ строкъ безъ погрѣшенья,
Взялись о правилахъ и вкусѣ говорить;
Невѣжда болѣ всѣхъ имѣетъ страсть учить.
И ты, хоть не богатъ своимъ природнымъ даромъ,
Старайся замѣнить его отвагой, жаромъ,
Найдутся многіе, которые простятъ
Безсмыслицѣ твоей, за то, что въ ней узрятъ
И цѣль полезную, и рвеніе благое,
Которы облечешь ты въ рубище худое!
Что добрый гражданинъ, что въ службѣ ты давно;
Какъ-будто гражданинъ и авторъ все равно!
Какъ-будто стыдъ тому, кто всѣхъ изъ насъ
честнѣе,
Быть въ мыслякъ правильнѣй, и въ связи ихъ
яснѣе;
Пусть *Фабій*, нѣжный другъ, пусть добрый онъ
отецъ,
Пусть мужа вѣрнаго онъ будетъ образецъ,
Всѣ качества сіи достойно уважаю.
Но, слушая его трагедіи — зѣваю;
И еслибъ кто дерзнулъ въ присутствіи моемъ
Сказать, что онъ рожденъ трагическимъ пѣв-
цомъ —
И мнѣ бы отвѣчать на то не можно было:
Молчаніе мое льстеца бы обличило.
И какъ, не измѣня и чести и стыду,
Осмѣлюся назвать я, къ собственну вреду,
Нескладнаго пѣвца поэтомъ превосходнымъ,

Хотябъ онъ въ добротѣ Сократу былъ подобнымъ?
Радковскаго вранье поэмою считать,
Съ россійскимъ Пиндаромъ *Безсмыслова* равнять,
И, чтобъ никто въ моемъ безумствѣ не сомнился,
Кричать, что снова Юнгъ въ *Плаксевичѣ* родился!
Скорѣй рѣшусь принять ужасный приговоръ,
Что буду помѣщенъ поэтовъ сихъ въ соборъ,
Скорѣе соглашусь смѣшнѣе быть *Шутова*,
Глупѣе *Бавія* и даже злѣй *Злослова*!
Но это для себя, Луказій, я сказалъ,
Ты смѣло достигай великихъ сихъ похвалъ;
Такъ *Фирса* Томасомъ друзья его назвали,
Хоть смысла у него въ твореньяхъ не встрѣчали —
Но онъ привыкъ искать не смысла, длинныхъ
словъ,
И мало ли ему подобныхъ есть творцовъ?
Ихъ дружбы ты ищи, ихъ слушай наставленья,
Яви себя рабомъ нелѣпаго ихъ мнѣнья,
Наука ихъ легка: не думать ни о чемъ,
Лишь страннымъ щеголять въ болтаньи языкомъ;
Такъ *Вадій* нанизалъ поэму въ ихъ расколѣ
Изъ смѣси чудныхъ словъ, неслыханныхъ дото-
лѣ —
И вправду славенъ онъ! поэмой будутъ сей
Теперь опредѣлять безуміе людей!
Но главный мой совѣтъ: будь твердъ въ своемъ
ты мнѣньѣ
И бранью защищай нелѣпое творенье;
На все за дѣтище любезное дерзай,
И умнымъ и глупцамъ ни въ чемъ не уступай.

Быть можетъ, иногда ты встрѣтишь, хоть ихъ мало,
Людей, которые острятъ на глупость жало,
Тогда, разсвирѣпѣвъ и взявши грозный видъ,
Брани ихъ на повалъ, забывъ и честь и стыдъ;
Безбожникъ, закричи, злодѣй и извергъ свѣта!
Кто смѣетъ не почтить въ Луказіѣ поэта!
Но этихъ смѣльчаковъ немного межъ людей,
И прозѣ и стихамъ большая часть судей:
Педантъ, надъ книгами, въ теченіе полвѣка;
Утратившій и смыслъ и образъ человѣка,
Который всякій часъ, съ надменною мечтой,
Вамъ будетъ замѣнять грамматику собой,
Который все наукъ прошелъ обширно поле,
И самъ — томъ древнія грамматики — не болѣ.
Иль авторъ мелочей, въ посланіяхъ своихъ,
Гдѣ съ здравой логикой въ раздорѣ каждый стихъ,
Дающій вѣсъ умамъ, познаніямъ, талантамъ,
Иль *Варіусъ*, что̀ схожъ съ огромнымъ фоліантомъ,
Въ которомъ столько же нелѣпицъ сколько словъ,
Иль славы ищущій ругательствомъ *Злослова*,
Кто площадную брань, намъ выдавъ за сужденье,
Себѣ вмѣняетъ въ честь всеобщее презрѣнье,
Иль *Друзя*, что̀ о любви къ отечеству твердитъ,
И первый самъ его невѣжествомъ срамитъ! —
Ступай, Луказій мой, храня въ душѣ отвагу,
Смѣлѣй переводи чернила и бумагу,
Такое ремесло ни мало не во вредъ!
Но вижу, что тебя смущаетъ мой совѣтъ;
Такими ль, говоришь, такими ли путями,
Державинъ, Дмитріевъ, прославились межъ нами?

Не всѣ подъ счастливой планетой рождены;
Луказій, чтобъ дерзать за славой какъ они,
Чтобы стяжать вѣнцы, которы ихъ покрыли,
Имъ равныя, скажи, имѣешь ли ты силы?
Питаешь ли въ груди божественный сей жаръ;
Который отъ небесъ немногимъ посланъ въ даръ,
Сію высокость чувствъ и духа благородство:
Достоинство людей, поэтовъ превосходство!
Для славы истинной отважишься ль на все,
Найдешь ли ты въ себѣ возмездіе свое?
Луказій! не мечтай: мнѣ цѣль твоя извѣстна!
Съ прямымъ талантомъ лесть и низость не совмѣстна.
Для тѣхъ особый путь назначенъ былъ судьбой;
Тебѣ ли, какъ они, прославиться собой,
Одну лишь страсть къ стихамъ несчастную имѣя?
Что подвигъ Геркула для слабаго Пигмея?
Совѣтъ же мой легокъ... и къ славѣ путь прямой—
Рѣшился: въ добрый часъ! пиши — и Богъ съ тобой!

ВЕСНА ТИБУЛЛА.

Ужъ таютъ на поляхъ снѣга,
Дожди спадаютъ благодатны,
И снова вѣютъ на луга
Весенни вѣтры ароматны.
Одѣлись холмы красотой,

Бѣжитъ ручей, сверкая въ полѣ;
Все обновилося съ весной:
Тибуллъ не обновится болѣ!

Зазеленѣлъ высокій лѣсъ;
И пробужденна Филомела,
Съ весенней ясностью небесъ,
Въ пріютъ знакомый прилетѣла;
Вновь, съ другомъ сердца своего,
Поётъ восторгъ въ счастливой долѣ;
Но ты, Тибуллъ, но ты ужъ болѣ
Не встрѣтишь друга твоего!

И прочь мечта уже летитъ,
Сей призракъ, коимъ обольщался,
Лишь благъ протекшихъ смутный видъ
Одинъ душѣ твоей остался;
Снѣдаетъ сердце скорби ядъ,
Отрадный сонъ забыли вѣжди
И гаснетъ пламенникъ надежды
На гробѣ всѣхъ твоихъ отрадъ.

Ты зрѣлъ ли преклоненный вязъ,
Лишенный листьевъ, обожженный,
Котораго Перунъ потрясъ,
Низпавъ со тверди воспаленной?
Всего лишася, онъ готовъ
Чрезъ миръ печально пасть въ долинѣ....
Тибуллъ! потребно ль больше словъ,
Чтобъ о твоей вѣщать судьбинѣ?....

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Beatus ille qui procul etc. *Hor.*

Блаженъ, кто жизнь свою въ свободѣ провождаетъ,
Какъ первобытныя вселенны гражданинъ,
Доставшійся ему удѣлъ распространяетъ,
И въ отческихъ поляхъ работаетъ одинъ.
Его не устрашитъ труба, войну гласяща,
Свирѣпыхъ воиновъ во трепетъ приводяща,
Ни разъяренныя стихіи грозный видъ;
Корысти онъ во слѣдъ чрезъ бездны не летитъ.

Но лучшею себя забавой услаждая,
Въ саду сухую вѣтвь пилой отъемлетъ прочь,
Ослабшую крѣпитъ, съ другой сочетавая,
Тамъ тополу спѣшитъ любимому помочь;
Съ веселіемъ стада съ полей своихъ встрѣчаетъ,
Тамъ круторогую телицу загоняетъ,
Тамъ агницы стрижетъ сребристое руно,
Иль, златомъ полное, обходитъ онъ гумно.

Когда жъ, вѣнчанная румяными плодами,
Къ намъ осень притечетъ, обильная въ дарахъ,
Какъ матерь щедрая, ожиданна сынами,
И пиршество для нихъ устроитъ на поляхъ:
Приспѣла сладкая трудовъ его награда,
Тамъ точитъ пурпурный онъ сокъ изъ винограда,
Тамъ, имъ взращенный плодъ, рука его беретъ,
Иль въ чашу свѣтлую янтарный цѣдитъ медъ,

Все вамъ, о боги, въ даръ! вамъ жертвы обреченны:
Властители лѣсовъ, стрегущіе стада
И быта сельскаго хранители священны,
Приноситъ перваго избытки онъ плода;
Вашъ храмъ, украшенный работою простою,
На утріе его исполнится хвалою,
Церерѣ принесетъ онъ юнаго овна,
И Вакху на алтарь — обильный токъ вина.

Садится ль онъ дубовъ развѣсистыхъ подъ тѣнью,
На мягкой зелени, кропимой ручейкомъ,
Внимаетъ ли его пріятному теченью,
Согбенный думою, или объятый сномъ,
Летающій зефиръ въ него прохладой дуетъ,
На вѣтви голубокъ, уединясь, воркуетъ,
И самъ поетъ вблизи пернатыхъ царь пѣвцовъ,
Во мракѣ притаясь чуть вѣемыхъ листовъ,

Когда жъ печальную и хладную часть года,
Юпитеръ отъ небесъ на землю низведетъ,
Преслѣдуетъ звѣрей различнаго онъ рода,
Со стаей псовъ, вокругъ разставленныхъ тѣнетъ: —
Вотще тогда бѣгутъ и заяцъ торопливой,
Стремящійся сокрыть въ излучинахъ свой слѣдъ,
Щетинистый кабанъ, и серна боязлива,
Пригнувшая рога на трепетный хребетъ!

Какъ весело домой съ добычей возвратиться!
Тамъ матерь нѣжная, любимая жена,

Передъ пылающимъ горниломъ суетится,
Малютки милыя толпятся вкругъ огня;
Умѣренность, обѣдъ приправивъ съ простотою,
Столъ кроютъ дѣдовскій съ старинною рѣзьбою,
И травы и плоды — садовъ домашнихъ даръ,
Медъ чистой и вино — посланье щедрыхъ Ларъ!

Тамъ лѣтнимъ вечеромъ его встрѣчаютъ взоры,
Какъ весело бѣгутъ, тѣснясь межъ собой,
Овечки сытыя въ скрипящіе затворы,
Склоняся подъ ярмомъ дебелою главой,
Какъ медленно идутъ волы, оставя нивы,
И скачутъ, разметавъ кони златыя гривы!
Ни скука, ни тщета, ни скорбь, боязни дщерь,
Не входятъ никогда въ его простую дверь.

КЪ ЮНОСТИ.

Ты утекаешь невозвратно
О, время юности моей!
Какъ сна мечтаніе пріятно
Летитъ съ зарею отъ очей!
Зову тебя — судьба жестока
Не обращаетъ вспять потока,
Въ которомъ гибнетъ мигъ и вѣкъ;
Исчезло все, что̀ прежде льстило,
Затмилось дней моихъ свѣтило
И ранній сумракъ ихъ притекъ.

Гдѣ вы, забавы лѣтъ счастливыхъ,
Безпечность, радость и покой,
Гдѣ замыслы, мечты игривы,
Дары фантазіи благой?
Какою силою чудесной
Разрушенъ сталъ сей міръ прелестный,
Гдѣ зрѣлъ я доблести въ вѣнцахъ,
Любовь, манящую отрадой,
Фортуну, льстящую наградой,
И Правду въ солнечныхъ лучахъ!

Какъ въ мракѣ, путникомъ возженны,
Огни мелькаютъ средь степей,
Такъ призраки сіи мгновенны
Сокрылись отъ моихъ очей;
Исчезла Слава быстрокрыла,
Любовь въ отрадѣ измѣнила,
Вкругъ солнца Истины святой
Туманъ сомнѣнія развился —
И Опытъ весть меня явился
Тропой колючей, въ тмѣ густой!

Гдѣ прежде юность созидала
Великолѣпный храмъ честей,
Куда парить она мечтала
Дивиться благости людей —
Тамъ, вмѣсто доблести и чести,
Порока ликъ, рукою лести
Увѣнчанъ, въ блескѣ ей предсталъ.
Тамъ Опытъ показалъ ей строгій

Злодѣйства страшныя дороги:
Я ихъ узрѣвъ — вострепеталъ!

Съ улыбкой ты меня манила,
Любовь, мечта прелестныхъ дней!
Но взорамъ страстнымъ не открыла
Небесной красоты твоей;
Пора любить проходитъ тщетно,
Желанье гаснетъ неприметно,
И одинокая тоска
То ложе горькими слезами
Кропитъ, что̀ для тебя цвѣтами
Моя украсила рука.

Въ обманахъ, въ скорби и страданьѣ
Стремленій сердца жаръ потухъ,
Лишь благъ протекшихъ вспоминанье
Живитъ мой изнуренный духъ;
Лишь ты, сопутница благая,
Облекшись до могильна края
Идти со мною въ жизни сей —
Лишь ты ко мнѣ простерла руку,
Мнѣ услаждаешь скорбь и муку,
Отъ коихъ палъ бы я безъ ней!

О, Дружба, сердца услажденье!
Какія въ мірѣ семъ бѣды,
Какую горесть, иль мученье
Не усладишь собою ты?
Не ты ль источникъ благъ обильный,
Крѣпишь въ борьбѣ сердца безсильны?

Что́ рокъ бы намъ ни присудилъ —
Съ тобой и слабый бодръ творится;
Судебъ гоненья не страшится:
Твой щитъ ихъ стрѣлы притупилъ!

И вы, которые столь нѣжно
Храните дружескій союзъ,
Одно богатство здѣсь надежно,
О наслажденья чистыхъ Музъ!
Восторгъ вашъ, непорочность, силу,
Вливайте въ грудь мою унылу,
Гоните горесть и тоску
Прелестныхъ вашихъ струнъ игрою —
Да съ бодрой я еще душою
Путь краткій къ гробу протеку.

КЪ СИЛЬВІИ.

Ты ль, Сильвія, мой духъ-хранитель,
Луны трепещущимъ лучемъ,
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня тревожишь въ снѣ моемъ?

Ты ль, образъ красоты безплотной,
Мечтанье ли души моей,
Или, возставъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣстникъ радости для ней?

Ты ль, съ утренней звѣздой Востока,
По небу тихому течешь,
И отлученнаго далеко
Къ себѣ сопутника зовешь?

Носись невидимою тѣнью,
Являйся въ темнотѣ ночей,
Не къ страху друга, къ утѣшенью
Бесѣдуй съ скорбію моей!

Умѣрь тоски его терзанье,
Томленье сирыя любви,
Пролей надежду на свиданье
И вѣры пламень оживи!

Твой видъ, съ его сліянный духомъ,
Пусть всюду онъ несетъ съ собой;
Вездѣ пусть ловитъ жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ твой.

Носись надъ спящими водами,
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вставай съ луною за холмами,
Смотри съ зарей сквозь частый лѣсъ!

Живи въ моей мечтѣ отрадной,
Летай надъ мною въ тихомъ снѣ;
Не дай тоскѣ гнѣздиться гладной
И скорби ропота во мнѣ!

КЪ ЛИЛѢ.

Что ты печальна, милая Лила,
Въ скуки, въ безмолвьи горькомъ сидишь,
Къ персямъ прелестны очи склонила
И по ланитамъ слёзы струишь?

Болѣе сердца не восхищаешь
Ангельскимъ гласомъ пѣсни твоей,
Тихо поникнувъ, все воздыхаешь,
Кроешься даже взора друзей!

Гряды любимы зрю безъ призора,
Арфу покрыту вижу въ пыли;
Вмѣстѣ ль съ цвѣтами, Лила, такъ скоро
Вянуть печально намъ на земли?

Вѣрнаго ль друга скрыла могила:
Воли небесной не премѣнишь;
Въ злобѣ ль покинулъ? — плачь, плачь, о Лила!
Раны толь лютой не исцѣлишь!

ДОГОВОРЪ СО СМЕРТІЮ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Такъ, други, умереть намъ должно,
Въ концѣ ль, въ началѣ нашихъ дней,

Предвидѣть смерти не возможно,
Ни защитить себя отъ ней.
Примите жъ мой совѣтъ нелестный,
Да каждый думаетъ изъ васъ,
Какъ въ путь сбираться неизвѣстный
И быть готовымъ каждый часъ.
Что до меня — то я, не ложно
Спокойный къ ней склоняю взоръ,
И былъ бы радъ, когда бъ возможно
Вступить съ ней даже въ договоръ.
О, смерть! разящая безъ разбора,
Такъ сталъ бы я ее молить,
Отсрочь, не приходи ты скоро
Мой тѣсный уголъ навѣстить;
Мнѣ двадцать лѣтъ — немногимъ болѣ,
Дай столько же еще желать;
А тамъ въ твоей ужъ будетъ волѣ;
Но ранѣ тяжко умирать.
Какая честолюбью пища
Оставить только по себѣ,
Что на краю прочтутъ кладбища:
Молитесь о его судьбѣ!
Нѣтъ, смерть! мнѣ жизнь еще не бремя;
Пусть поживу на свѣтѣ я;
Къ тому жъ у насъ военно время!
Тебѣ дѣлъ бездна безъ меня!
Лишь двадцать лѣтъ прошу — и точно,
Минуты болѣ ни одной,
Готовъ я буду безотсрочно,
И съ благодарною душой,
Тогда твоей предамся власти

Благословляя свой предѣлъ,
Увы, возьмутъ на равны части
Любовь и дружба сей удѣлъ!
За то, ни одного упрека
Даю обѣтъ не допустить,
И, сколько твердость человѣка
Намъ дозволяетъ, твердымъ быть;
Не возмутитъ мольба, роптанье,
Мои послѣдніе часы,
Все, что узришь при разставаньѣ:
Лишь пара словъ — и двѣ слезы!
Еще .... о будь мнѣ благосклонна!
Какъ роковой ударитъ мигъ
И устремишься, непреклонна,
Похитить свѣтъ отъ глазъ моихъ,
Предвѣстника изъ страшной свиты
Не шли къ мучительной борьбѣ;
На то чертоги знамениты,
Пусть тамъ доложатъ о тебѣ;
Ко мнѣ жъ, увидя входъ нескрытный,
Посломъ не возвѣщай приходъ,
Я самъ, хозяинъ старобытный,
Съ тобою встрѣчусь у воротъ;
Другъ другу мы — поклонъ учтиво!
Не будетъ спора между насъ;
Вопросъ, отвѣтъ, все торопливо:
Готовы ль вы? готовъ сейчасъ.
Минутъ послѣднихъ я не множа,
На свѣтъ прелестный погляжу,
И мигомъ, мягкое отъ ложа,
Возглавье въ гробъ переложу;

Вотъ всё, иль нѣтъ! еще два слова:
Къ чему ужасный сей нарядъ,
Причуда варварства сурова,
И этотъ крепъ? и сей обрядъ?
Къ чему коса? и пожелтѣлый
Сквозной, гремящій твой скелетъ?
Ты омрачишь мой путь веселый,
А мнѣ другой не страшенъ свѣтъ!
Нѣтъ, смерть, ты въ радужной одеждѣ,
Какъ ангелъ благости явись,
Вели впередъ идти *надеждѣ*,
Сама жъ *за вѣру* придержись!
И путь къ могилѣ мнѣ цвѣтами,
Не кипарисомъ устели;
Вы жъ, други, братскими руками,
По горсти матери-земли!
И гимны въ память, коль угодно,
Но прочь гоните плачъ и стонъ,
Приличнѣй пиршество надгробно
Намѣсто мрачныхъ похоронъ;
Сберитесь всѣ — и безъ печали,
Тогда на мой вы бросьте прахъ,
Тѣ юны розы, что вѣнчали
При васъ чело мое въ пирахъ!

КЪ МОЕМУ РАЗСУДКУ.

(САТИРА ТРЕТІЯ.)

Смирись, разсудокъ мой! къ чему такое рвенье?
Сатира для людей худое наставленье.
Съ симъ страшнымъ ремесломъ ты будь всегда готовъ
Пріязни рушить связь, нажить себѣ враговъ:
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный
Есть язва общества, умъ вредный и опасный:
Бѣги, его, страшись; для острого словца
Въ сатирѣ уязвитъ онъ матерь и отца!
И тѣ, которые слывутъ тебѣ друзьями
И смѣлыми, подчасъ, плѣняются стихами,
Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,
Смѣяся вслухъ надъ нимъ, а тихо надъ тобой,
Къ толпѣ твоихъ враговъ тотчасъ передадутся
И дружества съ тобой подъ клятвой отрекутся;
Сатира, въ коей желчь и злоба явны видна,
Безъ пользы для другихъ писателю вредна;
Исправишь ли порокъ насмѣшкою одною?
Стихи ль подѣйствуютъ надъ звѣрскою душою?
Напрасно! всѣ труды останутся втунѣ,
Такія чудеса неслыханы еще.
Ты будешь обличать *Грабилина* злодѣйства,
Имъ разоренныя показывать семейства:
Явившися ль въ общество осмѣивать порокъ,
Иль юности давать спасительный урокъ,
Бранить невѣжество, пустую знатность рода,

Что жъ будетъ? всѣ тебя въ немъ примутъ за
урода,
Который должнаго почтенья не хранитъ
И смѣло знатному о чести говоритъ!
Писателей дурныхъ исправить ты желаешь:
Вотъ цѣль премудрая! какъ-будто выставляешь
Себя лишь одного для нихъ ты образцомъ;
Въ сатирѣ, гдѣ едва смыслъ вяжется съ стихомъ,
Пришелъ — вскричатъ они — давать намъ на-
ставленья,
Какъ-будто бы писать нельзя ужъ безъ ученья!
Начнешь ли *Балдуева* порочить скучный бредъ:
Онъ добрый человѣкъ, услышишь ты въ отвѣтъ;
Кто право далъ тебѣ бранить его нещадно?
Всякъ воленъ здѣсь писать и складно и нескладно;
Простительно отцу лелѣять милыхъ чадъ;
Къ тому жъ ввели ль кого стихи его въ разврат,
Не долговѣчныя творенія поэта,
Которыя гніютъ, не знавъ дневнаго свѣта?
Вралева упрекнувъ, всѣ ахнутъ: Боже мой,
Что трудъ *Безмыслова* возноситъ онъ хвалой!
Чего же хочешь ты? вражды между друзьями,
Которые живутъ взаимными хвалами?
Оставь, оставь навѣкъ такое ремесло.
Пока оно тебѣ вреда не принесло;
Поэма вздорная, нелѣпо пѣснопѣнье
Герою и пѣвцу есть вмѣстѣ посрамленье!
Пусть тонетъ, пусть горитъ, въ незнаніи отъ
всѣхъ,
Сказавъ о ней, родишь лишь жалость, а не смѣхъ;
Печатный всякій вздоръ исчезнетъ самъ собою:

Его ли воскресить осмѣлишься хулою?
Театра нашего и слава нашихъ дней:
Сумбека, *Радамистъ*, *Электра* и *Атрей*,
Довольно на себя враговъ вооружили:
Пыль, черви, сырость, мгла, войну имъ объявили!
И ты, на сцену вновь явившійся, *Эдипъ*,
Изъ нищаго — царемъ безжалостно погибъ,
Предтечу своего вотще затмить стремился,
Слѣпецъ Аѳинскій живъ — а *царь Эдипъ* сокрылся
При плескѣ зрителей высокаго райка!
Но можно ль сосчитать, упомнить, хоть слегка,
Трагедій, драмъ соборъ, трудъ цеха заказнова,
Которы погреблись въ подвалахъ Глазунова;
Пусть, клятвой отягчась расчетныхъ продавцовъ,
Скрываютъ тамъ себя и стыдъ своихъ творцовъ, —
Нѣтъ, мало! для твоей обидной имъ забавы,
Ты отыскалъ, въ пыли валявшійся, *Храмъ Славы*,
Біона съ Мосхомъ вновь несчастный переводъ,
И Федру *Бавія*, и кучу разныхъ одъ,
Улику жалкую безсмыслія, безумства;
Но мщенье ждетъ тебя за дерзость и кощунство!
Ужъ *Вздоркина* для тебя, по днямъ и по ночамъ,
Терзаетъ бѣдный умъ для жалкихъ эпиграммъ;
Ужъ вновь безсвязное посланіе готовитъ,
Въ которомъ очернитъ тебя и озлословитъ,
И, въ гибельномъ бреду, бумажный витязь сей,
Съ костра возопіетъ къ дружинѣ такъ своей: —
«Зачѣмъ мы, другъ, съ тобой на семъ кострѣ
палящемъ? —
«Я съ роду не писалъ ни *абіе* ни *аще*!

«Онъ врагъ мой, онъ злодѣй, въ посланіяхъ моихъ,
«Жестокій! обличилъ въ безсмыслы каждый стихъ,
«А ихъ хвалилъ и ты, хвалилъ мой благодѣтель,
«Самъ, въ радостныхъ слезахъ, я былъ тому свидѣтель;
«О! вѣчно я ему сей злобы не прощу,
«Иль *обѣ* скорѣй въ стихи мои вмѣщу!» ....
Такъ *Вздорикъ* на тебя въ посланьи ополчится,
Проси его, иль нѣтъ, ужъ онъ не примирится,
Тисненію себя безжалостно предастъ;
Ты шепчешь: въ добрый часъ! не такъ-то онъ горазд;
Согласенъ, въ томъ съ тобой; но развѣ не случалось,
Что даже *Балдусу* нерѣдко удавалось
Насмѣшникомъ платить насмѣшникамъ своимъ;
Не самъ ли онъ тебя подъ именемъ чужимъ
Недавно разбранилъ и съ другомъ поплатился,
Чтобъ глупость тотъ его назвать своей рѣшился:
Въ немногихъ сыщешь ты ума и остроты;
Во всѣхъ достанетъ силъ для подлой клеветы;
И брань ли требуетъ таланта здѣсь какова,
Коль льется намъ она съ пера и съ устъ *Злословa*?
Пусть *Балдусъ* не страшитъ, пускай его весь вѣкъ
Въ кропаніи стиховъ уродливыхъ протекъ,
Но *Бавій*, *Мевій*, *Фирсъ*, поющій доброгласно,
Но злобныхъ риѳмачей соборище ужасно!
Одинъ ужъ предъ тебя съ ругательствомъ предсталъ,
Торгашъ безсмыслицы и продавецъ похвалъ,

Который всѣхъ моритъ, въ горячкѣ стихотворной
Журналомъ, виршами и прозою позорной:
Страшись, страшись толпы разсерженныхъ пѣвцовъ,
Ужъ громъ ихъ надъ тобой обрушиться готовъ.
Неистовый порокъ обиды не прощаетъ,
И гибельный конецъ злословье ожидаетъ! —
Но тише — ты въ отвѣтъ — и въ споръ со мной идешь: —
Ты видъ злорѣчію совсѣмъ иной даешь;
Когда бы, напримѣръ, въ горячности безмѣрной,
Открылъ предъ свѣтомъ я тотъ путь неимовѣрной,
По коему достигъ *Рубелли* до честей,
Сталъ властвовать людьми, рабъ низкій всѣхъ страстей,
Когда бы гнусную сорвавъ съ него личину,
Я подлыхъ дѣлъ его открылъ хоть половину;
И, въ видѣ собственномъ, представивъ на позоръ,
Ужасный произнесъ надъ нимъ бы приговоръ;
Когда бы обличилъ я страшны злодѣянья,
Которы, въ позднія минуты покаянья,
Ханжихина, устрашась и смертныхъ и боговъ,
Смиренно облачилъ въ монашескій покровъ;
Когда бы, позабывъ къ Прелестнымъ уваженье,
Всѣхъ тайнъ *Кокеткиной* я сдѣлалъ откровенье,
Иль жизнь *Распутина* порочить сталъ бы велухъ,
Какъ въ ветхой хижинѣ, храня онъ бодрый духъ,
И, мудрость съ ранними обрѣтши сѣдинами,
Насъ жалкими о ней смѣшитъ проповѣдями —
По праву бъ ты меня злорѣчивымъ назвалъ;
Но, чтобы надъ глупцомъ смѣяться я престалъ?

Чтобъ *Вадія* стихи внимая на мученье,
Я могъ выказывать въ лицѣ своемъ терпѣнье;
Чтобъ, стоя съ низостью предъ знатнымъ подлецомъ,
Престалъ бы соглашать я сердце съ языкомъ,
Иль, чтобъ въ кругу друзей, съ людьми иль межъ стѣнами,
Буррума, *Бавія* назвалъ бы я пѣвцами;
Чтобъ оды *Балдуса* читая не зѣвалъ,
Въ нихъ каждой бы строки съ досады не маралъ,
На жалкій переводъ Расина и Вольтера
Спокойно бы смотрѣлъ и хлопалъ изъ партера —
На это нѣтъ моей покорности къ тебѣ:
Я это повелѣть не въ силахъ самъ себѣ.
Предавши своему печатный вздоръ сужденью,
Мѣшаю ль отъ него купцовъ обогащенью?
Благодаря уму своихъ покупщиковъ,
Какъ Крезъ отъ глупыхъ книгъ разжился Глазуновъ;
И въ чемъ же виненъ я, когда, за наказанье,
Купивши и прочтя *Безсмыслова* маранье,
Скажу, что лучше бъ онъ его не издавалъ —
Тогда его глупцомъ никто бы не назвалъ;
Полезный сей совѣтъ всякъ право дать имѣетъ
Тому, кто пишетъ вздоръ и вздоръ печатать смѣетъ.
Пусть авторъ плачущій нанижетъ пять страницъ,
Гдѣ проситъ милости, пощады, павши ницъ,
Не внемлетъ ничего читатель безпристрастный:
Стихи летятъ въ огонь — и гибнетъ трудъ несчастный!

Къ тому же въ силахъ ли сатирой я своей,
Хоть мало обратить на разумъ риѳмачей?
Я *Балдусу* твержу: ты не рожденъ поэтомъ;
Будь другомъ, будь отцомъ, полезенъ будь совѣтомъ,
Иль помощью другимъ; лишь кончу мой совѣтъ,
А *Балдусъ* за перо — и вновь полился бредъ,
И мнѣ жъ за доброе пріязни наставленье,
Несносные стихи читаютъ на мученье!
Я *Вздоркину* сто разъ стыдъ тяжкій предрекалъ,
Когда онъ въ свѣтъ свои посланья издавалъ;
А *Вздоркинъ*, что ни день, то басня, или ода,
А *Вздоркинъ*, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
О радость! о восторгъ! и я, и я Пиитъ!
Вотще предъ *Бавіемъ* всѣ силы истощаю
И къ смыслу здравому склонить его желаю;
Риѳмачъ неколебимъ — и съ каждою луной,
Насъ новою даритъ въ журналѣ чепухой;
Совѣтомъ оскорбясь, себѣ жъ къ стыду и сраму,
Смѣшную на меня пускаетъ эпиграмму;
И это ль ты во мнѣ злорѣчіемъ зовешь,
За это ли конца ужаснаго мнѣ ждешь?
Не мнѣ ли одолженъ тѣмъ *Балдусъ* многоплодный,
Что, можетъ быть, его прочтетъ потомокъ поздный?
Безвѣстны имена: *Фирса*, *Мевія* и *Злослова*,
Извѣстность обрѣтутъ цѣной моихъ стиховъ
И, можетъ быть, съ гудкомъ мой *Бавій*, вмѣсто лиры,
По смерти разсмѣшитъ читателей сатиры!

За это ль на себя ихъ мщенье навлеку,
Что я имъ лишній годъ прибавлю на вѣку?
Но, Муза! замолчимъ, покорствовать умѣя,
До перваго глупца — и перваго злодѣя!

НОЧЬ НА МОГИЛѢ ДРУГА.

Солнце сѣло — сумракъ лѣтній
Увлажилъ собой поля,
Я спѣшилъ подъ дубъ столѣтній
Слушать пѣсни соловья:
Громко въ воздухѣ душистомъ
Разливалъ любви восторгъ,
И въ раскатахъ, съ звонкимъ свистомъ,
Утомясь, пѣвецъ умолкъ.

Все вкушало сна отраду,
Тишина въ поля сошла
И, среди небесъ, лампаду
Блѣдна Цинтія зажгла;
По лазури распестрился
Звѣздъ горящихъ милліонъ,
Сребровидный отразился
Токъ падущихъ съ шумомъ волнъ...

Спитъ счастливецъ, усыпленный
Сладострастія рукой,
Спитъ страдалецъ изнуренный,
Раздѣля свой одръ съ тоской,

Легки призраки спустились —
Бѣдный узникъ усыплёнъ,
Цѣпи розами увились,
Гласъ свободы слышитъ онъ!

О, безцѣнный даръ природы,
Силъ податель, сладкій сонъ,
Жертва скорби, въ юны годы!
Я одинъ тебя лишенъ!
Звукомъ горестной цѣвницы,
Близъ твоей, почившій другъ,
Мхомъ поросшія гробницы
Услаждаю скорбный духъ.

Сколь блаженъ, тебѣ подобно,
Кто навѣкъ почилъ отъ золъ,
И отъ странствія безплодна
Пристань вѣрную нашелъ;
Во твоей могилѣ тѣсной
Воздыханья, плача нѣтъ,
Нѣтъ тоски, со мной всемѣстной,
Лютыхъ горестей и бѣдъ.

Ни ужасный страсти пламень,
Ни борьба съ самимъ собой,
Ты недвижимъ, тихъ какъ камень,
Водруженный надъ тобой!
Ни судебъ, ни смертныхъ злобѣ
Не подвластна персть твоя;
Ахъ, почто съ тобой во гробѣ
Не сокрылся вмѣстѣ я!

Дона на брегу высокомъ,
Средь обители отцовъ,
Я лежалъ бы въ снѣ глубокомъ
Близъ священныхъ ихъ гробовъ —
Ликъ увядшій, тихій, блѣдный,
И къ груди прижатый крестъ
Скоро ль, скоро ль, странникъ бѣдный,
У родимыхъ будешь мѣстъ?

УНЫНІЕ.

Люблю въ душѣ моей уныніе питать.
Природа всякій часъ готова намъ внимать;
Наставникъ истинный — товарищъ драгоцѣнный!
Но болѣе всего люблю тотъ часъ священный,
Какъ гаснетъ въ облакахъ, прощаясь съ міромъ день,
Какъ длинная съ холмовъ въ долины ляжетъ тѣнь,
Полдневныхъ шумъ работъ умолкнетъ постепенно
И пѣніе пѣвцовъ слабѣетъ отдаленно,
Скрываются цвѣты, чернѣютъ зыби водъ,
Какъ свѣта царь, скончавъ торжественный свой ходъ,
Померкшее чело скрываетъ за туманомъ —
И теплится заря на Западѣ багряномъ.
Тогда мечтается, съ прохладнымъ вѣтеркомъ,
Молчаніе летитъ подъ маковымъ вѣнкомъ,
Другъ ночи, и о ней желанный возвѣститель!

Ты миръ и сонъ ведешь оратая въ обитель.
Часъ вечера въ поляхъ — печальный жизни видъ!
Струя сокрытыхъ водъ вокругъ меня журчитъ
И ароматъ съ цвѣтовъ невидимыхъ восходитъ;
Тогда во глубину свою мой духъ нисходитъ:
Спятъ чувства — и мечта его оживлена!
Пареніямъ ея вселенная тѣсна.
Сюда питать ее, подъ наклоненной ивой,
Сажусь — и углубленъ въ бесѣдѣ молчаливой —
Сюда — унынія и мудрости друзья!
Ликъ мѣсяца блеснулъ на зеркалѣ ручья!
Предъ мною храмъ села, въ очахъ моихъ кладбище,
Отшедшихъ отъ земли пустынное жилище,
Не бронза, не гранитъ — вѣщатели похвалъ!
Полуобрушенный, покрытый дерномъ валъ,
Заросшихъ рядъ могилъ, гдѣ мохъ лишь посѣдѣвшій
На камняхъ гробовыхъ, иль вновь зазеленѣвшій,
Почившихъ время сна являетъ для очей;
Здѣсь пепелъ ихъ свѣжитъ извивистый ручей,
Какъ братья, какъ друзья, гробъ вмѣстѣ, старца, млада,
Ихъ персти не дѣлитъ желѣзная ограда!
При нихъ взоръ странника стремится отдохнуть,
О, братья, вмѣстѣ течь и вмѣстѣ кончить путь!
О тлѣнности мечта здѣсь духъ мой посѣщаетъ,
Шагъ каждый мой себѣ подобныхъ попираетъ,
Изъ праха нашего составилась земля.
А тамъ, гдѣ день и ночь, гремитъ Творцу хвала,
Въ природной простотѣ ума не озаренна,

Не хитростью его, а чувством соплетенна,
Гдѣ, мнится, самъ Отецъ внимаетъ чадъ своихъ,
Вселяетъ въ злобныхъ страхъ и милуетъ благихъ,
Гдѣ древность на стѣнахъ, сѣкирой твердой стали,
Неизгладимыя означила скрижали —
Въ семъ храмѣ — мысль моя со трепетомъ паритъ,
Приникши къ алтарямъ, поющи лики зритъ,
Духъ вѣрою — мольбой ланиты воспаленны,
Уста несущи пѣснь — и очи умиленны:
Тамъ молится, предстать готовясь предъ судомъ
Раскаянье, къ землѣ приникшее челомъ,
Въ потокѣ слезъ свое сретаетъ искупленье;
Благословляя тамъ отъ міра удаленье,
Согбенный лѣтами, подъ бременемъ скорбей,
Желая ускорить кончину своей,
Домъ тѣсный труженикъ себѣ уготовляетъ,
Не конченъ зрится трудъ.... а старецъ истлѣваетъ!...
Сюда, въ часъ осени, стекайтеся друзья!
Какъ съ шорохомъ листовъ смѣсится шумъ ручья,
И токъ, разсвирѣпѣвъ, въ расширенномъ стремленьѣ,
Къ окрестнымъ понесетъ жилищамъ потопленье,
Какъ вѣтеръ восшумитъ внезапный гость лѣсовъ,
И обнажитъ верхи дряхлѣющихъ дубовъ,
Когда отцвѣтшія дубравы и долины
Представятъ взорамъ видъ печальныя картины,
И вы не встрѣтите въ зерцалѣ мутныхъ водъ,

Ни утра зарево, ни неба ясный сводъ,
Фебъ скроется, узрѣвъ природы разрушенье
И, въ скорби, сократитъ для ней свое теченье,
Когда она, сорвавъ красотъ своихъ вѣнецъ,
Сама — какъ старица срѣтающа конецъ —
Тогда, мои друзья, въ сей мрачный лѣсъ вступайте;
Свой собственный закатъ всеобщимъ услаждайте,
Смерть менѣе страшна, коль думаемъ о ней.
Сидящимъ вамъ въ мечтахъ, быть можетъ, вѣстникъ сей,
На мшистой высотѣ повременно звучащій,
Которымъ говоритъ намъ мигъ, отъ насъ летящій,
Моленья скажетъ часъ... во храмѣ огнь блеснетъ,
Всякъ къ мѣсту, въ немъ себѣ избранному, придетъ:
Торжественъ часъ хвалы Предвѣчному несомый!
Быть можетъ, окруживъ почившихъ тѣсны домы,
Благословенія на прахъ ихъ притекутъ,
Моленіе и скорбь свой тихій гимнъ сольютъ,
И взыдетъ eниміамъ надъ дремлющимъ въ покоѣ...
Тамъ вѣры чувствуйте величіе простое!
Или, всю скорбь въ себѣ стремитеся вмѣстить,
Всю силу ближняго несчастіе дѣлить,
Когда, сквозь частый кровъ, составленный вѣтвями,
Съ блѣднѣющимъ челомъ, съ померкшими очами,
Съ власами, падшими въ небрежности на грудь,
Вы узрите красу, таящу робкій путь
Къ могилѣ, гдѣ ея отрада заключена:

Духъ скорбью услажденъ, грудь плачемъ облегченна!
Склонясь на мшистый крестъ задумчивымъ челомъ,
Унынія она вамъ будетъ Божествомъ,

КЪ ПАТРІОТАМЪ.

Писано въ 1812 году, по занятіи Французами Смоленска.

Цари въ плѣну, въ цѣпяхъ народы!
Часъ рабства, гибели приспѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы, сыны свободы?
Иль нѣтъ мечей и острыхъ стрѣлъ?
Иль мужество въ груди остыло,
И мстить желѣзо позабыло?
Въ Россіи врагъ.... и спитъ нашъ громъ!
Почто не въ бой? онъ намъ ли страшенъ? —
Уже верхи смоленскихъ башенъ
Віются пламеннымъ столбомъ!

Се вѣстникъ кары — вражьей траты:
Ихъ кровь жаръ мести утолитъ!
Къ мечамъ! впередъ! блаженъ трикраты
Кто первый смертью упредитъ!
Развѣйтесь знамена побѣдны,
Героевъ — предковъ даръ наслѣдный!
За ихъ могилы биться намъ!

На гибель злымъ и малодушнымъ,
Самъ браней Богъ, вождемъ воздушнымъ,
Летитъ святымъ симъ знаменамъ!

Ихъ Слава нарекла своими —
И носимъ имя мы Славянъ!
Впередъ, рядами — вмѣстѣ съ ними,
Перуномъ грянемъ въ вражій станъ!
Сразимъ, иль всякъ костями ляжетъ,
И гробный холмъ потомству скажетъ:
Здѣсь скрытъ бевтрепетныхъ соборъ,
И скажутъ вѣки и стихіи:
Онъ славу защищалъ Россіи
И мстилъ вселенныя позоръ!

Стыдомъ, проклятіемъ покрытый,
Сей царь земли, сей богъ побѣдъ,
Въ ровъ гибели для насъ изрытый,
Съ высотъ честей своихъ падетъ!
Не сонмъ наемниковъ иль плѣнныхъ,
Къ алчбѣ, корысти устремленныхъ,
Предателей страны своей,
Которы въ страхѣ рабскомъ пали,
Въ добычу все врагамъ отдали —
И прахъ отеческихъ костей!

Онъ встрѣтитъ въ насъ героевъ Славы,
Извѣстныхъ свѣту Россіянъ,
Спасавшихъ чуждыя державы
Которыхъ суша, океанъ
Въ побѣдахъ громкихъ созерцали,

Которыхъ царства трепетали,
Кого дрожалъ и храбрый Шведъ,
И Прусъ, и Галлъ непостоянный,
Самъ вождь его, въ бояхъ вѣнчанный,
И спящій въ гробѣ Магомедъ!

Возстань героевъ русскихъ сила,
Кого и гдѣ, въ какихъ бояхъ
Твоя десница не разила?
Днесь брань встаетъ въ родныхъ поляхъ —
Гдѣ персть, древа и камни хладны,
Возжгутъ твой духъ, ко славѣ жадный!
Одинъ, одинъ врагу ударъ —
И вся Европа отомстится:
Здѣсь Бельтъ отъ крови задымится,
А тамъ — вспылаетъ Гибралтаръ!

НА ПЛЯСКУ Д....

ВЪ ОДНОМЪ ПРЕВОСХОДНОМЪ БАЛЕТѢ.

Волшебствъ и красоты съ незнаемаго міра,
Не Фея ль, отдѣлясь, предстала предо мной,
Иль Флора рѣзваго любимица Зефира,
На злачныя поля слетающа весной?
Иль, Нимфа свѣтлыхъ водъ, прелестна Данаида,
За коею бѣжитъ въ восторгѣ Аполлонъ?
Иль юная сама, любови мать, Киприда,

Эоирозвѣздяный имѣюща хитонъ?
Съ сей чудной быстротой, съ сей легкостью небесной,
Съ простыми смертными летаетъ предо мной,
Движеньемъ правитъ хоръ гармоніи чудесной,
И игры, прелести, вокругъ ея толпой!
То съ нею въ быстротѣ чуть видимой кружатся,
То вдругъ, свершивши быстрый кругъ,
Съ лилейною рукой воздѣты устремятся,
Прильнутъ къ устамъ, къ груди.... съ стопами вьются вдругъ!
Она при громѣ струнъ, во гнѣвѣ и прещеньи,
Богини предо мной являетъ грозный видъ,
И въ выразительномъ, протяжномъ изступленьи,
О нѣжности любви съ улыбкою твердитъ! —
О, если бъ я возмогъ, твоимъ владѣя даромъ,
Очарованье лить, какъ ты, вокругъ себя,
Съ какимъ бы сладостнымъ, кипящимъ въ сердцѣ жаромъ,
О, дѣва юная! прославилъ я тебя! —

НА ЕЯ ЖЪ СКОРОПОСТИЖНУЮ СМЕРТЬ.

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной,
Вчера твои красы срѣтали жадны взоры,
Обвороженные чудесной быстротой;
Зефира легкаго и прелесть и движенье,

Цвѣтъ нѣжныя весны, сокрывшійся навѣкъ,
Вчера срѣтала ты мой плескъ и удивленье,
Сегодня .... встрѣтить гробъ я ранній твой
притекъ!

Когда средь сонма Сильфъ и рѣзвыхъ Ореадъ
Дивился твоему искусству несравненну,
Мечталъ ли, что тебя, веселью окрыленну,
На утро окуетъ внезапный смерти хладъ?
При взглядѣ на тебя, средь сладкаго томленья,
Мечталъ ли, чтобъ красы расцвѣтшія твои,
Утративъ и хвалу и тяньства свои,
Столь рано потребнись въ обители истлѣнья?
О, Дѣва! можетъ быть, въ незнаньи сей же
часъ,
(Сокрытъ кончины мигъ) и я, тебѣ подобно,
У праха твоего изрекши стихъ сей скорбно,
Услышу и меня зовущій смерти гласъ!

НА СВИДАНІЕ СЪ А....

КОТОРЫЙ, ПОСЛѢ ЖЕСТОКИХЪ РАНЪ НОДЪ ВОРОДИНЫМЪ, ДОЛГО СЧИТАЛСЯ УБИТЫМЪ.

О воинъ — другъ! съ кровавой сѣчи
Ты предо мной! ты пощаженъ!
Восторгъ печальныя встрѣчи!
Но ахъ, какъ много стоитъ онъ!
Ты въ язвахъ весь: рука, ланита, —

И грудь, геройствомъ знаменита,
На бранныхъ дышетъ костыляхъ....
О, жертва славы въ юныхъ дняхъ!
Еще въ объятья, другъ безцѣнный,
Ты живъ — и дружба предъ тобой!
Она твой спутникъ неизмѣнный,
Пускай услышитъ голосъ твой —.
Воспомни страшны ей минуты,
Какъ полчища ворвались люты
Въ отчизну пагубной рѣкой —
Про ужасъ битвы — пораженья —
Какъ міру лучъ блеснулъ спасенья —
Вѣщай про *Бородинской* бой!
Участникъ въ избавленьи свѣта,
Скажи: какъ въ утренній туманъ,
Съ лучемъ мерцающимъ разсвѣта
Враги ударили въ вашъ станъ;
Какъ ты леталъ, впреди и съ тыла,
Съ мечемъ, который изострила
Святая къ родинѣ любовь;
Какъ тихла брань, ярилась вновь;
Какъ зрѣлъ ты въ мглѣ, сквозь паръ кровавой,
Передъ собой побѣду съ славой,
И лица блѣдныя враговъ! . ..
Представь - пусть дружба ободрится —
Тотъ мигъ, какъ злобнымъ остріемъ
Лице геройское багрится
И длань пронзается свинцомъ;
Какъ ты, къ отчизнѣ полнъ любови,
Безчувственъ ставъ къ текущей крови,

Вождя — начальника органъ (*
И тутъ, и тамъ, о витязь дивный!
Какъ вихрь разносишься пустынный
И движешь брани океанъ;
Какъ, наконецъ, ядромъ поверженъ,
Въ пыли, въ отчаяньи, въ плѣну,
Единой мыслью: врагъ низверженъ!
Живишь со смертію борьбу;
Вѣщай, какъ изнуренъ и гладенъ —
Къ подробностямъ слухъ дружбы жаденъ —
Часы въ страданіи влача,
Покрытъ ужъ смерти пеленою,
Жизнь страшной искупалъ цѣною
Подъ хитрой сталію врача! . . . .
Представь — да духъ мой восхищенный,
Сію къ отечеству любовь,
И подвиги твои священны,
Забыту лиру строя вновь,
Предастъ въ другое поколѣнье!
Героевъ храбрыхъ и царей
Даритъ безсмертьемъ пѣснопѣнье.
Ты счастливъ въ участи твоей,
Ты въ мракѣ не сойдешь въ могилу,
Какъ здѣсь и въ гробѣ живъ равно,
Пока въ сердцахъ имѣетъ силу
Святый глаголъ: *Бородино*!

---

*) Онъ былъ адъютантомъ.

ПРИДОНСКІЙ КЛЮЧЪ.

—

Въ тѣни дубравы токъ вьющій,
О, сынъ вѣнчанныхъ мохомъ скалъ!
Со ребръ ихъ въ Донъ лющій
Свой пѣнистый кристаллъ!

Къ тебѣ, Придонскій Ключъ цѣлящій,
Близъ моего отшельникъ жилъ,
И твой потокъ журчащій
Изъ камня источилъ —

Иду въ часы полдневна зноя,
Свѣжа палиму жаромъ грудь,
Средь нѣги и покоя
При шумѣ отдохнуть;

Или, въ часъ вечера сумрачный
Какъ, пробираясь сквозь тростникъ,
Луна въ твой токъ прозрачный
Свой опускаетъ ликъ;

И въ тму глубокую полнощи,
Какъ черны призраки ея,
Изъ ближней вышедъ рощи,
Обстанутъ вкругъ тебя —

Твой шумъ въ молчаніи внимаютъ,
Не движась съ высоты скалы,
И тѣни упадаютъ
Далеки по земли;

Какъ, наклонясь, въ тебѣ глядится
Чело угрюмое холма,
И съ трепетомъ дробится
У ногъ его волна;

О Ключъ! святыней источенный,
Пробившій влагою песокъ,
Тобою привлеченный,
Я славлю твой истокъ.

Да въ вѣкъ твоя святится сила
И живоносныя струи,
Вѣчно біюща жила
Питающей земли!

ЭЛЬВИРИНО ПОЗДРАВЛЕНІЕ

САМОЙ СЕБЯ СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ.

Всѣмъ новое счастье готовитъ судьба;
Что хочешь Эльвира? какое моленье
Твой ангелъ-хранитель возьметъ отъ тебя?
Вся юности прелесть въ одномъ наслажденьѣ;
Веселья ли просишь? — нѣтъ, радость навѣкъ
Сокрылась отъ сердца для скорби рожденна;
Мой возрастъ счастливый безъ счастья протекъ!
Я прежде взывала: и мнѣ обреченна,
Быть можетъ, настанетъ веселья чреда,

Быть можетъ, промчится съ годами страданье —
Теперь не спознаюсь я съ ней никогда,
Теперь не дружится съ тоской упованье!
О другѣ ль въ моленьи ты скорбномъ взывaешь,
Семъ благѣ единомъ для нѣжной души?
О немъ ли ты къ Небу съ слезами вѣщаешь:
О Небо, молитву Эльвиры внуши! —
Нѣтъ, другъ — даръ ужасный! судебъ испытанье!
Навѣкъ сопряжемся въ минуты любви,
Всѣ сладости рая въ душевномъ слiяньѣ
И радостный трепетъ ощутимъ въ груди;
Но чтожъ чрезъ минуту? — гдѣ спутникъ? гдѣ милый?
Одни, отчужденны, надъ свѣжей могилой,
И блѣдны ланиты палимы слезой!
И вздохи восторга въ рыданье вмѣнились!
На небѣ ужасной, внезапной грозой
Мечты и надежды всѣ вдругъ истребились! —
Что жъ сердцу осталось? о чемъ предъ судьбою
Ты молишь съ душою увядшей твоей? —
Терпѣнья и смерти взываю отъ ней.
О, если ты можешь тронуться мольбою,
Безвѣстная въ мракѣ грозящемъ судьба,
Услыши просящей Эльвиры моленье:
Пусть въ сердцѣ утихнетъ съ тоскою борьба,
Слезящее око отри на мгновенье
И послѣ навѣки сномъ смерти смежи;
Дай сердцу минуту протекшей отрады,
И послѣ навѣки его сокруши:

Вотъ все для Эльвиры! вотъ все что ей надо;
Надежду и счастье минуты одной —
И послѣ навѣки ее успокой!

Когда же за гробомъ лучъ новый проглянетъ,
И духъ воскрилится къ отчизнѣ своей,
Тогда для Эльвиры годъ новый настанетъ,
Тогда грудь Эльвиры забейся сильнѣй,
Лей слезы отрады нетлѣнное око,
И вѣчною сердце любовью пылай,
Любовь, не страшися ни смертныхъ, ни рока,
Безропотный голосъ въ восторгѣ взывай:
Я вѣчно съ тобою, другъ сердца избранный! —
Но гдѣ же, Эльвира, гдѣ часъ сей желанный?

КЪ КОЛЫБЕЛИ СИРОТКИ.

Успокойся, мой дружочекъ,
Перестань меня терзать,
Хоть на часъ, одинъ часочекъ
Дай тебя мнѣ не слыхать.

Подъ судьбы завѣсой темной,
Въ колыбели скрытыхъ бѣдъ,
Дланью движимый наемной,
Ты съ тоской глядишь на свѣтъ;

Вопль твой: мать! ея объятій!
Мать похищена судьбой,
Ни отца, ни нѣжныхъ братій
Не увидишь предъ собой!

О, малютка! прочь сей нѣжный
Раздирающій твой взоръ;
Въ немъ начертанъ неизбѣжный
Провидѣнію укоръ.

То повернется, то стонетъ,
Какъ бы въ грусти говоря:
Ахъ! кого на свѣтѣ тронетъ
Безпріютна жизнь моя!

Такъ, мой другъ, коль не увянешь,
Съ лаской встрѣтишь всѣхъ людей;
Но отъ нихъ учиться станешь
Все скрывать въ душѣ своей.

Жизни путь — есть путь етраданья....
Но твой вопль терзаетъ слухъ
И приводитъ въ содроганье
Мой привыкшій къ скорби духъ!

Мы здѣсь въ мірѣ — Царь любови!
Для твоихъ живемъ небесъ;
Я не зрю въ немъ столько крови,
Сколько зрю его я слезъ!

КЪ СЕСТРѢ МОЕЙ.

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужъ много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твой другъ оспротѣлъ;
Не услажденны сердца муки,
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой печальный приходъ,
И на лицѣ моемъ примѣтишь,
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужъ много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ,
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!
Мечты сокрылися отрадны,
Ихъ грозный опытъ отогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ! . . . .
Когда наступитъ часъ желанный,
И я, въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный,
Прижмуся къ сердцу твоему?
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ тяжкихъ дней,

Какъ я, съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ —
И — услажденъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ!
О, другъ мой! счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой,
Уже въ пріятномъ чувствъ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой,
То мнится мнѣ, обвороженный,
Съ тобой по рощамъ я брожу,
Вѣщаю — и въ душѣ блаженной,
Восторга словъ не нахожу
То, въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
Вѣдомый дружбой и тобой,
Иду, въ задумчивомъ молчаньи,
На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далеко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ!....
Но гаснетъ ужъ заря на Югѣ,
Въ туманѣ кроются лѣса,
И поселянъ, поющихъ въ кругѣ,
Вдали слабѣютъ голоса;
Мы тихою идемъ стопою,
Простясь до утреннихъ часовъ
И, провождаемы луною,
Въ свой мирный достигаемъ кровъ;
Съ ея отрадными лучами
Нисходятъ благотворны сны....
Уже, разставшись съ суетами,

Я сплю на ложѣ тишины!
Часъ утра! о восторгъ всегдашній!
О немъ, крылами бья, гласитъ
Встревожась, пѣтелъ мнѣ домашній,
И сонъ отъ глазъ моихъ летитъ!
Подъ перлами росы блестящій
Открытъ предъ мной зеленый лугъ,
И рогъ звучитъ, стада будящій,
И волъ взревѣлъ, впряженный въ плугъ!
Любовь твоя своимъ привѣтомъ
Идетъ меня предупредить....
Я съ бурнымъ распростился свѣтомъ!
Даю зарокъ для дружбы жить!
Но что! — твой призракъ удалился,
За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:
Къ землѣ печальный взоръ склонился —
И я опять одинъ съ тоской!
Томлюсь, Фортуны рабъ слѣпыя,
Безъ наслажденья трачу дни,
И блага промѣнялъ прямыя
На ложны призраки одни!
Мой другъ! счастливаго возврата,
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго Пената
Съ смиренной жертвою явлюсь!

МАТЬ-УБІЙЦА.

(Изъ Шиллера.)

—

Слышишь? бьетъ ужасный часъ!
Укрѣпитесь силы!
Вмѣстѣ къ смерти! ищутъ насъ
Бросить въ ровъ могилы!
Все исчезло: — Божій свѣтъ,
И небесъ отрада,
Для меня насъ болѣ нѣтъ —
Я добыча ада!

Ахъ, прости и свѣтлый день,
Взоровъ услажденье,
Сладострастна ночи тѣнь —
Чувствъ обвороженье!
Блескъ отрадный вашъ погасъ,
О, мечты златыя!
Быстро скрылись вы отъ глазъ,
Радости земныя!

Я, въ убранствѣ юныхъ лѣтъ,
Веселясь красою,
Улыбалась здѣсь, какъ цвѣтъ,
На зарѣ весною!
Днесь во гробъ осуждена —
И покровъ кончины,
Блѣдный ликъ, гдѣ смерть видна,
Скрылъ до половины!

Лейте слёзы надо мной,
О, подруги милы!
Вы, кому даны съ красой
И душевны силы!
У жестокаго въ рукахъ,
Въ радости безпечной,
Въ милыхъ ядъ пила устахъ —
И погибла вѣчно!

Можетъ быть, теперь съ другой,
О, измѣнникъ лютый!
Какъ встрѣчаю я съ тоской
Смертныя минуты,
Пьетъ онъ радость и любовь,
Скорбь забывъ и страхи....
А моя здѣсь брызнетъ кровь
Высоко отъ плахи!....

Эдвинъ, Эдвинъ, за тобой
Пусть сей гласъ печальный,
Всюду слѣдуетъ сей вой,
Страшный, погребальный!....
Пусть всегда въ твоемъ умѣ
Смерть Луизы бѣдной,
И призракъ ея во тмѣ
Предъ тобою блѣдный!

Вѣроломный! страсти жаръ —
Ни цвѣтуща младость,
Ни залогъ любви — сей даръ,
Львовъ и тигровъ радость....

Все отвергнулъ! — на земли
Скорбь со мной оставивъ,
Ты летишь одинъ вдали
Паруса расправивъ!

А младенецъ? горькій плодъ!
Ахъ, почто явился?
Въ полномъ образѣ красотъ
Ликъ твой обновился:
Сердце матери мечтой
Сладкой оживилось;
Вдругъ отчаянье съ тоской
Въ немъ соединилось.

Гдѣ отецъ мой? — вопросилъ
Онъ ужаснымъ взоромъ —
Гдѣ супругъ твой? онъ грозилъ
Мнѣ нѣмымъ укоромъ —
О, невинность! горе намъ!
Онъ навѣкъ съ другою,
Глухъ къ стенаньямъ и мольбамъ,
Вѣчный стыдъ съ тобою!

Ахъ, и матерь? .... грозный адъ —
Тамъ ея обитель!
Страшенъ милый твой мнѣ взглядъ;
Муки возвѣститель!
Каждый смѣхъ твой на устахъ —
Есть мое страданье,
Каждый вопль твой — сердца страхъ
И души терзанье!

Адъ навѣкъ уже со мной!
Прочь твои лобзанья!
Вопли Фурій — голосъ твой —
Слышу ихъ воззванье;
Здѣсь, спѣшите, — вотъ онѣ!
Адскій сонмъ явился!
Ихъ огонь вспылалъ во мнѣ....
И кинжалъ вонзился!

Эдвинъ, Эдвинъ! за тобой
Тѣнь сія летаетъ;
Хладной пусть своей рукой
Грудь твою ласкаетъ!
Пусть ее послѣдній взглядъ
Ты повсюду встрѣтишь;
Взоры страшны; съ ними въ рядъ
Тѣнь мою примѣтишь!

Здѣсь, смотри, у ногъ упалъ,
Весь облитый кровью,
Будто къ матери припалъ
Съ дѣтскою любовью!
Слышу грозный гласъ судей:
Въ сердцѣ гласъ боязни;
Здѣсь, готова! смерть скорѣй!
Муки лютой казни!

Эдвинъ! милостивъ Творецъ —
И небесна сила
Казнь смягчаетъ злыхъ сердецъ:
Я тебя простила.

Все исчезнетъ! клятвъ обѣтъ
Поцѣлуевъ сладость
Лютый пламень все пожретъ;
Ужъ горитъ — о, радость!

Ахъ, не льститесь красотой
Дѣвы непорочны!
Красота — губитель мой,
И удѣлъ непрочный!
Путь ко плахѣ мнѣ скорѣй!
Часъ ударилъ, мститель!
Мать-убійца: не блѣднѣй
Казни исполнитель!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Я зрѣлъ: мои печальны лѣта
Сливались вѣчности съ рѣкой,
И дней моихъ, среди разсвѣта,
Клонился я на западъ мой;
Мнѣ гробъ ужасный отверзался;
Бѣжалъ отъ глазъ отрадный свѣтъ,
Вотще въ глубокой тмѣ старался
Я дней увядшихъ видѣть слѣдъ.

Твоя десница, Боже вѣчный!
Къ себѣ опять свой даръ беретъ,
И дни сей жизни скоротечной

Тобой сотканны мнѣ сѣчетъ;
Послѣднее мое свѣтило
Восходитъ въ горни высоты,
Твое дыханье отдѣлило
Меня живущихъ отъ среды.

Твоимъ дыханьемъ восхищенный,
Взношусь я отъ страны земной,
Какъ стебля своего лишенный,
Несется вѣтромъ листъ сухой;
Недугъ, какъ тигръ неукротимый,
Во мнѣ всѣ кости сокрушилъ;
Покой ниже на мигъ единый
Меня въ страданьи не живилъ;

Надежды болѣ лучъ не блещетъ;
Томлюсь я въ страхѣ и въ слезахъ,
Какъ ластовица, что трепещетъ
У гладна ястреба въ когтяхъ;
Я жду кончины какъ отрады,
Какъ вожделѣннаго добра,
И плачемъ утомленны взгляды
Вращать не въ силахъ вкругъ одра.

Объятъ болѣзнію жестокой,
Я наступавшей ночи рекъ:
О, ночь! во тмѣ своей глубокой
Меня поглотишь ты навѣкъ;
Я къ восходящей рекъ денницѣ,
Когда отъ ней бѣжала тѣнь:

Увы! на свѣтлой колесницѣ
Ты мой ведешь послѣдній день!

Душа моя покрылась мракомъ,
И ужасъ сердце оковалъ,
Объятъ отчаяньемъ и страхомъ,
Впослѣдни къ Богу я воззвалъ:
Отъ края страшныя гробницы
Услыши, Господи, мой гласъ!
Ужасна месть Твоей десницы:
Пошли въ отраду смертный часъ!

Не презрѣлъ Онъ моленій слезныхъ,
Роптанье грѣшнаго пріялъ,
Коснулся краемъ ризъ чудесныхъ,
Отъ сердца мукн отогналъ:
Онъ днямъ моимъ велѣлъ простерти
Еще далеко свой предѣлъ,
И въ ужасахъ грозящей смерти
Мнѣ жизнь отрадну зрѣть велѣлъ.

Твою, мой Богъ! пускай вселенна
На мнѣ чудесну благость зритъ;
Для казни правой устремленна,
Твоя десница жизнь даритъ;
Твоей щедроты въ прославленье,
Для памяти чудесъ Твоихъ,
Ты прибавляешь дней теченье
Минутныхъ странниковъ земныхъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мой Боже и Создатель,
Премудрость, благость безъ границъ!

Величья Твоего вѣщатель
Не ужасъ тлѣющихъ гробницъ;
Не смерть, что ихъ съ улыбкой злобной
Вокругъ разсѣянными зритъ;
Но персть, что подъ доскою гробной
Къ Тебѣ надеждою горитъ;

Но тѣ, которые со мною,
Теперь отъ ней искуплены,
Изъ рода въ родъ своей хвалою
Тебя прославятъ ихъ сыны,
Твое владычество всемѣстно;
Я самъ пойду, всемощный Царь!
Возставленный Тобой чудесно,
Обнять священный Твой алтарь;

Я чистымъ устъ моихъ хваленьемъ,
Я пламенемъ души моей,
Сердца подвигну сокрушеньемъ
Забывшихъ о Тебѣ людей,
Тебя познать я ихъ заставлю,
Исполню ихъ Твоей хвалой,
Открою, вознесу, прославлю
Надъ нами промыслъ Твой благой!

НАДГРОБНАЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНѢ

ОТЪ ОСТАВШАГОСЯ МУЖА СЪ ОСИРОТѢЛЫМИ МЛАДЕНЦАМИ.

Другъ милый! нѣтъ тебя, ты въ сердцѣ лишь осталась!
Ни умъ, ни красота, ни крѣпость юныхъ лѣтъ,
Ни сердце ангеловъ, которымъ украшалась,
Ни сиротство дѣтей, узрѣвшихъ скорбный свѣтъ,
Отъ смерти лютыя тебя не защитили.
Съ тобой меня судьбы всѣхъ благъ моихъ лишили,
Осталось лишь одно: ихъ въ помощь призывать,
Кропя въ унынiи, въ тоскѣ твой прахъ слезами
Съ двумя несчастными твоими сиротами —
И ложемъ брачнымъ гробъ въ стенаньи называть.

ИДИЛЛІЯ.

О, Лила! блаженство дней юныхъ не вѣчно!
Какъ быстрый источникъ оно скоротечно;
Веселья не придетъ потерянный часъ;
Все тать сокровенный похититъ у насъ;
Расцвѣтшая роза чрезъ мигъ исчезаетъ,
Не долѣ у Лилы зефиръ лобызаетъ,
И лiлiи персей, и розы ланитъ,
И въ страсти другъ сердца къ нимъ взоры стремитъ!
Мы такъ же, какъ роза, мгновенны бываемъ,
Не долѣе зрѣемъ — скорѣй отцвѣтаемъ!

Въ томленіи сердца, чуждаясь любви,
Мы лучшіе губимъ весенніе дни;
Съ вѣнкомъ увядаетъ чело, имъ увито;
Мы зримъ что̀ проходитъ — что̀ будетъ — сокрыто!

О, Лила! ужъ тѣни не ищетъ въ дубравѣ
Ни агнецъ, рѣзвяся въ невинной забавѣ,
Ни серна прохлады въ ущелинахъ горъ;
Съ днемъ каждымъ встрѣчаетъ утрату нашъ взоръ!
На мѣстѣ, гдѣ цвѣта видъ зрѣлся веселый,
Чрезъ мигъ, возвратившись, зрю стебль облетѣлый,
Въ лѣса опустѣвши вновь придетъ весна, —
Но юность другая для насъ не дана!
Ни что не наполнитъ грудь въ скорби отцвѣтшу,
Ни что не воротитъ любовь отлетѣвшу!
О, Лила! доколѣ не все отцвѣло,
Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,
Власы распустивши, какъ розы душисты,
На полныя груди, на перси волнисты,
Прижмися, лилейной рукой оплетясь,
Ты къ другу, устами съ устами слѣпяясь:
Пусть духъ воспылаетъ, любовью объятый!
Пусть грозное время къ намъ мчится съ закатомъ —
И дни передъ нами какъ стрѣлы летятъ!
Любви наслажденья намъ все замѣнятъ;
Въ ней жизни вся сладость, въ ней счастье природы,
Минута съ ней то же, что̀ цѣлые годы!

МОНАСТЫРЬ.

Элегія.

—

Насталъ покоя часъ! отъ хвалъ, моленій томныхъ,
Пустынной тишинѣ предавши мрачный храмъ,
Рядъ труженицъ идетъ печальныхъ и безмолвныхъ,
Склониться къ сладостнымъ забвенія мечтамъ.

Смиренны странницы сей жизни скоротечной,
Для коихъ навсегда веселье отцвѣло;
Ихъ Вѣра облекла въ одежду скорби вѣчной;
Ихъ блѣдное къ землѣ потуплено чело.

Вступаетъ каждая въ свой теремъ одинокой,
Другъ къ другу скорбный взглядъ бросая при дверяхъ;
Свѣтило дневное сокрылось въ понтъ глубокой —
И вечеръ воцаренъ прохладный на поляхъ!

Все пусто вкругъ меня! лишь тихое моленье
Несется изъ среды обители святой;
Тамъ дѣва, притаясь, въ сердечномъ сокрушеньѣ
Возноситъ къ Божеству смиренный голосъ свой.

Быть можетъ, страстію несчастною томима,
Погибшихъ радостей взываетъ отъ небесъ,
Или, печалію ко гробу приводима,
Послѣдній молитъ часъ съ потокомъ горькихъ слезъ.

Какъ, скрытое во мракъ, ей внемлетъ Провидѣнье
И часъ полуночи медлительно звучитъ;
Сопутницы ея вкушаютъ сна забвенье —
И ихъ безбрачный одръ являетъ гроба видъ.

Свѣтильники любви для нихъ не возгорятся,
Отрадъ супружества сердца ихъ не найдутъ;
Ихъ въ чадахъ красоты уже не обновятся —
И самыя мечты жилища ихъ бѣгутъ.

Суровое одной святыни обожанье
Кладетъ на лица имъ угрюмости печать,
Ихъ сердце хладное мертвѣетъ въ покаяньѣ,
Въ привычкѣ горестной отъ радостей бѣжать.

Всѣ дни проведены въ обѣтахъ ихъ пустынныхъ:
Гнѣвъ праведныхъ Небесъ на милость преклонять,
Ко Промыслу нестись хваленьемъ устъ невинныхъ,
Святой Его алтарь смиренно украшать.

О, вы, владѣющи возлюбленныхъ сердцами,
Кому веселіе въ семъ мірѣ суждено!
Не смѣйте ихъ встрѣчать съ надменными очами:
Блаженство мыслію конца отравлено.

Что вѣчно изъ даровъ здѣсь скорбныхъ и превратныхъ?
Разрушить счастіе одинъ потребенъ мигъ;
И горькая тоска о благахъ невозвратныхъ
Есть плата тяжкая, по коей цѣнимъ ихъ.

Пускай, подобно вамъ, онѣ, во взорахъ страстныхъ
Величіе своей побѣды не прочтутъ,
Не встрѣтятъ ихъ вовѣкъ — и рукъ своихъ прекрасныхъ
Въ объятья пламенной любови не простругъ.

Увы! сія краса и взоры, жизнь дающи,
Предъ грозною судьбой себя не защитятъ;
Вотще, слiясь въ одно, мольбу свою несущи,
Сердца присутствіемъ взаимнымъ жить хотятъ —

Все рушитъ алчна смерть! всѣ узы разрываетъ.
Сокровище любви и прелесть юныхъ лѣтъ.
Средь нѣгъ, иль на одрѣ страданья поражаетъ,
И мхомъ покрытый — гробъ единственный нашъ слѣдъ.

Въ часъ утра свѣтлаго и вечера въ мерцаньѣ,
Когда, вѣдомымъ вамъ сердечною тоской,
Сей безотвѣтный гробъ укажетъ вспоминанье
И слезы потекутъ на злакъ его рѣкой

Вотще, средь скорбнаго души своей порыва,
Объемля хладну персть, вы будете искать
На плачъ вашъ милаго, знакомаго отзыва,
И сердце горестнымъ обманомъ обольщать;

Вкругъ васъ единый шумъ, стрегущія гробъ ели,
И видъ знакомыхъ мѣстъ вамъ будетъ говорить,
Тогда, какъ живо все, лишь вы осиротѣли,
Лишь вашихъ благъ однихъ не можно возвратить!

Стезя сомнѣнія ко смерти отъ рожденья,
Ведетъ печальныя народовъ племена;
И если горести смѣняютъ наслажденья,
И въ нихъ безъ примѣси намъ радость не дана!

Что̀ самая любовь, сей жизни упоенье?
Восторги пламенны въ слiяніи сердецъ
Не столько сладостны, какъ страшно разлученье —
Страшнѣйшее для насъ, чѣмъ самый нашъ конецъ!

Быть можетъ, нѣкогда, къ гробницѣ сей высокой,
Когда вы, въ тишинѣ, придете здѣсь бродить,
Въ мечтанья погрузясь о долѣ одинокой,
Приникнетъ скорбна тѣнь и будетъ говорить:

«Я юную имѣлъ, во цвѣтѣ дней, подругу,
«Ее сразила смерть — послѣдню ей услугу
«Отдать я, въ горести, за гробомъ текъ ея;
«Унылый мѣди звонъ, свѣтъ тускла̀го огня,
«Мольбы, которыя вкругъ гроба простирались,
«Съ стенаніемъ друзей и съ плачемъ ихъ сливались.
«Все скорбію мой духъ исполнило тогда;
«Но что я чувствовалъ, красавицы! . . . . когда
«На первый звукъ земли, валимой тихо съ края,
«Въ глуши отозвалась обитель гробовая?» . . . .

БѢДНЫЙ ПОЭТЪ.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ЖИЛЬБЕРТА.

—

О, дней моихъ весна! куда сокрылась ты?
Едва твой слѣдъ примѣчу,
Какъ сна плѣнительна мечты,
Вотще лечу къ тебѣ — тебя вовѣкъ не встрѣчу!
Полжизни, можетъ быть, моей,
Въ себѣ ты заключила;
Но ахъ, жалѣть ли мнѣ о ней?
Восходъ моей зари ты скорбью омрачила
И скрылась отъ меня,
Какъ кроется отъ глазъ, предвѣстникъ бурна дня,
Въ туманныхъ облакахъ померкшее свѣтило!
Но блескъ отрадныхъ дней твоихъ
Еще прельщенное воображенье ловитъ.
Кто знаетъ, что̀ судьба въ грядущемъ намъ готовитъ?
Обрекши, можетъ быть, для горестей иныхъ,
О, скорбь! въ юдоли сей изгнанья,
Готовила она жестокою рукой,
Чтобъ шелъ тернистою стезей я испытанья
И силы укрѣплялъ души моей тобой!
Такъ, ты мою стезю въ семъ мірѣ начертала!
Я устъ отъ твоего не отклонялъ фіала,
Съ начала бытія тобою уловленъ;
Едва страдальческихъ пеленъ
Младенчества освободился,
Первѣйшихъ благъ земныхъ — ласкъ матери лишился

И колыбель моя явилась гробомъ ей!
Младенцемъ я позналъ условье жизни сей,
И первый мой урокъ была — ея могила!
Съ тѣхъ поръ меня, ты, скорбь, себѣ усыновила!
Лишь пылкой юности свѣтильникъ возблисталъ,
И славы призракомъ мой духъ обворожился,
Я въ слѣдъ за нею устремился —
И что жъ, безумецъ, я сыскалъ?
Несчастному о ней и мысль уже преступна;
Какъ злато хладная, ничтожная какъ дымъ,
Единой хитрости ласкательства доступна —
И чуждая сердцаиъ незлобнымъ и простымъ!....
Не устыжусь изрѣчь, что жребій всемогущій
Извелъ меня на свѣтъ среди простыя кущи,
И бѣдность лишь одну въ наслѣдье далъ отецъ.
О, скорбный мой отецъ! я слышу голосъ твой,
Родительскихъ полей почто, въ ожесточеньѣ,
Мой сынъ, забывъ меня, бѣжишь — за кѣмъ во слѣдъ?
«Ко Славѣ!» позабудь безумное стремленье,
Я дряхлъ, а ты едва по слуху знаешь свѣтъ,
Въ печальной старости останься мнѣ отрадой:
Мой день почти угасъ, живу не для меня,
И свѣтомъ слабаго колеблема огня,
Хочу свѣтить тебѣ послѣднею лампадой!
«Ко Славѣ!» если такъ, ступай! — мнѣ, въ цвѣтѣ дней,
Какъ юность пылкая зоветъ во храмъ честей,
Мнѣ далѣ не видать отеческихъ полей!
Тотъ мертвый человѣкъ, кто въ обществѣ не славенъ!

И вотъ—корабль готовъ и парусъ мой направленъ,
И въ пристани, Творецъ меня не удержалъ!
Взялъ въ руки опытъ руль — и скоро мнѣ сказалъ:
Ты менѣ чѣмъ одинъ, ты кровными оставленъ!
Для ней, для ней всѣмъ жертвовать хочу!
И Слава ль не плѣнитъ духъ прямо благородный?
Я гражданинъ, за жизнь я обществу плачу,
Вѣй вѣтеръ — и лети корабль по безднѣ водной!
Ни бурей, ни грозой,
Судьба коварная его не поглотила,
Но тайною своей рукой
Путь дерзкаго ума на влагѣ волнъ хранила!
Онъ прибылъ — онъ одинъ. — Кто вы? гдѣ вашъ отецъ? —
«Онъ живъ еще, но я, увы! теперь безроденъ!»
— Зачѣмъ? — «Полезнымъ быть?» — Права? — «я благороденъ;
— А ваше ремесло? — «*Бьджійшее* — пѣвецъ.
Таланты любятъ здѣсь, здѣсь уважаютъ знанья,
Здѣсь музамъ алтари — наукамъ здѣсь пріютъ,
Что можетъ выше быть поэтовъ достоянья?
Они безсмертіе согражданамъ даютъ;
Похитивъ отъ боговъ волшебные глаголы,
Какъ возвѣщатели величія людей,
Они передаютъ потомству блескъ царей,
Они, паря къ Творцу крылатымъ ихъ умомъ,
И долу естества проникнувши уставы,
Оправдываютъ здѣсь, жрецы ума и славы,
Ничтожность смертнаго предъ горнимъ Божествомъ;
Оракулы судебъ, таинственники Неба,

Вотще, змѣиною подъемляся главой,
Стремится зависть къ нимъ, дочь Злобы и Эреба,
Оставя для другихъ попрать ее пятой,
Завистниковъ своихъ талантъ не примѣчаетъ!
Такъ солнце, восходя на тверди голубой,
Мерцанье слабыхъ звѣздъ собою помрачаетъ.
Для Генія преградъ и не было и нѣтъ!
Смѣлѣй въ свой путь, поэтъ,
Достоинству, уму, отверзто здѣсь паренье, —
Убійственный обманъ! такъ думаете вы;
А я, въ началѣ бывъ ничтожнаго стремленья,
Не славы жертвою, но жертвою молвы,
Къ терзанью своему людей коварство зная,
Я понялъ гдѣ талантъ себѣ преграду зритъ,
Гдѣ, съ нѣжною душой, бѣжитъ отъ васъ Пиитъ—
И лира вержется навѣки умолкая!
Здѣсь Геній лишь паритъ на крыліяхъ златыхъ
И низостью одной вѣнокъ свой покупаетъ;
Поэтъ давно лишенъ за то здѣсь правъ своихъ,
Что языкомъ боговъ межъ смертными вѣщаетъ!
Прочь призракъ пагубный! прочь гласъ зовущихъ лиръ!
Угасни навсегда въ душѣ желанье Славы!
Явитесь вспять ко мнѣ, о юности забавы,
И сердца прежняго, безцѣнный, чистый миръ!
Блаженъ, стократъ блаженъ, ему кто цѣну знаетъ,
Заранѣ усмиря страстей своихъ порывъ.
Кто въ отческомъ дому живетъ, себя сокрывъ:
Цвѣтъ юности его не рано опадаетъ,
И радость, спутница на жизненномъ пути,
Не скоро чувствовать даетъ ему измѣну;

Годичны времена, въ свою урочну смѣну,
Какъ дань спѣшатъ ему плоды свои нести,
Доволенъ онъ во всемъ, въ снѣ самомъ несмущенный
Ужасной мыслію, что въ нашъ кичливый вѣкъ,
На лоно матери возможетъ человѣкъ,
Подъ игомъ бѣдъ упасть, ни кѣмъ не подкрѣпленный!
О, сколько счастливъ онъ, когда хранитъ отецъ
И мать, въ закатѣ дней, его златые годы;
Коль, чувствъ небесныхъ рай, о, верхъ даровъ природы!
Коль самая любовь хранитъ его покой
Въ прелестномъ образѣ подруги молодой!
Съ какимъ восторгомъ зритъ, по краткомъ разлученьѣ,
Свиданья сладкаго ея предупрежденье,
Счастливыя любви, благословенный плодъ!
Старѣйшихъ чадъ она къ нему тутъ правитъ ходъ,
И, младшаго неся, идетъ по скатамъ схода,
Прекрасна, какъ сама весенняя природа!
Все, все, что́ смертнымъ далъ блаженнаго Творецъ,
Обилье, тишина, веселіе сердецъ,
Невозмутимый кровъ и счастья полно ложе....
Ихъ взоры встрѣтились, о, скрой Великій Боже!
Сей видъ разительный для горести моей!
Но если бы судьба еще ко мнѣ смягчилась
И ярость злыхъ сердецъ на время утомилась,
Я могъ бы славенъ быть хоть смѣлостью своей!
Такъ, гордые враги! въ моихъ цвѣтущихъ лѣтахъ,

Я многое у васъ похитить бы умѣлъ;
Неукротимый левъ, застигнутый въ тенетахъ,
Воспомнивъ, разъярясь, свободу — свой удѣлъ,
Сверкая на ловцовъ грозящими очами,
Терзаетъ гнусну вервь — и гордыми стопами
Идетъ, царемъ лѣсовъ, въ которыхъ плѣнъ позналъ!....
Но что въ мечтаніяхъ напрасныхъ я вѣщалъ?
Прости, родитель мой! надъ бездною готовой
Еще пророческій мнѣ слышится твой гласъ;
Малѣйшей вѣтвію я льстилъ себя лавровой —
И та отъемлется въ послѣдній, грозный часъ!
Со вздохомъ факелъ свой надежда погашаетъ!
Мой духъ, какъ дымъ его, мгновенно отлетитъ;
Страданье гроба верхъ предъ мною подымаетъ —
И взоръ, твой даже взоръ, его не отличитъ!
Такъ путникъ, изнуренъ, подъ бременемъ ужаснымъ,
Одинъ, среди лѣсовъ въ глухой полночной тмѣ,
О помощи зоветъ моленіемъ напраснымъ
И стонъ передаетъ единой тишинѣ.
Я зрю его: онъ палъ, превозможенный рокомъ,
Вотще, съ отчаяньемъ ужаснымъ на челѣ,
Онъ Небо укорять дерзаетъ скорбнымъ окомъ,
И — смертью пригвожденъ безжалостной къ землѣ.
А ты, которой я, подъ игомъ скорби лютой,
О, дружба, мой кумиръ! всѣмъ жертвовалъ собой,
Гдѣ ты, жестокая? пожертвуй мнѣ минутой —
Одръ смерти есть алтарь для дружества святой!....

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

—

Жизни бурной средь теченья
Много встрѣтилъ я въ пути;
Встрѣтилъ *Радость* — и мгновенья
Не успѣлъ я съ ней пройти;
Оглянулся: прочь отъ взора!
Не оставивъ и слѣда;
Призракъ милый! такъ ли скоро?
И ужъ слышу: навсегда!

Усладить ея разлуку
Дружба манитъ въ свѣтлый храмъ:
Въ путь-дорогу! дай мнѣ руку,
Что ни будетъ — пополамъ!
Что мнѣ въ долѣ одинокой?
Вотъ рука — и посохъ данъ,
Но лишь шагъ — и вождь жестокой
Злобно шепчетъ: я обманъ!

Зрю, зоветъ богиня *Славы:*
Въ слѣдъ иди моимъ сынамъ!
И фіалъ своей отравы
Поднесла къ моимъ устамъ!
За нее, въ ожесточеньѣ,
Я въ бою враговъ разилъ;
Но въ душѣ одно мученье
И съ побѣдой выносилъ;

Жаждой вѣчною томимой,
Я бѣжалъ ея знаменъ;

Для души ненасытимой,
Слава! твой ужасенъ плѣнъ;
Пусть другой кто, ослѣпленный,
Пусть въ тебѣ свой видитъ рай;
Блага мира мнѣ безцѣнны,
Наслажденье мнѣ отдай!

Смертный! здѣсь пріютъ покою —
Къ счастью сердце уготовь!
Такъ, обнявшись съ *Красотою*,
Говорила мнѣ *Любовь*;
Я забылся — сонъ минуты!
И лишь помнилъ что любилъ,
Чтобъ родить мученья люты
Онъ душѣ моей польстилъ!

И пути ужъ часть большая
Простирается за мной,
Кто же спутники до края?
Кто товарищъ вѣрный мой?
Ты, надъ рокомъ вождь побѣдный,
И незнающій утратъ;
Неизмѣнный и послѣдній
До могилы тѣсныхъ вратъ;

Жизнь и изнуренье силѣ,
И цѣлитель и недугъ,
Кѣмъ, какъ золото въ горнилѣ,
Возвышается нашъ духъ;
Терны жизни въ сокрушеньѣ,
Попирающій путемъ;

Кто преткнется, о *Терпѣнье*!
Укрѣпясь твоимъ жезломъ?

И другой, еще жесточе,
Испытующій сердца,
Что избравъ стезю короче
Насъ доводитъ до конца,
Сердцу узы всѣ потребны
Пренеся въ другой предѣлъ —
Безотрадный, но цѣлебный
Одиночества удѣлъ.

МЫСЛИ ПРИ ГРОБѢ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО.

Въ Апрѣлѣ 1813.

Какъ изумленный свѣтъ дѣламъ твоимъ дивился —
И духъ унывшія Европы оживалъ,
Россъ, видя образъ твой, въ веселіи гордился
И, избавителя, тебя благословлялъ;
Когда всеобщій слухъ тобою былъ плѣняемъ,
Цари завидовать могли твоей судьбѣ;
Кутузовъ! твой ли гробъ въ печали мы срѣтаемъ?
Такое ль торжество готовили тебѣ?
Восторговъ нашихъ гласъ въ плачъ тяжкій превратился;
Гдѣ ты, спасеніе, надежда Россіянъ?
Лишь славу ихъ вознесъ — и въ вѣчности сокрылся —

Такъ солнце отъ очей скрываетъ океанъ.
Кто нынѣ поведетъ полки осиротѣлы?
Кто мужествомъ враговъ заставитъ трепетать?
Кто будетъ защищать Отечества предѣлы?
Кому спасать царей и царства возставлять?
Увы! тебя ужъ нѣтъ! пусть рокъ ожесточенный,
Въ отраду намъ тебя безсмертіемъ даритъ,
Пусть слава временамъ твой кажетъ гробъ священный,
Въ немъ Славы нашихъ дней залогъ уже сокрытъ;
Какой Россіи сынъ удержитъ слезъ теченье?
Не есть ли торжество врагамъ твой гробъ одинъ?
Усердіе къ тебѣ вмѣнится ль въ изступленье?
Здѣсь пишетъ не Поэтъ — здѣсь плачетъ Гражданинъ.
Соотчичамъ твоимъ отрада лишь едина,
Что громъ твоихъ побѣдъ всю вѣчность обтечетъ,
Что ихъ Отечество въ тебѣ имѣло сына:
Во славѣ лишь сыновъ Отечество живетъ.

НА МОДНЫХЪ БОЛТУНОВЪ.

(Подражаніе Виже; сатира четвертая.)

Клитъ! Вздоркинъ! Пустословъ! дадутъ ли мнѣ покой?
Лишь этотъ отъ меня, а тотъ ужъ предо мной!
Клевещетъ, лжетъ, бранитъ, а я предъ нимъ ни слова,

Со скуки умереть душа моя готова;
Разскащикъ мелочной ничтожныхъ новостей,
По волѣ скачущій терзать собой людей,
Въ комъ вѣчно дѣйствуетъ языкъ велерѣчивый!
Что нужды мнѣ, что «Фирсъ вступаетъ въ бракъ счастливый,
«Тотъ умеръ, тотъ расторгъ супружескій союзъ»....
За диво выдаетъ!....тогда лишь я дивлюсь,
Коль, ставя тяжкому мученію преграду,
Онъ, сжалясь, замолчитъ, ушамъ моимъ въ отраду,
И дастъ спокойно мнѣ, прослушавъ скучный вздоръ,
Вздохнуть — и устремить на небо скорбный взоръ!
«Покражею стиховъ, ничтожныхъ силъ въ замѣну,
«Тамъ *Глупов* на подрядъ дурачитъ Мельпомену,
«Тамъ шутъ на площади, привыкшій чернь смѣшить,
«Судьею посаженъ дѣла ея рѣшить;
«Тамъ жалкій рабъ страстей, *Развратин* вянетъ въ цвѣтѣ»....
Довольно и того, что есть они на свѣтѣ!
Свѣтъ вѣчно будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ онъ искони.
Иль мало, что со мной встрѣчаются они?
Злорѣчіе въ устахъ единаго порока;
Правдивый мужъ скорбитъ, но тихо, безъ упрёка.
Коль слабостей людскихъ нельзя намъ истребить,
Нелучше ль во сто кратъ умѣть ихъ извинить?
Нѣтъ, вы опять свое: «Зачѣмъ тотъ знатенъ, пышенъ,

Тотъ слишкомъ скроменъ, тихъ, а тотъ въ хва-
лахъ излишенъ,
И ползаетъ въ пыли у княжескихъ дверей»....
Нелучше ль, чѣмъ судить, вамъ научать людей,
Чѣмъ порицать кого въ пренебреженьи вѣры,
Вамъ благочестія подать ему примѣры,
И первымъ перестать, пришедши въ храмъ святой,
Окинувши народъ, собравшійся толпой,
Ловить своихъ Лаисъ завистливые взоры,
Иль громко выхвалять ихъ модные уборы,
Взглядъ дерзкій на красу невинную кидать,
Смиренье бѣдности почтенной презирать,
Молебный старца ликъ, съ рукой въ боляхъ увѣч-
ной,
Встрѣчать съ холодностью души безчеловѣчной?
Судить не мудрено — примѣромъ трудно быть.
Славнѣй, отринувъ брань, невѣжеству простить,
Чѣмъ, слабость въ комъ нашедъ и ставъ его судьею,
Лишь съ тѣмъ, чтобъ уязвить, ползти за нимъ
змѣею,
Винить какъ мудрецу, какъ злобному ругать,
И собственный порокъ злословьемъ обличать;
На трудъ художника взирать съ пренебреженьемъ,
Уничижать его единымъ мановеньемъ;
Съ лицемъ безсмысленнымъ, на коемъ лишь одни,
Изжитые въ цѣпяхъ разврата видны дни,
Хулить твореніе, вѣнчанное отъ свѣта —
И хладной убивать улыбкою поэта!
Съ душею ноющей подъ бременемъ страстей,
Въ личинѣ мудреца казаться всѣхъ умнѣй,
Въ личинѣ, кою я безтрепетно срываю,

И Мидаса подъ ней со смѣхомъ открываю!....
Къ чему вы тратите ничтожныя слова?
Оставьте лучше свѣтъ, какимъ онъ былъ сперва;
Повѣрьте, скучные врали и пустомѣли,
Что съ вашей брани въ немъ глупцы не поумнѣли,
Что такъ же плутъ хитритъ, коверкается льстецъ,
И съ наглостью вездѣ является подлецъ!
Увы, я часто самъ свидѣтель былъ сему!
Но надобно ли мстить злорѣчіемъ всему?
Нѣтъ, мстите лучше вы не злобой, не презрѣньемъ,
Но бѣднымъ помощью, но сирыхъ заступленьемъ.
Полезно ль для меня въ безпечности отдать
Другому — общій долгъ несчастнымъ сострадать?
Пусть онъ закона стражъ — я точный исполнитель;
Пусть будетъ онъ судья — но я благотворитель,
Присвоимъ то себѣ, что можетъ быть, другимъ,
Какъ должность случаемъ приписано слѣпымъ,
Потщимся, отложивъ сужденія пустыя,
Чтобъ прямо показать намѣренья благія,
Удерживать языкъ, примѣръ давать собой,
Быть дѣломъ добрыми, не словомъ, не молвой.

СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ БАЛА, БЫВШАГО ВЪ МОСКОВСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ ПО СЛУЧАЮ ПРИБЫТІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ СЮ СТОЛИЦУ ПО ЕЯ РАЗОРЕНІИ.

Любовію Монархъ связуется съ народомъ!
Москва тому примѣръ коль славны въ ней они;

Тиранъ сожегъ — а ты, нашъ Царь! однимъ приходомъ
И пепелъ засвѣтилъ въ торжественны огни!

Владычества другихъ пусть страшными слѣдами
Останутся пожаръ, развалины и кровь;
Ты скипетромъ своимъ равняешься съ богами —
Вѣнецъ тебѣ плететъ всеобщая любовь.

Дивишься ль, посреди народныхъ восхищеній,
Что съ жадностью спѣшатъ встрѣчать Твой каждый шагъ?
Жизнь добраго Царя — есть счастье поколѣній!
И взоръ на образъ Твой — порука нашихъ благъ!

Зри очи всѣхъ къ Тебѣ съ восторгомъ устремленны,
И полны всѣхъ уста единою молвой;
Здѣсь камни самые навѣкъ запечатлѣнны
Ко трону Твоему любовію святой —

На каждомъ шагѣ здѣсь величія примѣры
О предкахъ возвѣстятъ изъ рода въ родъ сынамъ,
Героевъ колыбель, Москва — обитель Вѣры —
И вѣчный образецъ усердія къ Царямъ.

НА КОНЧИНУ ДЕРЖАВИНА.

Элегія.

He wasaman, take him for all in all
We shal nof look upon his like again.
Шекспиръ.

О комъ, зрю, Хариты и Музы въ печали,
О комъ умоляютъ власть грозныхъ Судебъ?
Но тщетно — на урну взывая припали:
Ты скрылся, Державинъ! — ты скрылся, нашъ Ѳебъ!

И гласъ ихъ не слышитъ ужъ сердце Поэта!
Цѣвницы во прахѣ — нѣтъ жизни въ струнахъ....
О, Бардъ! и на лиру, плѣнявшу полсвѣта,
На лиру ль Безсмертья сей падаетъ прахъ?

Гдѣ жъ Вѣчность и Слава, о коихъ повѣдалъ
И двигалъ къ нимъ сердце Героевъ, Царей?
Кому, Пѣснопѣвецъ, кому ты передалъ
Небесный твой пламень, другой Прометей?

Увы, все въ подлунной на мигъ лишь создано!
Кичливости смертныхъ повсюду урокъ;
Нетлѣнный твой вижу, злой смертью сорванной,
На гробны ступени катится вѣнокъ....

Вѣнокъ, кѣмъ безсмертна Россіи Царица?
Что Слава сплетала тобою гордясь?

Нѣтъ, Бардъ нашъ единый! прахъ скрыла гробница —
Но вѣчность надъ нею съ тобой обнялась!

И, въ нѣдра пріемля гробъ славнаго праха,
Обитель истлѣнья святится земля;
Внявъ гласъ твой, о, Геній! со смертью, безъ страха,
Сойдусь — и за гробомъ увижу тебя:

Въ сіяньи небесномъ, гдѣ днесь, Пѣснопѣвецъ,
Ты вновь предъ Фелицей — Царей образцомъ —
И Сѣвера витязь, Ея громовержецъ,
Склоняетъ при встрѣчѣ пернатый шеломъ —

Сіяй между ними, отъ Музъ похищенный,
На слѣдъ твой взираю я съ завистью днесь —
И скорбью къ могилѣ несу отягченный,
Всё, что̀ лишь имѣю: — и слезы и пѣснь!

Тамъ, мнится, твой Геній гласитъ отлетая:
Что пѣть мнѣ: Царицы единственной нѣтъ!
Отчизна вѣщаетъ твой гробъ обнимая:
Съ величьемъ народа родится поэтъ.

Какъ дни исчезаютъ и смертныхъ такъ племя,
Гробницей великихъ ихъ слѣдъ познаю;
Твой памятникъ видя, зрю, самое время
Склонилось недвижно на косу свою;

Твой путь былъ ко славѣ усыпанъ цвѣтами,
Особая участь счастливцу дана;

Ты пѣлъ, окруженный безсмертья сынами:
По отзывамъ Лиры цѣнятъ времена.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ПЛѢННИКИ.

РОМАНСЪ, ПОЧЕРПНУТЫЙ ИЗЪ ПРОИСШЕСТВІЙ 1813 ГОДА.

Кровавой битвы часъ ужасный,
Какъ грозно жребій мой рѣшенъ!
Я живъ остался — и напрасно
Мой мечъ побѣдой изощренъ!

Вотще со мной орудье мести!
Вотще внимаю брани гласъ,
Разивъ враговъ на полѣ чести
Отъ плѣна мечъ меня не спасъ! —

Поверженъ, язвами покрытый,
Не смерти жертва, но враговъ,
Добыча брани знаменитой
Позналъ Оскольдъ позоръ оковъ;

Герой! гдѣ твой булатъ разящій,
Гдѣ пылъ къ сраженью, страхъ врагамъ,
Твой кликъ, побѣдѣ предлетящій,
Оракулъ грозный ихъ сердцамъ?

Далеко родины священной,
Далеко кровныхъ и друзей;

За храбрость — мракъ тюрьмы презрѣнной;
За кликъ побѣдный — звукъ цѣпей.

На дикомъ берегѣ Луары,
Въ ужасной башнѣ вышиной,
Враги его повергли яры
Подъ стражей дневной и ночной.

Чѣмъ болѣ витязь былъ опасенъ,
Тѣсняся съ смертью въ рядъ враговъ,
Тѣмъ болѣ плѣнъ его ужасенъ
И гибельный конецъ готовъ!

Одинъ, прискорбенъ, въ думѣ смутной —
И взоръ его къ землѣ простертъ;
Онъ смерти ждетъ ежеминутно
И каждую минуту твердъ.

Какъ вдругъ .... о, скорбно утѣшенье!
Свѣтъ озарилъ темничну тму!
Ведутъ — — «одно имъ заточенье
И участь та же, что ему!

«Они — погибель нашихъ ратей,
Гроза рушительна въ бою,
На нихъ видна кровь нашихъ братій,
На нихъ насытимъ месть свою!

Нѣтъ, нѣтъ, пусть прежде изготовимъ
Достойное отмщенье имъ,
Страданья каждый вздохъ изловимъ —
И казнью страшной умертвимъ!»

Краса станицъ, щитъ странъ полнощныхъ,
Возросшихъ средь донскихъ степей,
Быстролетучихъ, храбрыхъ, мощныхъ,
Оскольдъ зритъ ближнихъ и друзей:

«Тамъ брань, они гласятъ, кровава,
Отчизны въ славу возжена;
А намъ, намъ измѣнила слава —
Лишь честь осталася вѣрна!

Погибнемъ, коль погибнуть должно,
Насъ близитъ къ смерти каждый мигъ!
Почто, отечество, не можно
Вновь биться намъ въ рядахъ твоихъ?

Проходятъ дни — проходятъ ночи —
Несчастныхъ жертвъ внимая стонъ;
И утомленныя ихъ очи
Отрадный не смыкаетъ сонъ.

Въ душѣ отмщеніе пылаетъ,
Снѣдаетъ сердце ихъ тоска;
И, безоружная, не знаетъ
Путей отчаянья рука.

Вдругъ ночи въ мракъ, дверей затворы
Отверзлись, страшно заскрипѣвъ.
«Часъ смерти,» — и смущенны взоры
Срѣтаютъ дѣву — прелесть дѣвъ.

Какъ ангелъ Божій утѣшитель,
Низпосланный съ небесъ благихъ,

Отъ узъ земныхъ освободитель,
Она является для нихъ.

Кто красоту ея опишетъ?
Какъ роза цвѣтъ ея ланитъ,
Въ груди огнь любови дышетъ
И взоръ отважностью горитъ.

«О, Витязи! рекла, спасайтесь,
Минута смерти сочтена;
Вотъ ключъ, одежда, все: скрывайтесь!
А я за васъ умру одна!

Темницы страшной сей хранитель,
Похитилъ счастье дней моихъ,
И хищникъ сей.... есть мой родитель!
Имъ преданъ казни мой женихъ!....»

Смущенныхъ ихъ, въ благодареньѣ,
Выводитъ смѣло за собой:
«Здѣсь вамъ, о, Витязи! спасенье —
А мнѣ во глубинѣ рѣчной!

«О, погаси, пучина яра!
Огонь, пылающій во мнѣ!.....» —
И, съ шумной пѣною, Луара
Ее скрываетъ въ глубинѣ.

НАДПИСИ.

Къ Императорскому Воспитательному Дому.

Несчастнымъ сиротамъ, безъ племени и рода,
Которыхъ, въ слѣпотѣ, отвергнула Природа,
Екатерина здѣсь и жизнь и свѣтъ дала —
И въ благости своей Природу превзошла.

Къ бюсту И. И. Дмитріева.

Храню я образъ твой, любимецъ Музъ и Славы,
Чтобъ быть увѣреннымъ безсмертія въ судьбѣ;
Отечество подъ нимъ, зрю, пишетъ о тебѣ:
Краса моихъ Пѣвцовъ и перлъ моей Державы!

Къ портрету А. А. Прокоповича-Антонскаго.

Написано по случаю пожалованія его въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Не почестей однихъ и не наградъ стяжанья
Онъ въ ревностномъ къ добру стремленіи искалъ;
Но счастья согражданъ съ ихъ юныхъ дней желалъ,
И вѣкъ свой посвятилъ для ихъ образованья!

Къ портрету графа Витгенштейна.

Перунъ нечаянный полночныя Державы!
И Петрополя щитъ — и щитъ Россіи всей:
Онъ первый двадесять языкъ вождя вождей
Смирилъ — и на челѣ потрясъ вѣнецъ кровавый!

В. А. Жуковскаго,

Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ.

Герои Сѣвера! *спасенья* въ славный годъ
Вы увѣнчалися нетлѣнными вѣнками;
Сей образъ васъ во храмъ Безсмертія ведётъ —
И будетъ говорить съ вѣками.

ЭПИТАФІИ.

Князю Кутузову-Смоленскому.

Падн предъ гробомъ симъ Россіи сынъ и Феба!
Не смертный погребенъ — здѣсь скрытъ посланникъ Неба!

Н. А. З.

Здѣсь юноша лежитъ, увядшій въ цвѣтѣ вѣка:
Въ немъ духъ былъ Ангела — но страсти Человѣка.

П. А. НИКОЛЬСКОМУ.

НА ЕГО ИМЯНИНЫ.

Мнѣ явился свѣтлый Геній
Въ юномъ образѣ твоемъ:
Другъ веселый пѣснопѣній,
Вмѣстѣ дружбу воспоемъ!
Онъ сказалъ — и лиру въ руки
Мнѣ, съ усмѣшкою, подалъ:
Съ струнъ посыпалися звуки,
Духъ восторгомъ воспылалъ;
Дружба жаръ въ груди питала,
Дружба строила мой гласъ;
Дружба громко восплескала
Улыбаяся межъ насъ;
Съ ней веселья и Хариты,
Нѣжны спутники ея,
Вѣчно розами увиты,
Восплясали вкругъ меня,
И сама угрюма старость,
Обновивъ предъ ними ликъ,
Пусть, вѣщала, вашу младость

Краситъ радости языкъ!
Мудрость кроткій взоръ низводитъ,
Видя дружбы сладкій смѣхъ;
Сколь блаженъ кто дни проводитъ
Для однихъ, речетъ, утѣхъ!....
О, безцѣнный сердцу геній,
Въ видѣ друга низлетай,
Ты въ замѣну вдохновеній,
И восторгомъ грудь питай!
Что здѣсь вѣчно? — лишь родился:
Сумракъ жизни наступилъ;
Кто всѣхъ болѣ веселился,
Тотъ всѣхъ долѣ въ мірѣ жилъ.
На минуту намъ едину —
Жизнь дана Судьбы рукой: —
Пусть живемъ мы половину,
Но съ прямой ея цѣной!
Утро — Мудрости и Славѣ,
Дружбѣ — отдыхи свои;
Вечеръ — Вакху, ночь — забавѣ
И объятіямъ любви!
Жизни часъ невозвратимой
Такъ устроивъ межъ собой,
Проведемъ ее незримо,
Какъ пріятный праздникъ твой.

КЪ НЕЕРѢ.

(Элегія изъ Тибулла).

—

Предъ украшенными почто я алтарями,
Неера, возжигалъ куренія богамъ,
И ихъ безплодными обременялъ мольбами —
Коль ты не предстаешь Тибулловымъ очамъ?
Не требовалъ отъ нихъ чертоговъ я огромныхъ,
Ни стадъ безчисленныхъ, ни злата, ни честей,
Нееры лишь взывалъ въ моихъ желаньяхъ скромных,
И жизни долгія дерзалъ молить при ней!
Къ чему послужитъ мнѣ богатство безполезно,
Безчисленны стада, бродящи по лугамъ?
Съ тобой, Неера, мнѣ убожество любезно!
Пусть въ бѣдности сойду я Леты къ берегамъ.
Что въ тучныхъ мнѣ стадахъ, что̀ въ благости Цереры?
Въ семъ златѣ, что̀ земля, во глубинѣ своей,
Вотще хотѣла скрыть отъ алчности людей?
Что̀ всѣ сокровища Тибуллу безъ Нееры?
Не нужны для него ни зданія богаты,
Фригійски мраморы, сидонское руно,
Они не отвратятъ полки заботъ крылаты;
Спокойствіе души съ богатствомъ не дано!
Другъ сердца моего! единаго мгновенья
Восторговъ нашихъ я отдать не соглашусь
За всѣ премѣнчивой Фортуны обольщенья —
И самой безъ тебя короны отрекусь! —

О, боги, вы обѣтъ внемлите мой смиренный:
Пусть, блеска, пышности и всѣхъ даровъ лишенный,
Я въ хижинѣ отцевъ, древесъ родныхъ въ тѣни,
Съ Неерой дни веду — съ Неерой кончу дни!
О, дщерь Сатурнова! внемли мои моленья,
И ты, прелестная Киприда, къ нимъ склонись,
Съ эѳирной высоты небеснаго селенья
На крыльяхъ голубицъ въ блистаніи снесись,
Отдай души моей дражайшу половину,
И съ свѣтомъ утреннимъ, и съ позднею зарей,
Я буду чествовать тебя, мою Богиню,
Обильной жертвою средь отческихъ полей.
Когда же Парки мнѣ, согбенныя лѣтами,
Три грозныя сестры, что̀ смертныхъ жизнь блюдутъ,
Нить дней моихъ прядя изсохшими перстами,
Свиданья сладкаго сего не прорекутъ:
Сошли меня тогда во пропасти подземны,
Гдѣ тѣни блѣдныя, гдѣ Фуріи однѣ,
Въ обители свои меня пріемля темны,
Пришельцу новому возрадуются мнѣ.

МАДРИГАЛЫ.

Въ альбомъ А. Н. Ф.

Пусть будетъ вашъ альбомъ счастливѣйшимъ друзьямъ
Завидное о нихъ сулитъ воспоминанье:

Я буду счастливъ тѣмъ, коль онъ напомнитъ вамъ,
Что ваше выполнилъ въ минуту я желанье.

2.

Когда бъ всесильнымъ быть природа мнѣ судила:
Я бъ одарилъ тебя любезностью, умомъ,
Душъ нѣжныхъ свойствами, плѣнительнымъ лицомъ;
Но, мудрая, она меня предупредила.

ПРОЩАНЬЕ КАЗАКА.

Съ нѣжнымъ вѣрности обѣтомъ
Обойми меня, мой другъ,
Я заутра, дня съ разсвѣтомъ,
Покидаю мирный лугъ!

Во своемъ гордясь убранствѣ,
Быстрый конь мой, вороной,
Землю бьетъ въ непостоянствѣ
И зоветъ летѣть на бой!

Опѣненными браздами
Онъ звучащій, въ чуждый край,
Понесетъ на брань съ врагами,
Съ Дона мигомъ на Дунай!

Тамъ калены вражьи стрѣлы,
Крови жаждущій булатъ,
Тамъ невѣрныхъ странъ предѣлы
Смертью страшной мнѣ грозятъ!

Тамъ слетится съ сопостатомъ
Силъ извѣдать твой Донецъ,
На конѣ своемъ крылатомъ
Встрѣтить славу иль конецъ!

НА ЖЕНИТЬБУ ВЪ БОЛЬШОМЪ СВѢТѢ.

(Подражаніе Ювеналу и Буало; сатира пятая).

Наскучивъ жить одинъ и въ суетѣ и въ горѣ,
Дамонъ, пронесся слухъ: ты въ бракъ вступаешь вскорѣ,
И тысячи уже съ невѣстой сочтены:
Порука вѣрная въ достоинствахъ жены!
«Давно ты говоришь, я, въ участи жестокой,
Желалъ избавиться отъ жизни одинокой,
Встрѣчать вокругъ себя лишь лица скучныхъ слугъ —
Всегда, вездѣ одинъ — мнѣ нуженъ нѣжный другъ,
Полсердца празднаго что̀ занялъ бы собою;
На свѣтъ къ супружеству мы созданы судьбою —
И жалокъ, кто бѣжитъ его во цвѣтѣ дней!
Несчастнѣй — истинно — не вижу тѣхъ людей,
Которые живутъ подъ старость холостыми,

И участи страшусь я одинакой съ ними:
Дряхлѣть безъ помощи и ждать лишь съ каждымъ днемъ,
Чтобы наслѣдниковъ обрадовать концомъ,
И, можетъ быть, еще — примѣръ въ томъ не единой —
Отъ нихъ же умеретъ безвременной кончиной!—
Нѣтъ, нѣтъ! Природы мнѣ законъ всего святѣй;
Хочу имѣть жену и милыхъ мнѣ дѣтей:
Въ семействѣ лишь пріютъ сердечнаго покоя!...»
Такъ въ пору бъ говорить съ церковнаго налоя,
И лучше убѣдить, Дамонъ, на этотъ счетъ
Краснорѣчивый самъ не могъ бы Боссюэтъ.
Кто споритъ въ томъ — ни что не можетъ здѣсь сравниться
Съ блаженствомъ — жребіемъ съ подругою дѣлиться
И видѣть вкругъ себя малютокъ рѣзвыхъ сонмъ,
Которыхъ въ торжествѣ мечтаешь быть отцомъ,
Ихъ ласки, суету, домашнихъ уваженье,
И обморокъ жены при маломъ огорченьѣ!
Но вспомнилъ ли и то, счастливецъ изъ мужей,
Что также горести имѣетъ Гименей,
И что онъ, въ наши дни, не стражъ уже любови...
Но что̀? я началъ лишь, а ты ужъ хмуришь брови
И мнѣ наперекоръ съ досадой говоришь:
«Ты такъ же, какъ и свѣтъ, во всемъ лишь худо зришь;
Но еслибъ зналъ кого въ невѣстѣ обожаю,
То воспитаніе, тѣ чувства....» — Понимаю

И всѣ достоинства даю охотно ей —
Пусть будетъ честь невѣстъ и зависть матерей;
Положимъ, что тобой избранная супруга
Въ ученіи добра не вѣдала досуга,
Какъ ангелъ, дышетъ лишь невинностью одной —
Но кто увѣренъ въ томъ, чтобъ, съ пылкою душой,
Начавъ съ тобою жить средь нѣгъ и обольщеній,
Невинность бы ея спаслась отъ преткновеній,
Явившись въ этотъ свѣтъ, на сей театръ чудесъ,
Съ какими взорами твой ангелъ сей небесъ;
Со всею нѣжностью и непорочнымъ чувствомъ
Плѣнится зрѣлища волшебнаго искусствомъ —
Узритъ героевъ сихъ, которыхъ нѣжный гласъ
О сладостяхъ любви твердитъ намъ цѣлый часъ,
Роландовъ яростныхъ, Ренальдовъ сихъ прелестныхъ;
Услышитъ о вещахъ, еще ей неизвѣстныхъ,
Услышитъ, что любви все то, что̀ свято есть,
Какъ вышню божеству на жертву должно несть,
Всѣ скромны правила столь въ операхъ знакомы,
Которы разожгутъ оркестра звучны громы....
Какимъ движеніемъ, въ душѣ воспалена,
Ты думаешь, тогда исполнится она?
Ручаться можно ли, что, возвратясь смущенна,
Армидъ и Ангеликъ въ слѣдъ славный устремленна,
Отважно не начнетъ твердить уроки ихъ?
Къ развратy женщины одинъ потребенъ мигъ.
Но пусть въ семъ случаѣ она не измѣнится
И робкій стыдъ ея соблазномъ оскорбится —

Одинъ ли страхъ? Вступя въ блестящій свѣта
кругъ,
Куда ее введетъ гордящійся супругъ,
Гдѣ окружатъ ее ласкатели болтливы,
Прельстители сердецъ, въ успѣхахъ столь счастливы,
Безмолвна и тверда, подобяся скалѣ,
Она ль безчувственна къ ихъ будетъ похвалѣ?
Сперва, изподтишка, то взоромъ, то словами,
Ихъ отличитъ, назвавъ домашними друзьями;
А тамъ, Дамонъ, а тамъ?.... Жоконда ужъ не
раз,
Краснѣяся скажу, мы видѣли у насъ!
Честь съ непреступною той крутизной сравнится,
Съ которой низойдя не можно возвратиться.
Быть можетъ, не пройдетъ супружества двухъ
лѣтъ,
Какъ страстная мѣнять любви своей предметъ,
Открыто принимать она друзей ихъ станетъ —
И цвѣтъ стыда навѣкъ въ лицѣ ея увянетъ!
Въ порывахъ пламенныхъ порочныя любви,
Ничто не утолитъ кипящей въ ней крови:
Тогда, неистовой подобясь Мессалинѣ,
Что съ ложа Цесарей разврата шла къ пучинѣ —
Въ рядъ гнусныхъ ставъ рабынь, забывъ и санъ
и дворъ,
Позора на слѣдахъ, являла вновь позоръ,
Предавшись слабости, и ею вновь борима,
Не разъ утомлена, но вѣкъ ненасытима....
Счастливъ, когда въ стыдѣ, не кроясь отъ людей,
Дастъ средство, чтобъ тебѣ избавится отъ ней!

Но что съ тобой тогда, коль болѣе жестока,
Любя одинъ соблазнъ и блескъ одинъ порока,
Не столько для себя, какъ чтобъ тебя терзать,
Кокетству своему границъ не будетъ знать?
Въ дому твоемъ, скажи, радѣющій ко благу,
Какъ встрѣтишь волокитъ ты шумную ватагу?
Для всѣхъ услужливый и ласковый пріемъ,
Лишь только ты одинъ несносенъ ей во всемъ:
Тотъ словомъ заплаченъ, а этотъ купленъ взгля-
домъ;
Для нихъ у ней прошло все утро за нарядомъ,
И грудь прелестная, съ стыдливостью борясь,
Вся дышетъ нѣгою, въ покровахъ не таясь;
Для нихъ искусная рука ея, въ терпѣньѣ,
Красивое волосъ устроила паденье....
Къ ней въ спальню бѣдный мужъ не каждый
часъ входи,
Съ терпѣніемъ минутъ благопріятныхъ жди —
И скроменъ будь, не смѣй, при всѣхъ словахъ
учтивыхъ,
Ей нѣжно упрекать въ издержкахъ прихотли-
выхъ,
Чтобъ страшныхъ не слыхать упрековъ, бран-
ныхъ словъ,
Радъ будешь жертвовать наслѣдіемъ отцовъ;
И можно ли, скажи, встрѣчать когда съ укоромъ
Наклонность въ женщинѣ невинную къ убором?
При всемъ роскошествѣ ее возможно снесть:
Ей скоро въ нищету нельзя еще привесть.
Другой, другой есть страхъ!... Что будешь ты,
несчастный,

Какъ демонъ злой игры вдохнетъ ей огнь ужасный?
Готовься ты ее, за карточнымъ столомъ,
Увидѣть заняту симъ важнымъ ремесломъ,
Какъ поприще она откроетъ новой славы
И игры всѣ отъ ней возьмутъ себѣ уставы;
Готовься видѣть ты, какъ нѣжная жена,
Почтенныхъ игроковъ толпой окружена....
. . . . . .
Но мнѣ опять гремитъ твое опроверженье:
«Ея небесный нравъ, любезность, просвѣщенье...»
Все помню; но, Дамонъ! живъ въ свѣтѣ межъ семей,
Сихъ кроткихъ ангеловъ до брачныхъ алтарей,
Не видѣлъ ли потомъ, чрезъ годъ или и менѣ,
На пагубу мужьямъ въ ужасной перемѣнѣ,
Какъ ихъ могучій гнѣвъ въ минуту обратитъ
Храмъ мирныя любви въ жилище Эвменидъ?
Какъ нѣжность ихъ въ словахъ, и вкусу должны дани,
Все увлекается потокомъ страшной брани?
. . . . . И тутъ-то намъ, Дамонъ,
Есть случай кое-чѣмъ пополнить лексиконъ!
Но что, когда еще отъ страсти, иль досуда,
Захочетъ въ вѣрности испытывать супруга?
Тутъ слово каждое являетъ смыслъ двойной;
Тамъ твой веселый видъ ей кажетъ знакъ худой:
Зачѣмъ ты вѣчно съ ней — иль, встрѣтясь по разлукѣ,
Такъ приближаешься задумчивъ, будто въ скукѣ,
И, будучи отецъ ужъ взрослымъ дочерямъ,
Не падаешь, актеръ, въ любви къ ея ногамъ!

Иль, ада самаго достойное мученье,
Какъ тайное къ ней въ грудь вселится подо-
зрѣнье,
Какъ твой въ молчаніи замѣченъ каждый ходъ,
И ты, идя домой, встрѣчаешь у воротъ,
Въ ночи, свирѣпый видъ, въ суровомъ пламень
взорѣ —
И милую жену въ прелестномъ семъ дозорѣ!
Какъ будешь радъ тогда, отъ страха поблѣднѣвъ,
Когда лишь на тебя обрушится весь гнѣвъ
И, злобствуя, она, забудетъ въ сихъ досадахъ,
Преступнаго отца тиранить въ бѣдныхъ чадахъ!
Тутъ, съ помощью врачей, пріисканныхъ въ пол-
ночь,
Успѣетъ отъ притворствъ не въ шутку занемочь,
И ты, ты самъ бы радъ, теряя духа силы,
Въ отчаяньи ступить на край своей могилы ...
«Ты собралъ горести всѣ брака» говоришь —
Я собралъ всѣ? Дамонъ, ахъ, ты меня смѣшишь!
Отъ страшнаго возьмемъ предметъ не столь су-
ровой;
Я все ли описалъ, сказалъ ли я хоть слово
О той, чей пылкій умъ, познанія и вкусъ
Съ собой переселятъ въ твою обитель Музъ?
Какое для тебя готово восхищенье!
Ты будешь объ одномъ лишь слышать пѣсно-
пѣньѣ,
Или — бѣда, коль Ѳебъ тебѣ не будетъ милъ —
Изъ рукъ твоихъ тогда не примутъ и чернилъ!
Поэты у тебя назначатъ вечеринки,
Гдѣ слышать будешь всѣ бумажныя новинки —

И всѣ передъ тобой отборные умы;
Иной посланія, другой свои псалмы,
На судъ твоей женѣ прочтутъ приличнымъ то-
номъ —
Чего тогда хотѣть, владѣя Геликономъ?
И *Вздоркинъ*, *Вздоркинъ* самъ, отъ басень безъ ума,
Ихъ будетъ тамъ читать, какъ читывалъ Тальма *)
Услышишь какъ межъ нихъ, забывъ она о полѣ,
Явится рыцаремъ въ славянскомъ ихъ расколѣ;
И ты, чтобъ ихъ понять, стремленіемъ горя,
Вновь будешь осужденъ начать отъ букваря —
О той, которая въ любви къ тебѣ нѣмая,
Ласкаетъ одного счастливца — попугая,
И будетъ принимать и жаръ сердечный твой —
И нѣжность и любовь съ стоической душой? —
О той, что̀ избѣжавъ молчанія порока,
Безъ умолку сама лепечетъ какъ сорока?
Ты, вижу, пораженъ сужденіемъ такимъ·
Терпѣнье! кончу все явленіемъ однимъ,
И ужъ страшнѣй сего готовъ хоть до заклада —
Не скажетъ ни одна новѣйшая Баллада!
Что ежели тебя постигнетъ эта часть?
Къ геенской скупости въ нее вселится страсть —
Тогда, Дамомъ, тогда заранѣе покайся:
Суровостямъ зимы тутъ въ осень подвергайся;
И строгій постъ храня во всѣ годичны дни,
Готовься жалобы выслушивать одни,
Что ты, въ глазахъ ея, и мотъ и расточитель,
Какого ни она, ни самъ ея родитель,

(* Извѣстный актеръ въ Парижѣ.

Блаженной памяти, не видѣлъ предъ собой —
Что скажешь? Не ужель ты думаешь со мной
Сказать: «Мученіе терпѣть не бывши сроденъ,
Сударыня, вотъ вамъ, все ваше — я свободенъ»
И тутъ разводъ....
Но свѣтъ? спокойствіе погибшее? но дѣти?...
И ты, какъ ни мечтай сіи расторгнуть сѣти,
Всечасно жалуясь предъ свѣтомъ и судьбой,
Въ терзаньи отъ нея, въ терзаніи съ собой,
Готовый въ участи завидовать злодѣю
И, къ ужасу всѣхъ золъ, жить будешь вмѣстѣ
съ нею.

КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ,

НА ПОЛУЧЕНІЕ ЭКЗЕМПЛЯРА ЕГО СТИХОТВОРЕНІЙ.

Желанный даръ изъ рукъ любимаго поэта,
Стань въ рядъ съ Державинымъ въ почетный
уголокъ;
Пусть ищетъ кто другой забавъ ничтожныхъ
свѣта:
Въ васъ сердца моего утѣха и урокъ!
При вашемъ имени о свѣтѣ забываю
И, силою благой Фантазіи влекомъ,
Въ міръ лучшій, въ міръ другой мечтой переле-
таю,
Который лишь душамъ возвышеннымъ знакомъ —
Гдѣ все, что на земли возможетъ быть прелестно,

И радости небесъ для сердца прорицать,
Рукою собрано Поэзіи чудесной —
Олимпъ, гдѣ жрецъ ея дерзаетъ обитать!
Туда меня, поэтъ, твой геній увлекаетъ....
О, если бы его имѣлъ я силу крилъ!
Вѣнецъ его въ лучахъ безсмертія сіяетъ:
Онъ лиру лишь добру и славѣ посвятилъ.
Пускай достоинства свѣтъ видитъ равнодушно;
Поэту ль отъ него отличія искать?
Пусть будетъ онъ сокрытъ отъ знатности бездушной,
Пусть будетъ злость его и зависть помрачать:
Не знаетъ низкихъ средствъ души высокой сила;
Онъ будетъ лишь одно прекрасное любить;
Судьба его сама отъ смертныхъ отличила —
И чувствъ его ни что не можетъ измѣнить!
Завиденъ для меня путь избранный тобою,
Стезя, вѣдущая такъ близко до сердецъ;
Скажи, исполненный когда самимъ собою,
Страсть къ славѣ и добру, поэзіи мудрецъ,
Съ волшебной силою ты передать желаешь
И чувства упоить сей страстію благой —
Скажи мнѣ, не въ себѣ ль награду обрѣтаешь?
И высшій смертныхъ долгъ исполненъ ужъ тобой!
Ты любишь и поешь въ восторгѣ добродѣтель.
Кругъ мирныхъ дѣлъ пѣвца пускай судьба стѣснитъ,
Но духъ его паритъ, величія свидѣтель,
И съ гордостью вѣнокъ достоинству даритъ.
Какъ живы для меня, поэтъ, твои картины!
Наставникъ въ коихъ твой, Натура, вся видна:

Сей вечеръ сумрачный, сходящій на долины,
И обаянія владычица, луна,
Что медленно взойдя въ среду небесъ обширныхъ,
Сребристою струей разсѣкла мрачный токъ,
Близъ коего одинъ, въ мечтахъ, при звукахъ лирныхъ,
Ты внемлешь быстрыхъ лѣтъ катящійся потокъ—
И время отдаетъ тебѣ минувши годы,
Надѣяся тобой украсить въ мірѣ слѣдъ. —
О нѣжныхъ сердца чувствъ, поэтъ любви, природы!
Минуты сей восторгъ дороже многихъ лѣтъ!
Съ какою прелестью своей неизъяснимой,
Ты благъ утраченныхъ намъ кажешь скорбный видъ!
Онъ, скрылся призракъ сей, во вѣкъ не возвратимой,
Но живо моему онъ сердцу говоритъ!
И къ праху самому, духъ нѣжный, пламенѣя,
Мечтаніе предъ нимъ сліялось съ бытіемъ —
Я зрю: горитъ лучемъ столбъ блѣдный мавзолея —
И Геній внемлетъ гласъ при камнѣ гробовомъ!
Вѣрь: лучшій нашъ удѣлъ — сія страна мечтаній,
Гдѣ мысль, свободна узъ, полетъ свой соверша,
Бросаетъ свѣтъ на путь тернистый испытаній —
И чувствуетъ свое величіе душа.

ПЛОВЕЦЪ.

Въ бурю брошенный Судьбою
Тамъ пловецъ среди валовъ,
Въ мракѣ грозномъ предъ собою,
Безъ весла и парусовъ;

Духъ встревоженъ, сердце ноетъ
Лучъ небесный, просвѣти!
Ахъ! кто скажетъ, кто откроетъ
Гдѣ конецъ его пути?

Тутъ ужъ вижу надъ пучиной,
Тамъ разитъ небесный громъ,
Бѣдный путникъ! знать, судьбиной
Ты къ погибели несомъ.

Страшно молнія вiется
И зіяетъ дно пучинъ.
Чья рука къ нему прострется?
Промыслъ Неба! онъ одинъ.

Слышу гласъ, не зрю очами,
Гдѣ ты, гдѣ ты, край родной?
О, Судьба! скорѣй волнами
Отъ себя меня сокрой.

Укротилась влага бурна
И челнокъ летитъ стрѣлой....

Ясно смотритъ тверды лазурна
На сокрытаго волной.

П. А. Ш.....У.

На смерть Т.....а.

Гдѣ онъ, Т...нашъ? гдѣ тотъ смиренный кровъ,
Подъ коимъ нѣжная насъ дружба принимала,
Гдѣ принужденія не зрѣлося оковъ,
И бѣдность свой союзъ съ довольствомъ заключала?
Куда кружокъ друзей, въ безвѣстной ихъ судьбѣ,
Для изліянія сердечныхъ чувствъ сбирался,
И часто разговоръ ихъ нѣжнымъ оживлялся
Участьемъ въ жребіи подобнаго себѣ;
Гдѣ, слѣдуя своимъ желаньямъ, разсуждали,
Читали, спорили, дѣлили шумный смѣхъ;
И если множества не видѣли утѣхъ,
Отъ скуки и заботъ сей жизни отдыхали.
Куда сбиралися совсѣмъ не по чинамъ,
Гдѣ дружбою у всѣхъ равнялися мечтанья,
И гдѣ по одному лишь сроку разставанья
Теченье времени примѣтно было намъ — —
Гдѣ онъ? скажи.... еще двухъ лѣтъ не совершилось,
Какъ руку я его, прощаяся, сжималъ,
Какъ дружбы пламенемъ въ немъ сердце сильно билось —

И взоръ надеждою увидѣться блисталъ!....
Я снова здѣсь! бѣгу съ мечтою сей пріятной,
Внезапной встрѣчею обрадовать его —
Вотъ дверь: стучу! — но что — какой отзывъ невнятной?
Онъ съѣхалъ.... весь отвѣтъ.... и болѣ ничего.
Вотще я вопрошалъ въ нѣмомъ его жилищѣ!
Его уже нѣтъ! — Къ тебѣ теперь склоняю взоръ —
Гдѣ слѣдъ его, скажи? иль здѣсь мы, на кладбищѣ,
Должны исчезнуть такъ, какъ легкій метеоръ?

ПѢСНЬ.

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНІЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны съ Его Королевскимъ Высочествомъ, Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ. *Января* 12 *дня* 1816.

Не Великую ль Судьбина
Возвратила съ горнихъ странъ?
Слышу гласъ: *Екатерина*!
Внемлю клики согражданъ!
Словъ драгихъ священны звуки,
Сколь знакомы вы сердцамъ!
Зрю, съ моленьемъ Россовъ руки,
Вознеслися къ небесамъ —
И средь радостной Полноши,

От конца ея въ конецъ,
Отъ Востока свѣтится тма нощи —
Чистымъ пламенемъ сердецъ!

ХОРЪ.

Россы въ брани исполины,
Полны вѣрности къ Царямъ.
Повторять *Екатерины*
Сколь отрадно имя вамъ!

Не она ли въ видѣ Внуки —
Къ вамъ склоняетъ свѣтлый взоръ?
Та же страсть любить Науки,
Музъ небесныхъ слушать хоръ!
Марсовъ мечъ палъ подъ оливы,
И Петрополь весь цвѣтетъ;
Съ Женихомъ Ея счастливымъ
Гименей Ее ведетъ!

ХОРЪ.

О, чертогъ Царей избранный
И хранимый Божествомъ!
Процвѣтай навѣки славно
Православный Русскій Домъ!

Столько благости и силы
Не вмѣститъ въ себѣ весь свѣтъ;
Лишь могущи орли крилы
Отдохнули отъ побѣдъ,
Царь державною десницей
Миръ царямъ всѣмъ подаетъ,
И подъ свѣтлой багряницей

Мечъ въ ножнахъ его уснетъ!
Брань окованна, въ подвластье,
Повергается у ногъ;
Процвѣтай, народовъ счастье!
Онъ гласитъ, какъ мощный Богъ!

ХОРЪ.

Такъ, небеснаго чертога,
Царь посланникъ намъ благой!
И невѣрный вѣритъ въ Бога,
Повстрѣчаяся съ Тобой!

Сѣверъ полнъ къ *Екатеринѣ*
Благодарныхъ чувствъ всегда;
И на Югѣ вижу, нынѣ,
Востекла Ея звѣзда!
Соименница младая!
Будь во всемъ подобна Ей:
Вся Европа, обожая,
Повергалася предъ Ней.

ХОРЪ.

Взглядъ лишь молній—въ прахъ злодѣи!
Міръ дрожалъ во всѣхъ концахъ,
Ей, какъ лѣсъ, взросли трофеи
И на сушѣ и моряхъ!

Ты жъ, Любовію вѣдома,
Въ торжествѣ Любви самой,
Будь отеческаго Дома
И веселъемъ и красой!
Сердцемъ Ты — Супругъ державой

Привлекайте сонмъ побѣдъ;
Ты любовію — Онъ славой
Очаруйте цѣлый свѣтъ!
Сильный Россъ, блюститель мира,
Міру ставитъ свой оплотъ:
Александрова порфира
Развилась, какъ неба сводъ!

ХОРЪ.

О, гряди, при оніамѣ,
Съ Женихомъ передъ Творца!
Какъ кадильницъ огнь во храмѣ,
Такъ горятъ къ Тебѣ сердца!

Россовъ вслѣдъ Тебѣ моленье,
Ихъ обѣты къ небесамъ:
Александра поколѣнье
Передай другимъ вѣкамъ!
Вся Европа, въ восхищеньѣ,
Зритъ, Царевна, Твой вѣнецъ,
Россъ къ Царямъ въ благоговѣньѣ
Подалъ міру образецъ!

ХОРЪ.

Россы въ брани исполины!
Полны вѣрности къ Царямъ!
Повторять *Екатерины*
Сколь отрадно имя вамъ!

НА ВСЕРАДОСТНЪЙШЕЕ СРѢТЕНІЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Въ С. Петербургѣ, при шествіи Его въ Казанскій Соборъ. Іюля 14 дня 1814.

—

Не на торжественной, побѣдной колесницѣ,
Предъ коей цѣлый свѣтъ повергнуться бъ возмогъ,
Ты въ радостной Своей являешься столицѣ
Въ смиреніи — какъ Царь, въ величіи какъ Богъ.
Внемли, какъ вкругъ Тебя гремятъ народны клики,
Въ восторгѣ семъ срѣтай Твоихъ безсмертье дѣлъ!
Коль подданныхъ цари любовію велики,
Ты всѣхъ земныхъ владыкъ великость превзошелъ!
Отъ Бога избранный, и передъ Нимъ смиренный,
Во время торжества народовъ и царей,
Въ минуты радости Россіи вознесенной —
Ты все забыть спѣшишь у Творчихъ алтарей!
И мысли и дѣла Ему всѣ обречены!
О, сколь Онъ самъ Тебя, исполненный чудесъ,
И въ благости Своей, и въ гнѣвѣ сокровенный
По грозномъ опытѣ, во славѣ превознесъ!
Тогда, какъ гражданинъ, какъ ратникъ въ бранномъ строѣ,
Спасая насъ, Ты смерть безтрепетно срѣталъ,
Незрима длань Его являлась въ грозномъ боѣ:
И сильный, предъ Тобой, въ боязни трепеталъ!

И вспять побѣгъ, забывъ въ бояхъ стяжанну
славу!
Вселенная гроза развѣялась Тобой;
Ты благостью даришь враждебную державу,
И миръ и счастіе вездѣ несешь съ собой!
Не Богъ ли въ страшный мигъ всеобщія боязни,
Какъ съ участью страны обширныя Твоей,
Спрягались жребіи и смертныхъ и царей,
Крѣпилъ Твой бодрый духъ — и полнилъ чашу
казни....
И палъ тирана тронъ! — Какъ молнія — протекъ
Свободы, славы гласъ отъ Сейны до Дуная.
И восхищенный міръ, Тебя благословляя,
Спасителемъ своимъ и мстителемъ нарекъ!
Гряди о, Царь-Отецъ! склонись отъ битвъ къ
покою —
И въ свѣтлу радугу перунъ Твой обрати!
Самъ Вышній, видимо присутственный съ Тобою,
Поставилъ здѣсь Тебя законъ Его блюсти!
Гряди....во слѣдъ Тебѣ, я вижу въ восхищеньѣ:
Свобода общая, довѣренность людей —
Ликуютъ на землѣ Покой и Просвѣщенье,
И стонетъ шумный Понтъ подъ ношей кораблей!
Ты съ миромъ намъ несешь блаженство сово-
купно;
Премудрость, Истина, во слѣдъ Тебѣ текутъ
У трона Твоего быть стражей неотступно,
И грянутъ звуки Лиръ! и Музы воспоютъ!
Внимай, внимай ихъ гласъ! онъ чистъ и безпри-
страстенъ,
Онъ яда не тантъ ласкателей въ себѣ —

И можетъ ли языкъ быть лести сопричастенъ,
Когда онъ говоритъ о Богѣ и Тебѣ?

КЪ И. М. Ф.....У.

НА ВЫЗОВЪ ЕГО ПРОДОЛЖАТЬ МОИ САТИРЫ.

Ты требуешь, мой другъ, чтобъ я на лирѣ снова,
Тѣснимъ отъ злыхъ заботъ, хотѣлъ еще бря-
цать
И дерзостный порокъ безстрашно обличать;
Тебѣ покорствовать рука Пѣвца готова!
Но что, скажи, за цѣль, въ стремленіи такомъ?
Мнѣ сдѣлать каждаго читателя врагомъ?
Довольно безъ того въ сей жизни огорченья!
Свѣтъ бѣденъ въ знатокахъ хорошаго творенья.
Вотще у насъ пѣвцы соревнованья ждутъ,
Ихъ публики давно убилъ холодный судъ.
Кто чтитъ Державина превыспренне паренье,
Россійской Музы честь — и Лиры украшенье,
Тотъ скажетъ: брось перо, или равенъ будь ему,
Прочтя его, дамъ судъ таланту твоему;
А кто, небесныхъ тайнъ Поэзіи не знаетъ,
Въ комъ сердце, при его струнахъ, не постигаетъ,
Что можетъ человѣкъ, что чувства значатъ въ
насъ,
Кому знакомъ одинъ *Безмыслова* Пегасъ,
Для тѣхъ и безъ меня поэтовъ тма способныхъ:

Не ищетъ мой талантъ похвалъ простонародныхъ!
Ты скажешь: а друзья? которы въ тишинѣ
Съ Гораціемъ тебя ласкаютъ наравнѣ,
И Музѣ скромной въ даръ вѣнокъ отъ нихъ плетется....
Ахъ, дружба рѣже всѣхъ съ поэтомъ уживется!
Въ томъ лесть, ласкательство, а въ этомъ приговоръ,
Отъ коего моей пылаетъ Музы взоръ,
Тотъ, изъ любви ко мнѣ, душитъ въ правоученье,
Что страсть къ Поэзіи есть къ пагубѣ стремленье,
Что должно бросить все, чтобъ съ низкой я душой,
Въ презрѣньи ползъ къ чинамъ презрительной тропой,
Чтобъ чувствъ небесныхъ жаръ, души моей свѣтило,
Я въ низкое вмѣнилъ страстей людскихъ кормило,
Къ *Рублю* ненависть въ почтенье обращалъ,
И въ зеркалѣ красой уродство бы казалъ!....
Сей, въ простотѣ ума, избравъ себя судьею,
Въ глаза мои стихи зоветъ галиматьею,
И тѣ, кѣмъ одобрять талантъ бы слабый мой,
Я часто слышу, чтутъ Поэзію чумой;
Въ сомнѣніи такомъ, скажи, могу ль рѣшиться,
Что мой ничтожный даръ на что-нибудь годится?
Безъ чувства согражданъ едва ли бы посмѣлъ
Къ безсмертію Гомеръ и къ славѣ Праксителъ —

Не оскорблю тебя, о Пиндаръ нашъ единой!
Сказавъ, что данъ полетъ тебѣ *Екатериной;*
Она великій даръ въ душѣ твоей зажгла
И съ Музою твоей къ потомству перешла!
Но ревность къ Геніямъ, безъ смѣлости и дара,
Вновь пагубу явитъ насчастнаго Икара;
Что можетъ горестнѣй быть участи пѣвца —
Дивиться — и не смѣть достичь до образца!
Такъ часто вижу я художника съ терзаньемъ,
Передъ единственнымъ Богини изваяньемъ,
Ломающа рѣзецъ по тягостной борьбѣ,
Всю силу чувствуя безсилія въ себѣ.
Скорѣй совѣтуй мнѣ, чуждъ лести и сомнѣнья,
Чтобы, напрасныя оставивъ покушенья,
Я уклонился Музъ въ ничтожности моей,
Которымъ жертвовалъ безплодно цвѣтомъ дней,
Для коихъ пренебрегъ, исполненъ ихъ отравой,
Какъ юность пылкая стремилась въ слѣдъ за Славой,
И Брани и Честей блистательный доспѣхъ —
Для коихъ я бѣжалъ плѣнительныхъ утѣхъ,
Которы радостно чело другихъ вѣнчали! —
Для нихъ сокрыты дни въ трудахъ перепадали,
И Скорбь ихъ сблизила безвременный закатъ;
Мой Геній подавленъ подъ бременемъ утратъ!

НА ИСТРЕБЛЕНИЕ НАПОЛЕОНОВЫХЪ АРМІЙ ВЪ РОССІИ.

—

Ты грянулъ наконецъ съ высотъ Твоихъ небесъ:
И побѣдитель Россъ! — и міра страхъ исчезъ!
Гдѣ злобныхъ полчища? гдѣ ихъ несмѣтна сила?
Чудесныя весь свѣтъ исполнился молвы:
Отъ *Вислы* до *Москвы*,
Ихъ страшная могила!

Онъ шелъ, народовъ бичъ, свирѣпый сынъ войны,
Могущество потрясъ Россійскія страны,
Полсвѣта въ кругъ его въ развалинахъ пылало,
Полсвѣта, въ слѣдъ за нимъ, текло ее разить: —
Но Россовъ покорить —
Еще полсвѣта мало!

Познавъ — и вспять побѣгъ, спасая жизнь свою;
Не обольстишь сердецъ, приверженныхъ къ Царю;
На гласъ его: *къ войнѣ!* все бросило жилища:
Вступя въ предѣлы ихъ, какъ волкъ на хитрый ловъ,
Ты раздраженныхъ львовъ
Коснулся логовища!

Шагъ каждый тамъ тебѣ явилъ ужасный бой,
Тамъ каждый селянинъ сразился какъ герой,
Ты зрѣлъ ихъ: страшна месть къ тебѣ ихъ приводила,
На лицахъ ихъ читалъ рѣшимость, крѣпость силъ,

И видъ ихъ говорилъ:
Тебѣ или мнѣ могила!

О подвигъ мщенія, плѣняющій сердца!
Десница мощная Героя и отца
Тамъ въ брань ведетъ сыновъ, едва расцвѣтшихъ къ жизни,
И отрокамъ своимъ вѣщаетъ грозно мать:
Спѣшите умирать
Въ спасеніе отчизны!

Гдѣ твердости найду подобной я примѣръ?
Ты къ храмамъ Вышняго коснулся, изувѣръ,
Съ сѣкирой и огнемъ.... и тамъ ихъ слава нова:
Священны пастыри съ геройскою душой
Падутъ передъ тобой
У алтаря Христова!

Не въ силахъ преклонить великость ихъ сердецъ,
Ты веси истреблялъ и грады наконецъ,
Чтобъ въ нихъ истаевать съ отчаянья и злобы: —
Не славу, не корысть узрѣлъ ты, хищный, въ нихъ: —
Одни несчетны гробы
Сопутниковъ твоихъ!

Какъ Фурія, твой вождь, возликовала яра
Пустынныя Москвы средь страшнаго пожара,
Ты жребій свой позналъ — что грабить лишь и жечь
Удѣломъ для тебя назначила природа,

А не сердца привлечь
Счастливаго народа!

Тогда въ тиранѣ страхъ до сердца досягнулъ
И страшный мечъ его впервые отдохнулъ!
Недвижны полчища, какъ тигры, средь забрала,
Въ оцѣпенѣніи узрѣли близку казнь —
И съ гладомъ ихъ боязнь
Тамъ *мысль* пожирала.

Ни вѣры Россіянъ, ни вѣрности къ Царю
Не могъ поколебать ты въ хладномъ ихъ краю;
Вотще на нихъ текла твоя ужасна сила —
Еще ли не позналъ ты Россовъ дивну мощь?
Враговъ ихъ зрѣла нощь —
Заря не освѣтила!

О. вы, спасители отеческой страны!
Сколь жребіи для васъ возвышенны даны!
Рѣшить судьбину царствъ мгновенно ополчились,
Васъ въ бранной красотѣ узрѣлъ съ надеждой свѣтъ:
Нагрянули — сразились —
Гдѣ мнимый богъ побѣдъ?

Содрогся наконецъ — о похититель трона!
Любовью лишь тверда Властителя корона.
На Сѣверѣ тому ты видѣлъ образецъ,
Тамъ въ бѣгствѣ ощутилъ, сколь страшенъ бой неправый,
И на челѣ, кровавый,
Потрясся твой вѣнецъ!....

Герой! Россіи щитъ! во браняхъ искушенный,
Екатериною ко Славѣ обреченный!
Отъ горнихъ мѣстъ Она, на сонмъ твоихъ побѣдъ
Склонясь, какъ Божество, надъ милой Ей страною,
Избавленну тобою
Россію зритъ отъ бѣдъ!

«Остатокъ счастливый, гласитъ, моей державы,
«Сколь новый для тебя открылся подвигъ Славы!
«Я счастье моего народа создала,
«Полвѣка для его трудилась возвышенья,
«А длань твоя спасла
«Его отъ пораженья!»

Кутузовъ! торжествуй! сей гласъ Россіи всей
Перуномъ прелетитъ до отдаленныхъ дней!
Съ слезами о тебѣ потомокъ вспомнитъ поздный,
И ты отмстителемъ Россіянъ нареченъ,
О щитъ Петровыхъ стѣнъ,
О Витгенштеинъ грозный!

Могущи мстители обширныхъ Русскихъ странъ:
Такъ древле Фабіи спасали сограждан!
Въ ничто вмѣняя жизнь, вашъ вождь передъ полками,
Во брани посѣдѣвъ надъ гибелью враговъ,
Какъ грозна месть боговъ
Протекъ межъ ихъ рядами!

Вотще въ побѣгѣ мнятъ спасеніе найти:
Ихъ настигаетъ смерть — и смерть ихъ ждетъ
впереди!
Въ крови, истерзаны, склоняютъ рабски выи,
Тамъ гладъ, здѣсь лютый мразъ стрегутъ среди
дорогъ:
За Россовъ правды Богъ,
За Россовъ и стихія!

О, сколь ужасный видъ представился очамъ:
Тамъ вживѣ, снѣдь могилъ, простерлись по снѣ-
гамъ!
Вотще послѣдній гласъ къ отчизнѣ обращаютъ —
О, жалкія толпы тмочисленныхъ племенъ!
Вотще и чадъ и женъ
Васъ вопли призываютъ! ....

Погибли! — слѣду нѣтъ! самъ лютый вождь бѣ-
житъ —
И съ воемъ тѣней полкъ во слѣдъ его летитъ!
Отринута надъ нимъ небесъ благихъ пощада!
Вздымаются власы — стопы его дрожатъ —
И, страшные, трещатъ
Подъ нимъ заклѣпы ада!

О, Промыслъ всеблагій! сколь непостиженъ Ты!
Не гибелью ль его горѣли всѣ слѣды?
Не онъ ли ликовалъ среди несчетныхъ боевъ?
Днесь манiемъ Твоимъ, къ спасенью всей земли,
Мнѣ зрится: потекли
Полки россійскихъ воевъ!

А вы, кого изъ нихъ постигнулъ смертный сонъ,
О Кульневъ, Багговутъ, и ты, Багратіонъ,
О жертвы славныя! ликуйте въ горней сѣни,
Сколь многіе прешли о мести вамъ вѣщать:
Тамъ будутъ васъ дрожать
Враговъ несчетны тѣни! . . . .

Внемлите всѣ страны! познай о смертныхъ родъ!
Что̀ можетъ твердый Царь и ревностный народъ!
Надъ Александромъ самъ вселенныя Содѣтель,
Громами ополчась, щитъ крѣпости простеръ,
И въ Немъ, царямъ въ примѣръ,
Вѣнчаетъ добродѣтель! —

НАДПИСЬ

къ бюсту Его Императорскаго Величества благочестивѣйшаго Государя Александра Павловича.

Имъ Свѣту низложенъ грозившій истуканъ —
И царствамъ прежняя возвращена свобода;
Онъ благостью, въ Свой вѣкъ, возвысилъ царскій санъ:
Любимецъ и Отецъ великаго народа!

ПОСЛАНІЕ КЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦАМЪ.

О вы, которые, въ убожествѣ своемъ,
И грады пышные и царства богатите,
Въ повиновеніи безмолвномъ и благомъ,
Для пользы общей, дни, сокрытые, стремите....
Я ваши лѣтъ хочу полезные труды: —
Въ нихъ жизнь сокрыта царствъ, ихъ счастье и свобода!
Они источники ихъ гордой высоты,
И ими самая красуется природа.
Не вы ль пустынный видъ и дебрей и степей,
Гдѣ зрится намъ она упорной и скупою,
Одѣявъ злачныхъ нивъ блестящей красотою,
Плодопосящими творите для людей?
Не вашей ли рукой, среди весны и лѣта,
Она красой полей, долинъ оживлена,
Въ убранствѣ жатвъ златыхъ блистательно одѣта,
Не ею ль намъ несетъ дары свои она?
Не вы ль, поя луга и утучняя нивы,
Ввѣряя въ каждомъ имъ зернѣ сторичный плодъ,
Стирая горъ хребты, стѣсняя водъ разливы,
Сокровищамъ ея даете новый ходъ?
Сопутники въ ея щедротахъ неисчетныхъ,
Пріявъ обильную награду за труды,
Вы учитесь у ней раздѣлу благъ несмѣтныхъ —
И такъ же, какъ она, даятели безъ мзды!
Поклонники Творца, не хвалъ въ гремящемъ ликѣ —
Ему поете пѣснь. Вы знаете, хвала —

Достойная Его — не въ гласѣ, не въ языкѣ,
Но сердца простота и добрыя дѣла.
Прямые мудрецы, разсудка изощренье
Не покупаете вы порчею сердецъ,
Для непорочныхъ чувствъ сей терній и волчецъ:
Отецъ ему — развратъ, а чада — заблужденья!
Пусть свѣта мудрые придутъ учиться къ вамъ,
Точнѣе умствовать, полезнѣе трудиться,
Несчастные узнать конецъ своимъ бѣдамъ,
Какъ въ мирѣ и съ собой, и съ участью ужиться,
Всѣ недовольные — покорности къ Судьбѣ.
Сколь часто въ кротости я зрѣлъ васъ терпѣливой.
Сколь часто у одра недуга и скорбей,
Стенящихъ обрѣталъ, и, сердца къ услажденью,
Влекомыхъ къ тайному васъ зрѣлъ благотворенью
Лишь пламенней къ добру любовію своей!
Сколь счастливъ для меня кто вамъ во всемъ подобенъ,
Свои безвѣстны дни проводитъ въ тишинѣ,
Кто, столько же, какъ вы, и кротокъ и незлобенъ,
Согласья и любви пьетъ радости одни;
Тогда какъ рушатся, дробимые грозою,
Великолѣпные чертоги богачей,
Онъ не страшится бурь, бывъ самою судьбою
Укрытъ и охраненъ въ обители своей.
Ахъ, еслибъ вашъ Пѣвецъ, подъ вашимъ мирнымъ кровомъ,
Утраченный покой, довольствіе сыскалъ,
Онъ жизни бъ каждый мигъ срѣталъ въ восторгѣ новомъ,

И участи владыкъ вѣнчанныхъ не желалъ!
Вѣдомъ Природою, наставницей неложной,
Не зналъ бы ни суетъ, ни гибельныхъ страстей,—
И, если счастія достигнуть здѣсь возможно,
Онъ вѣрно бы къ нему ближайшей текъ стезей.
Друзья моей души! гдѣ вѣкъ Астреинъ зрится,
Въ обычаяхъ благихъ наслѣдіи отцовъ,
Пусть жизнь моя средь васъ, безвѣстная, стремится,
И лиры гласъ поетъ васъ, дружбу и любовь! —
Тогда, какъ роскошь спитъ средь нѣги ухищренной,
И смерть, сокрытую въ бездѣйствіи, піетъ,
Вашъ духъ ужъ бодрствуетъ, зарею пробужденный,
И чувства въ даръ Творцу хвалебныя несетъ!
Когда она, возставъ, средь лѣни снова дремлетъ
И сладостныхъ трудовъ не знаетъ для себя, —
Съ какой охотою, весельемъ, онъ пріемлетъ
Плугъ въ руки — и браздитъ родимыя поля!
Въ часъ ясныя весны и лѣта въ полдень знойной,
Въ безпечности златой, склонившись отъ труда,
Васъ ждетъ часъ отдыха, сонъ крѣпкой и спокойной,
Который для нея не сладокъ никогда;
Съ румяной осенью надежды совершенье
И вашихъ плодъ трудовъ спѣшатъ утѣшить васъ;
Царямъ не столько царствъ пріятно покоренье —
Какъ вамъ, нивъ первенецъ, златый и зрѣлый класъ! —
Ужъ злаки полные отъ тяжести склонились —

На жатву! пусто всё! младенецъ и старикъ, —
Все ожило къ трудамъ, всѣ въ полѣ устремились,
Ужъ дебри огласилъ жнецовъ веселый кликъ!
По нивамъ блещетъ серпъ въ рукахъ разнообразныхъ, —
Тотъ жнетъ, тотъ вяжетъ снопъ, тотъ въ кучу ихъ кладетъ,
Тотъ, съ скрипомъ, въ житницы возы свои ведетъ;
На сей всеобщій пиръ сонмъ юныхъ благъ, прекрасныхъ,
Мать нѣжная несетъ — Природа чадамъ въ даръ.
Тамъ, въ краткій день зимы, труды опять готовы,
Собравшись, отдѣлять отъ класовъ зерны новы,
И вторитъ, по токамъ, созвучный цѣпъ ударъ! —
Но можно ль сосчитать, друзья мои любезны,
Всѣ ваши радости, занятія, труды,
Въ которыхъ вы всегда для общества полезны?
А тамъ — настали игръ пріятныя чреды:
Въ часъ вечера, какъ Ѳебъ, едва, едва примѣтенъ,
На небѣ сумрачномъ, въ мерцающихъ лучахъ,
И рѣзвыя, давно, овечки во дворахъ, —
Собравшись подъ навѣсъ старикъ и малолѣтенъ,
Сонмъ юношей и дѣвъ, въ молчанье погрузясь,
Преданье давнихъ лѣтъ внимаютъ въ восхищеньѣ,
Иль, въ легкій хороводъ, всѣ вкупѣ сплетясь,
И славятъ и поютъ дней скрытыхъ наслажденье!
А тамъ — гдѣ устремленъ въ восторгѣ взоръ пѣвца —
Для душъ чувствительныхъ прелестная картина!

Мать нѣжная, прижавъ къ румянымъ персямъ сына,
У вратъ привѣтствуетъ веселаго отца!
Невинность милая, съ улыбкою счастливой,
Руками оплетясь вкругъ матерней груди,
Ея срѣтаетъ взглядъ умильный, торопливой,
Какихъ отъ давнихъ лѣтъ въ столицахъ не найти!....
И свѣта и суетъ и почестей въ забвеньѣ,
Къ которымъ происки возводятъ въ немъ одни,
Пускай, презрѣвши все, въ моемъ уединеньѣ
Я принесу лишь вамъ и Музамъ дни свои!
Давно ихъ славою блистательной плѣненный,
Труды мои для нихъ единыхъ посвящу;
Уже ль сей участи завидной и блаженной,
Я въ свѣтѣ что-нибудь возвышеннѣй сыщу?
Пусть кончу дни мои спокойные межъ вами;
Природы нѣжный сынъ въ рукахъ ея уснетъ —
Тамъ жизнь отрадную, хранимую богами,
Безсрочно ни болѣзнь, ни ядъ не пресѣчетъ.

БЛАЖЕНСТВО.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

—

Увы! съ какою быстротою,
Сокрылся сей счастливый мигъ,
Какъ съ страстною моей душою

Я, Нина, пламенѣлъ въ объятіяхъ твоихъ!
Какъ сердце у тебя въ восторгахъ замирало,
И розою лице стыдливости пылало!....
Блаженъ, блаженъ стократъ,
Кто, руша всѣ преграды,
На ложѣ роскоши, возлюбленной объятъ,
Вкушаетъ въ полнотѣ любови всѣ отрады!
Онъ скорбный міръ забылъ, восторгомъ упоясь.
То, взорамъ обнажить прелестну грудь стремясь,
Подобну снѣгу бѣлизною,
Онъ робкой медленно рукою
Дѣлитъ покрововъ тонкихъ связь; —
И, полными гордясь
Лилѣйными холмами,
Лишенная своихъ защитъ,
Подъ страстными его устами,
Она твердѣетъ и горитъ!....
То станъ ея рукой роскошною обнявши,
Который у самой Киприды похищенъ,
И поясъ, средь забавъ, украдкой развязавши,
Смущеньемъ красоты робѣющей плѣненъ,
Онъ пламенно уста стыдливыя лобзаетъ
И тихое на нихъ роптанье умираетъ!
Чья участь на земли съ счастливцемъ симъ равна?
Онъ медлитъ посреди сердечныхъ упоеній,
И чашу восхищеній
По каплѣ пьетъ до дна!
О, Нина, о мой другъ, пребудь всегда со мною!
Смятеніе любви! плѣнительный покой,
Который слѣдуетъ за счастья полнотою!
Пусть нѣжною моей развѣяны рукой,

Въ сей милой простотѣ, любовью расплетенны,
Волнуются твои прелестные власы,
И легкій твой покровъ, Эротомъ похищенный,
Не кроетъ отъ меня стыдливыя красы!
О Нина! вся цѣна дней нашихъ въ наслажденьѣ,
И райское одно мгновенье,
Когда, въ восторгѣ мы своемъ,
Небесное о всемъ
Забвеніе піемъ —
Годичныхъ есть заботъ и бѣдствій услажденье!
Жизнь смертныхъ горести отравою полна:
Любовію одной красуется она.
Восторги первыхъ встрѣчъ, горящи лобызанья,
Волненія души, любви очарованья!
Оставить должно свѣтъ,
Когда васъ болѣ нѣтъ! ....

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛУЦИЛЛІЕВОЙ САТИРЫ ПРОТИВЪ ЕГО ВѢКА.

(Сатира шестая.)

—

Какія времена! какое ослѣпленье!
За злато плебеи вступаютъ въ знатный санъ,
Берутъ достоинствъ мзду и кроютъ преступленье!
Весь Римъ — софистовъ сонмъ! нѣтъ истинныхъ гражданъ!

Гдѣ древнихъ праотцевъ прямое превосходство,
Ихъ въ браняхъ храбрый духъ, ихъ неизмѣнный нравъ,
Ко Славѣ, Истинѣ любовь и благородство?
Все пало, все падетъ! таковъ Судебъ уставъ!
О, миръ, довольствіе, народа благодѣйство!
Весь градъ огнемъ вражды мятежной воспаленъ,
И отрокъ, слабыхъ силъ, владыкой нареченъ!
Изображу ль семействъ печальную картину?
И тамъ пороқъ возжегъ погибельный раздоръ.
Подвластныхъ ли возьму несчастную судьбину,
Къ владычеству ль простру свой огорченный взоръ:
Вездѣ лишь ищутъ пользъ, другихъ къ вреду и стону,
Вездѣ лишь сильному предстательство и кровъ;
Суды — суть торжища, судьи — враги закону,
Безчестьемъ осквернены и самый санъ жрецовъ.
Гдѣ Рима древняго величіе и сила?
Почто не обращенъ мгновенно онъ во прахъ?
Здѣсь прелесть слабыхъ женъ порфиры блескъ? затмила,
Тамъ стыдъ властителей, тамъ воевъ низкій страхъ ....
Гдѣ любомудрый взоръ, стрегущій судъ и брани?
Тамъ знатный родъ возвелъ надменнаго глупца
Въ священный санъ вождя, далъ мечъ и жезлъ во длани,
И чтитъ достоинствомъ гражданскаго вѣнца!
О, участь жалкая! умовъ порабощенье!
Въ могилѣ хладной я почто еще не скрытъ?

Ахъ, лучше бы меня боговъ постигло мщенье,
Чѣмъ Римлянъ чувствовать и бѣдствіе и стыдъ!
Оплачемъ, граждане, нашъ жребій униженный,
Я видѣлъ.... о, почто очей былъ не лишенъ,
Нашъ сильный легіонъ, коварствомъ подкупленный,
Безъ браней, безъ побѣдъ повергшійся во плѣнъ!
Я зрѣлъ и алтарей и жатвъ опустошенье,
Я зрѣлъ оратая, среди его трудовъ,
Безъ силы, безъ надежды, съ отчаяньемъ боренье!
Я зрѣлъ, при пышности вельможескихъ дворовъ, —
Какъ въ мигъ, ихъ алчности въ угодность, исчезало
Терпѣніе и трудъ чрезъ цѣлый рядъ годовъ,
Какъ Истину и Честь изгнанье осрамляло!
Я зрѣлъ.... Отечество! красу твою и щитъ,
Героевъ средь смертей себя на жатву несшихъ,
И, возвратясь къ тебѣ, о срамъ, о вѣчный стыдъ!
Презоръ и нищету и гладъ себѣ обрѣтшихъ!
Я зрѣлъ — и скорби мракъ мой духъ отяготилъ.
Оставимъ все, о вы! для коихъ предковъ слава,
Еще въ душахъ жива, еще сердецъ отрава —
И будетъ Римъ искать.... среди однѣхъ могилъ.

КЪ А. П. Б....ОЙ,

О ПРИЛИЧІИ СТИХОТВОРСТВА ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ.

Природа въ щедрости для чадъ своихъ равна,
Пристрастнаго въ дарахъ не вѣдаетъ раздѣла,

О милый, нѣжный Полъ! уже ль исключена
Навѣкъ изъ твоего Поэзія удѣла?
Кто смѣетъ сей хулой Музъ чистыхъ порицать?
Въ прелестномъ ликѣ Дѣвъ мы ихъ изображаемъ,
Въ нихъ мудрость мы спѣшимъ Природы созер-
цать,
Красу боготворимъ, Любовь ея срѣтаемъ;
Сей даръ божественный, сей всѣхъ даровъ вѣнецъ,
И въ трепетъ и въ восторгъ духъ пылкій при-
водящій,
Сокровище умовъ, веселіе сердецъ,
Гласъ нѣжныя души со струнъ златыхъ летящій;
Уже ль, въ рукахъ у нихъ, не долженъ насъ плѣ-
нять?
Отъ тѣхъ — у коихъ власть сердцами обладать?
Имъ трогать и учить Гармоніи небесной!
Всесовершенное твореніе Творца,
Гдѣ больше дивенъ Онъ какъ не въ душѣ пре-
лестной,
Сіяющей въ чертахъ прелестнаго лица?
Въ нихъ сердце нѣжное, любови нѣжной полно,
Отъ тщетныхъ замысловъ, кичливости свободно;
Въ нихъ дышутъ тишиной и кротостью уста,
И брани не мрачитъ ихъ грозная мечта;
Жаръ мщенія въ крови ихъ къ битвѣ не взы-
ваетъ,
Улыбка на устахъ всю власть ихъ охраняетъ —
И непорочности прелестный, милый видъ,
Не сходитъ никогда съ ихъ дѣвственныхъ ланитъ;
Какъ звѣзды ясныя, возженныя въ тмѣ ночи,
Спокойствіемъ блестятъ отверзтыя ихъ очи,

Чья грудь, алтарь любви, святилище красотъ,
Небесныхъ полнится и чувствій и добротъ: —
Любови матери повѣрена ей сила!
О ты, которая мнѣ мысль сію внушила,
На лирѣ оправдать Пѣвицъ высокій санъ,
Въ которую съ небесъ даръ истинный вліянъ,
Которой пѣсни я внимаю съ восхищеньемъ,
И Музъ самихъ плѣненъ въ нихъ чистымъ вдохновеньемъ,
О Сафо, нашихъ дней! которой столько разъ,
Восторга въ полнотѣ, я строилъ лирный гласъ,
Ты, возлюбившая тернистый путь Науки —
И лиры кроткіе, плѣнительные звуки,
Охоту сродную чувствительнымъ сердцамъ!
Съ завидной славою послѣдуя пѣвцамъ,
Ты ль хочешь, чтобы вновь, въ своемъ талантѣ скудный,
Я подвигъ твой воспѣлъ единственный и трудный?
Что можетъ для тебя простой усердья жаръ?
Когда бъ меня живилъ Творцовъ великихъ даръ,
Когда бъ ихъ высилъ духъ, ихъ чувство оживляло,
И сердце бъ, какъ твое, добротою пылало,
Тогда бъ я волю далъ стремленіямъ своимъ:
И пали бы пѣвцы предъ образомъ твоимъ!
Кто можетъ оградить въ занятіяхъ полъ нѣжный?
Жена, краса семействъ и ихъ оплотъ надежный,
Ведущая съ собой супруга въ мирный домъ
Веселье, тишину, согласіе, блаженство,

И юныхъ милыхъ чадъ, ласкаемыхъ отцомъ,
Жена, вѣнецъ добротъ, рукъ Творчихъ совершенство, —
Кто можетъ болѣе любовію дышать?
Чье сердце съ материнмъ возможно въ ней сравнять?
Кто больше усладитъ горящаго супруга,
Скорбящаго въ трудахъ, иль въ сладкій часъ досуга?
Кто лучше чувствовать умѣетъ и любить,
И нѣжности для словъ искусство находить?
Въ чьихъ болѣе устахъ красуется даръ слова?
Наука скучная не столько въ нихъ сурова,
Имъ всѣхъ приличнѣе ученіе сердецъ:
Имъ путь до нихъ знакомъ, въ нихъ сердце — образецъ!
Иль дѣва юная, съ свободою безцѣнной,
Съ счастливою душой, къ страстямъ не прилѣпленной,
Не вѣдая тоски семейственныхъ заботъ,
Ни сердцу тягостныхъ неволею работъ,
Вступая сверстницъ въ кругъ, весельемъ оживленныхъ,
Чему отдастъ часы временъ своихъ блаженныхъ?
Пусть, нѣжный гласъ сліявъ съ цѣвницею златой,
Поетъ своей души и радость и покой,
Пускай, счастливая, она обворожаетъ
И ту, что въ цвѣтѣ дней, и ту, что отцвѣтаетъ,
Поетъ незлобіе и прелесть юныхъ лѣтъ,
И въ свой подругъ своихъ влечетъ завидный слѣдъ!

Поэзія души и органъ и зерцало.
Пусть снимутъ съ красоты невинной покрывало,
Пусть блещетъ — и разитъ страстямъ подвластный міръ!
Пусть юношей плѣнятъ своихъ игрою лиръ,
Изъ сердца гонятъ ядъ наклонности порочной —
И свѣтлый блескъ дадутъ красѣ своей непрочной!
А та, чей помраченъ любовью свѣтлый взоръ,
Въ которой изрекло свой сердце приговоръ,
Пускай съ подругою ея, уединеньемъ,
Плѣняетъ насъ души таинственнымъ бореньемъ,
Блаженствомъ полнитъ грудь, поетъ счастливу страсть;
И милаго зоветъ къ стопамъ ея упасть;
Или, всю волю давъ душѣ своей прельщенной,
Намъ славитъ поцѣлуй впервые полученной.
Любовь, сама любовь таится будетъ тамъ
И съ дланію летать по пламеннымъ струнамъ!
Пусть та, для коей скорбь послало Небо гнѣвно,
Кто въ мірѣ сирота, чье сердце разлученно,
Ждетъ дружества къ себѣ отрадныхъ слезъ на грудь,
И скорбный пѣснію цвѣтитъ еще свой путь.
О, если бъ лирамъ Музъ косяулись длани Грацій!
Цѣвницу бъ дивную повергъ свою Горацій,
И самъ бы пѣсней царь, божественный Омиръ,
Вперивъ и взоръ и слухъ, забылъ творить свой міръ!
Такъ ты, плѣнившая мой слухъ своей игрою,
По тягостной борьбѣ съ трудами и судьбою,
Привлекшая къ себѣ почтителей соборъ,

Склонила на себя Монарха щедрый взоръ *),
(Еще ль, Отечество, я буду справедливо
Сію талантамъ дань считать въ тебѣ за диво ?)
Веселіемъ однимъ питаться намъ нельзя,
Плодъ отдыха — оно, съ трудомъ лишь обитаетъ,
Въ немъ къ наслажденію сокрытая стезя,
Душа въ ней пищу зритъ, безъ коей угасаетъ.
Какъ роскошь строитъ пиръ, и хитрою рукой
Для чувствъ изнѣженныхъ готовитъ пресыщенья,
Мракъ ночи обратя въ блестящій свѣтъ дневной,
И бодрствовать зоветъ средь обща усыпленья;
Какъ сонмъ твоихъ подругъ, составя свѣтлый строй,
Поклонниковъ своихъ предводитъ шумный рой;
Иль, съ громомъ звонкихъ арфъ, по яркости паркета,
Въ хоръ рѣзвый сплетясь, кружится до разсвѣта:
Какъ скука, спутница сердечной пустоты,
Сгоняетъ съ ихъ чела веселія мечты,
Какъ тайная тоска въ груди ихъ утомленной,
И жажда вѣчная въ душѣ ненасыщенной,
Какъ ходитъ имъ во слѣдъ, коварство, клевета,
И злоба полнитъ ихъ злословіемъ уста,
Какъ жалкіе сіи рабы суетъ стремятся
Прискорбіе скрывать, веселыми казаться, —
Ты, цѣну чувствуя веселья и трудовъ,
Приносишь вѣрный имъ раздѣлъ своихъ часовъ,

---

*) Здѣсь разумѣется Высочайше пожалованный ей пенсіонъ Государемъ Императоромъ.

То сердце нѣжное забавой услаждаешь,
То душу, алчную къ познаніямъ, питаешь —
И радость, презря ихъ кичливый, скучный сонмъ,
Таится у тебя, обнявшися съ трудомъ.
Твой въ одиночествѣ духъ кроткій, просвѣщенной,
Ни скуки, ни тоски не зритъ уединенной,
Властитель надо всѣмъ — всеобщій гражданинъ —
Онъ носитъ все съ собой и вѣчно не одинъ.
И въ сладкой часъ трудовъ, и въ мигъ златыхъ мечтаній,
Сихъ чадъ спокойствія, души очарованій,
Когда, вознесшися въ міръ горній, въ міръ боговъ,
Она не чувствуетъ земныхъ своихъ оковъ,
Сліявъ протекшее, грядуще межъ собою,
Вся полнится, живетъ единою мечтою;
Съ ней сладость прежнихъ благъ, съ ней сонмъ ея друзей,
Знакомый для нея, незримый для очей!
Вездѣ сокровище души твоей съ тобою.
Въ восторгѣ ли пѣвцовъ плѣняешься игрою:
Вы, коими во мнѣ живится скорбный духъ,
О славные пѣвцы! о дней моихъ отрада!
Которыхъ въ день читать и въ ночь читать ты рада,
Уже я предъ тобой ихъ зрю безцѣнный кругъ:
Тамъ Бардъ полночныхъ странъ, Россіи въ мощны лѣты
Поющій блескъ ея и блескъ Елисаветы;
Тамъ, сыплющій со струнъ въ сердца восторга жаръ,

О, сколько для меня его возвышенъ даръ!
Ширяясь въ высотѣ, и всякой чуждъ границѣ,
Какъ богъ — онъ въ *Божествѣ*, и какъ поэтъ —
въ *Фелицѣ!*
Тамъ, щедрый въ вымыслахъ, обильный въ красотахъ,
Живущій у меня и въ сердцѣ и въ устахъ,
Кто въ словѣ вѣчно строгъ, плѣнителенъ и ясенъ,
Сатиры остротой и прелестію басенъ,
И сказки дивною, волшебною игрой;
Тамъ Душеньки пѣвецъ, поющій съ ней самой,
Хемницеръ, дышущій невинной простотою,
Любовію къ добру, сей мудростью прямою, —
О, сонмъ моихъ пѣвцовъ! робѣющей стопой,
Когда дерзаю я во слѣдъ великій твой,
Когда, средь тишины, одинъ, ни кѣмъ незримый,
Срѣтаю красоты твои неистощимы,
Твой жаръ, твой пылкій духъ вселяется въ меня:
Я чувствую себя исполненна огня,
И славлю щедрый рокъ, что, генія въ замѣну,
Онъ чувствовать мнѣ далъ твоихъ твореній цѣну!
Пой, Муза скромная, стремись въ ихъ дивный слѣдъ,
Для генія преградъ различій въ полѣ нѣтъ.
Свой разумъ расширяй наукою пространной,
Столь тѣсно съ таинствомъ поэтовъ сочетанной;
Будь душъ отрадою, владычицей сердецъ,
По чувствамъ — женщина, по знаніямъ — мудрецъ.

КЪ БАРДУ.

(Подражаніе Горацію.)

Смотри на Апеннинъ, снѣгами покровенный,
Какъ, въ гнѣвѣ, ихъ несетъ бунтующій Борей,
Какъ грозно высятся ихъ глыбы взгроможденны
И съ грохотомъ падутъ на мертвый ликъ полей, —
На Тибръ, облекшійся отъ хлада льдовъ корою,
Что́ дѣлитъ отъ земли туманный небокрай,
И, предлежа дубамъ, пылающимъ грядою,
Спокойно ярость вьюгъ и бури презирай!
Зови меня — и лей, отъ давнихъ лѣтъ хранимый,
Рукою щедрою твой пѣнистый нектаръ —
Да, силою его чудесною живимый,
Угасшій обрѣту въ груди Камены жаръ, —
И, къ лирѣ преклонясь, восторгомъ воспаленный,
Мечты протекшихъ дней очамъ моимъ явлю,
И радость и любовь, сонъ юности мгновенный,
И мракъ таинственный грядущаго прозрю!
Такъ, Бардъ, я буду пѣть, пока еще снѣгами
Мнѣ непреклонный Кронъ не осребрилъ главу,
Пока прядется жизнь у Парки подъ перстами,
И нѣгу, и отрадъ, и Музъ къ себѣ созову!
Часъ настоящій нашъ — грядущее безвѣстно:
Блюдись отважный взоръ во мракъ его взносить;
А лучше, красоты въ объятіяхъ прелестной,
Спѣши летящее веселіе ловить!

И днесь — подъ шумомъ вьюгъ, при сладкомъ чувствъ томленьѣ,

Дорисы нѣжныя, въ ея цвѣтущи дни,
Притворную боязнь, стыдъ робкій отклони
И слабое руки ея сопротивленье. . . .

МЕЧТА.

Ночи со тмою
Тихо несомы
Къ сѣни моей —
Вѣйтесь надъ мною,
Легкіе сонмы
Милыхъ тѣней:
Пусть, потаенно,
Въ страхѣ и мракѣ
Видимся мы.
Вѣтеръ повѣялъ —
Стукъ протяженный,
Гулъ пролетѣлъ!
Легкій возвѣялъ
Листъ пробужденный,
Лѣсъ зашумѣлъ —
Трепетъ разлился:
Внемлю прихода
Вашего знакъ.
Гробы оставивъ,
Вижу, приникли,
Въ свѣтлой лунѣ,
Въ стекла уставивъ
Ясные лики

Явно ко мнѣ;
Вижу движенье
Легкихъ покрововъ
Вѣтромъ на васъ.
Мирные домы,
Вижу, дрожащій
Кажетъ вашъ перстъ: —
Мшистые холмы
Верхъ свой клонящій,
Дремлющій крестъ;
Сѣрые камни,
До половины,
Вросшіе въ глубь.
Вижу, маните
Друга рукою
Въ свѣтлу чреду;
Ахъ! возвѣстите:
Къ миру, покою,
Скоро ль прейду?
Въ гробѣ сокроюсь,
Жизни оставивъ
Крестъ во главахъ?
Спутники, горе
Васъ не терзаетъ,
Вамъ его нѣтъ.
Опыта болѣ
Духъ вашъ не знаетъ
Тяжкаго бѣдъ.
Скоро ли, други,
Жребій сей сладкой
Съ вами вкушу?

Вмѣстѣ воздремлемъ
Въ свѣжемъ, прохладномъ
Лонѣ земли?
Ею пріемлемъ,
Въ мирѣ отрадномъ,
Въ нѣдра свои —
Скоро ли, братья,
Хладныя длани
Вамъ я подамъ?

К. Д. В....ОЙ,

ПРОСИВШЕЙ СТИХОВЪ ДЛЯ АЛЬБОМА.

Ты хочешь, чтобы я тебѣ изобразилъ
(Неопытный пѣвецъ, на лирѣ неизвѣстной)
Всѣ свойства милыя души твоей прелестной
И скудость моего таланта позабылъ....
Не обижай меня симъ лестнымъ изочтеньемъ;
Дерзну ли описать я Феба дивный свѣтъ,
Когда, въ безмолвіи, единымъ удивленьемъ
Объятый, я стремлюсь предъ нимъ благоговѣть?
Скажу ль, что таинствомъ безцѣннымъ ты владѣешь
Почтенье и любовь снискать себѣ у всѣхъ,
Что сердце нѣжное, завидный умъ имѣешь
И въ обществахъ душа бесѣды и утѣхъ;
Что ты мать нѣжная, что другъ ты неизмѣнный;
Но назову ль, твоимъ достоинствомъ плѣненный,

Слова сіи тебѣ моею похвалой?
Друзья твои, весь свѣтъ ихъ скажетъ предъ тобой,
И что въ моей хвалѣ негромкой и нестройной?
Мнѣ не далъ рокъ въ удѣлъ достоинствъ прославлять;
Я въ участи своей, сокрытой и спокойной,
Лишь созданъ ихъ душей и сердцемъ обожать!

КЪ Н. Ѳ. Г....У.

Подражаніе Вольтерову посланію къ Гельвецію.

Отъ шума и суетъ въ твое уединенье
Я мысленно несусь бесѣдовать съ тобой,
Сокрывшійся въ благомъ отъ свѣта удаленьѣ,
Другъ пламенный наукъ и другъ почтенный мой!
Блаженъ, кто съ юныхъ дней желанья ограждаетъ,
Для мудрости своей лѣтъ позднихъ не зоветъ,
Кичливымъ замысламъ преграды полагаетъ
И въ мирѣ по стезѣ назначенной идетъ.
Ты тамъ теперь, гдѣ другъ тебя воображаетъ,
Подъ кровомъ отческимъ, укрывшійся отъ бурь;
Рука самой судьбы покой твой охраняетъ,
И неба твоего всегда цвѣтетъ лазурь!
Съ тобой отрадный миръ, твой вождь и другъ природа,
Исполненна своей прелестной простоты,

И пламенной души сопутница, свобода,
И радость чистая, и сладкія мечты!....
Благодари боговъ, счастливецъ вознесенный
Надъ низкимъ жребіемъ рабовъ своихъ страстей,
Которы, къ суетамъ съ лѣтъ юныхъ прилѣпленны,
Имъ служатъ, жалкіе, до самыхъ позднихъ дней.
Стремись завидною къ познаніямъ стезёю,
Но въ шествіи своемъ всегда умѣренъ будь;
Пускай твой зрѣетъ умъ сей пищею благою,
Но....другъ мой! и ему предписанъ должный
путь;
Какъ солнце, царь планетъ, надъ всѣми вознесенный,
Востекши до небесъ пресвѣтлой высоты,
Онъ, міръ весь озаривъ — отъ блеска, красоты
Спускается....познавъ закатъ опредѣленный.
Всѣмъ радостямъ, трудамъ поставленъ грозный
край.
Непостижимая средь строгихъ назначеній,
Судьба речетъ: стремись, но далѣ не дерзай!
Во всемъ умѣренность есть прелесть наслажденій,
И отдыхъ для труда и сила и краса.
Природа мудреца открыла предъ очами,
Руки Зиждителя различны чудеса:
Въ безмолвіи ея плѣняйся красотами,
Но, дерзкой, вопрошать о таинствахъ не смѣй.
Исторгнутъ изъ среды людей обыкновенныхъ,
Благоговѣй предъ тѣмъ, что скрыто отъ людей.
И намъ ли слѣдовать въ путяхъ ея несмѣтныхъ
За сокровенною премудростью Творца?
Ума ли въ тѣсные вмѣстить ее предѣлы

И дать предѣлъ тому, что вѣчно, безъ конца?....
Пусть скажетъ Реомюръ, сей умъ изъ смертныхъ
смѣлый,
Который цѣлый вѣкъ природѣ посвятилъ,
Какими тѣсными незримыми путями
Сію, свѣтящую предъ нашими очами,
Творецъ согласовалъ пространну цѣпь свѣтилъ?
Почто свирѣпый тигръ и аспидъ и гіена,
Рыкающи на брань, разверзнувъ лютый зѣвъ,
Въ груди своей несутъ кипящій вѣчно гнѣвъ;
А серна робкая и агница смиренна,
Въ веселіи стопы стремящія свои,
Столь склонны къ чувствіямъ покоя и любви?
Съ числомъ толикихъ ногъ, по виду безполезныхъ,
Почто сей червячокъ, таящійся во мглѣ,
Дрожащій, движетъ станъ свой гибкой по землѣ,
Зимою погребясь въ ея ущельяхъ тѣсныхъ,
Съ наставшею весны мгновенно теплотой
Пріемлетъ новый видъ, сонъ долгій покидаетъ
И крыліевъ своихъ блестящей красотой
Гордяся, ихъ опять предъ солнцемъ развиваетъ?....
Пусть скажетъ Дюфаи, зарывшійся въ травахъ,
Имъ собранныхъ со всѣхъ обширныхъ странъ
вселенны,
Прикосновеніемъ единымъ умерщвленный,
Почто сей нѣжный цвѣтъ смыкается въ рукахъ?
Я къ медику царя съ вопросомъ прибѣгаю:
(Онъ, вѣрно, свѣдущей товарищей своихъ)
Участникъ въ таинствахъ природы, вопрошаю
Какими средствами, сей хлѣбъ, отъ устъ моихъ,

Весь движетъ мой составъ, въ мои втекаетъ жилы,
Усталый сердца бой опять собой живитъ,
Разсудку моему вновь дѣйствовать велитъ
И новыя даетъ, ослабшему, мнѣ силы?
А вы, летящіе по сушѣ и водамъ,
Зрѣть міра красоту, испытывать теченье
Планетъ и постигать ихъ тайное влеченье,
Скажите, мудрые, извѣстно ль стало вамъ,
Какимъ путемъ земля вкругъ солнца обтекаетъ,
И блѣдная луна, заимствуя свой свѣтъ,
Какъ образъ свой и ходъ въ часъ срочный измѣняетъ? —
Безмолвіе и вздохъ невольный — вашъ отвѣтъ.
Останься Аргонавтъ, безплодно утомленный,
И тщетнымъ плаваньемъ не возмущай морей.
Почто летѣть за тѣмъ въ предѣлы отдаленны,
Что̀ не постигъ Невтонъ въ обители своей?
Ты компасомъ своимъ вселенну измѣряешь,
Но тѣснаго угла той малыя земли,
Что̀ каждый мигъ стопой премудрой попираешь,
Постигнешь ли во всѣ урочны дни свои?
Я вижу предъ собой, въ искусствѣ васъ ничтожномъ,
Чертящихъ внѣшній видъ огромныхъ сихъ палатъ,
Въ его строеніи великомъ, многосложномъ —
Тамъ стѣны, тамъ углы черты изобразятъ....
Чудесныхъ совершенствъ сей образъ искаженный,
Плодъ тяжкаго для васъ и тщетнаго труда!
Ихъ внутренность отъ глазъ сокрыта навсегда.

Почто жъ отягощать стремленьемъ разумъ бренный
И мучиться трудомъ, въ которомъ пользы нѣтъ?
Я ль жалкаго сего безумца подражатель,
Который, устремясь въ опасный къ Этнѣ слѣдъ,
Пучины на краю, природы испытатель,
Погибъ отъ пламени и дерзости своей? ....
Но честолюбіе опаснѣй всѣхъ страстей.
Безсовѣстный судья, философъ лицемѣрный,
Кокетка съ скромною повязкой на челѣ,
Вельможа, на словахъ и въ дѣйствіяхъ невѣрный,
Подъ маскою влекутъ свой стыдъ по всей землѣ.
Сирены льстивыя, которымъ въ даръ носила
Неопытность моя свободу и покой,
Которыхъ и теперь еще не разлюбила,
И вашей хитрою ласкался я рукой,
И вы мнѣ съ нѣжною улыбкою твердили,
Что болѣе всего любовь мою цѣнили,
Что я вамъ .... цѣлый свѣтъ! полнъ страстною тоской,
Я вѣрилъ въ простотѣ безсмыслицѣ такой!
Но нынѣ снова въ миръ съ разсудкомъ я вступаю
И, падъ предъ алтари, боговъ моихъ взываю,
Да въ сладкую меня безвѣстность заключатъ,
И малымъ благъ числомъ счастливца оградятъ:
Да снова, призракомъ ничтожнымъ ослѣпленный,
Безумецъ не бѣжитъ отъ родины священной;
Да Дона на брегахъ спокойныхъ и златыхъ
Судятъ окончить жизнь расцвѣтшую на нихъ!

ДАФНИСЪ И НИСА.

—

Ниса съ Дафнисомъ разстались:
Часъ ужасный для любви!
Долго плакали, терзались
И любовь свою клали.
Дафнисъ Нисою плѣнялся,
Ниса Дафнисомъ жила;
Ахъ, вовѣкъ не разлучайся
Съ той, которая мила!
При послѣднемъ лобызаньѣ
Сиротѣющей любви,
Ниса въ трепетѣ, страданьѣ,
Клятвы въ вѣрности свои
Другу сердца приносила,
Нѣжно Дафниса молила,
Чтобы помнилъ онъ объ ней,
Чтобъ въ урочный часъ досуга
Представлять въ душѣ другъ друга
Потаенно отъ людей.
Вотъ ужъ Дафнисъ долгъ плачевный
Свято чтитъ въ странѣ чужой,
Поцѣлуи — рай душевный,
Шлетъ съ Зефиромъ въ край родной.
Вотъ и Ниса, въ часъ разлуки,
Усладить сердечны муки
И о миломъ погрустить,
Въ срокъ назначенный приходитъ,
И она Зефира молитъ
Вздохи къ милому носить.

День проходитъ, Нисa въ скукѣ
Вспомнитъ Дафниса идетъ,
И другаго ужъ въ разлукѣ
Утѣшенія зоветъ.
Нѣтъ посылки больше страстной,
И Зефиръ ужъ прочь летитъ
(Одного его ужасно
Поцѣлуями даритъ.)
День еще — и утѣшитель
Новый къ Нисѣ подлетѣлъ:
«Поцѣлуевъ будь носитель
Въ дальній къ Дафнису предѣлъ!»
Что же Дафнисъ? врагъ измѣны,
Такъ ли Нисѣ онъ платилъ? —
На колѣнахъ предъ Клименой,
Всякой часъ о ней твердилъ!

КЪ N. N.

ХВАЛИВШЕЙ СТИХИ МОИ.

Сколь сладостно душѣ поэта
Вниманье нѣжныя любви!
Что въ хладномъ удивленьи свѣта,
И въ плескахъ суетной молвы?
Мудрецъ въ немъ скупъ на одобренья,
Хвала невѣждъ тягчей презрѣнья:
Гласъ лести не даетъ вѣнца;
Одинъ твой взоръ, одно вниманье —

Вотъ слава твоего пѣвца
И всѣхъ наградъ его стяжанье!

Сколь жалокъ тотъ, кто пѣсней даръ
На жертву властолюбью носитъ,
И за единый сердца жаръ
Себѣ у Музъ безсмертья проситъ!
Пусть тщетной сей живетъ мечтой:
Болѣзнь души — она тревожитъ,
Но дней его совсѣмъ не множитъ,
Умретъ — и все покрыто мглой.

Другой, другой себя питаю
Сладчайшею наградой я,
Тамъ жить безсмертьемъ не мечтаю,
Гдѣ есть всему чреда своя,
Гдѣ все какъ метеоръ родится
На часъ блеснуть — и вѣкъ сокрыться.
Въ небесный вдохновеній мигъ
Я буду пѣть души забавы,
И тщетной не желая славы,
Лишь упоенье множить ихъ —

Срѣтать въ твоемъ свой пламень взорѣ
И, въ часъ божественныхъ отрадъ,
Которы угасаютъ вскорѣ,
Давать имъ въ пѣсняхъ жизнь стократъ,
Мечтать, уединясь съ тобою,
Сливаться пламенной душою,
Внѣ міра — и забвенны имъ.
Восторгомъ сердце преизбудетъ,

Мой гласъ его отзывомъ будетъ,
Пѣснь — наслажденіемъ вторымъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

(ПОДРАЖАНІЕ ЛЕОНАРУ.)

—

Блаженъ, кто, уклонясь отъ суетныхъ мечтаній,
Превратность испытавъ и свѣта и людей,
Съ симъ горькимъ опытомъ — сокровищемъ познаній,
Сокрылся въ мирну сѣнь родительскихъ полей!

И тамъ — съ безпечностью, довольствомъ огражденный,
Дыша свободою, любовію святой
И дружбой . . . . дней своихъ закатъ уединенный,
Проводитъ радостно въ безвѣстности златой!....

Обитель счастія, небесъ благословенье,
Гдѣ кроткіе дары прелестныхъ Музъ цвѣтутъ,
Безвѣстность, мудраго покой и наслажденье,
Какъ сладко онъ съ тобой проходитъ жизни путь.

. . . . . .

Пусть страшная война по всей землѣ горитъ;
Покоясь на груди своей подруги нѣжной,
Лишь восхищенія онъ пламенемъ объятъ!

Тамъ древъ густыхъ въ тѣни, потокомъ орошенныхъ,
Какъ сладко онъ поетъ блаженство дней своихъ!
Не зритъ ужасныхъ лицъ, порокомъ искаженныхъ,
И, злобныхъ испытавъ, бѣжитъ отъ сонма ихъ.

Не зная хитрости коварныхъ обольщеній,
Неправды, клеветы — дѣля съ однимъ собой
Веселье тайное своихъ благотвореній,
Онъ ближнимъ вѣрный другъ! онъ другъ добра прямой! —

Когда бъ мнѣ жребій сей послало Провидѣнье,
Съ зарею каждою къ Нему бы вознеслись
Мой пламенный восторгъ, мое благодаренье,
И чувства и дѣла въ хвалу бъ Его слились! ....

Тогда бъ, для радостей единыхъ пробужденный,
Другъ мирный поселянъ, на ближній холмъ спѣшилъ,
Чтобъ видѣть торжество природы обновленной
И тихой пѣснію Творца благовѣстилъ;

Иль, съ лирой скромною, склонясь подъ сѣнь дубравы,
Въ часъ ясный вечера, въ кругу своихъ друзей,
Я пѣлъ бы ихъ любовь, невинныя забавы
И сладко вспоминалъ веселье прошлыхъ дней!

Или, въ задумчивомъ, безмолвномъ наслажденьѣ,
Исполненъ пламенной къ Всевышнему хвалы,

Древъ внемля тихій шумъ, иль бурныхъ водъ паденье
Со грозной, надо мной нависшія скалы —

Дивился бъ красотамъ природы я чудеснымъ,
Вездѣ разсѣяннымъ всещедрою рукой,
Вездѣ равно благимъ, вездѣ равно прелестнымъ,
И съ лирой соглашалъ хвалебный голосъ мой!

Пусть всѣми позабытъ лишь вы бы мнѣ внимали,
О, милые друзья! и лирѣ бы моей,
Въ награду, вашъ вѣнокъ безцѣнный сплетали:
Онъ мнѣ дороже всѣхъ тріумфовъ и честей!

КЪ * * *

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, гонимъ своей судьбою,
Забытый отъ людей, въ нихъ жалости не зналъ,
Вотще бы ихъ смягчить хотѣлъ моей мольбою,
Но нѣжною бъ твоей любовью обладалъ!

Я бъ счастливъ былъ, навѣкъ забывши свѣтъ прелестный,
Пусть міра красоты исчезнутъ для меня,
Пускай въ степяхъ влачу свой жребій безъизвѣстный;
Но кроткая бъ, слѣпца, вела рука твоя!

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, всѣхъ благъ моихъ лишася,
И горечь нищеты и язвы бѣдъ позналъ;
Плодами скудныхъ силъ когда бъ съ тобой дѣляся,
Любви твоей ко мнѣ утратить не мечталъ.

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, увядши дней во цвѣтѣ,
Текъ медленно къ концу въ страданіяхъ своихъ;
Когда бъ, ужъ для всего безчувственный на свѣтѣ,
Вкушалъ бы сладкую отраду слезъ твоихъ!

Я бъ счастливъ былъ, когда бъ, ко смерти приближенный,
Впослѣдніе воззрѣлъ на небо и тебя;
Когда бъ мой хладный прахъ, слезами орошенный,
Изъ рукъ твоихъ навѣкъ пріяла бы земля!....

В. И. П....У,

КОТОРЫЙ ПРОСИЛЪ МЕНЯ НАПИСАТЬ СТИХИ ДЛЯ ЕГО АЛЬБОМА.

Твой добрый вызовъ понимаю:
Съ стихами — всѣмъ моимъ добромъ —
Я радостно себя вмѣщаю,
На память, въ милый твой альбомъ.
Давно обѣтъ другъ другу дали
Хранить поэты свой союзъ,

И чувства дружбы отличали
Всегда прямыхъ любимцевъ Музъ!
Порывомъ къ славѣ грудь ихъ бьется,
Живутъ стремленіемъ однимъ:
Такъ пламень съ пламенемъ сольется —
И сей союзъ неразрушимъ!
Своей стезей пойдемъ мы оба,
Жрецы младые Піэридъ!
Намъ святость Дружбы! — Зависть, злоба,
Для ревмачей однихъ эгидъ. —
Невинны нравы человѣка
Пѣть съ Геснеромъ не уставай,
И прелести златаго вѣка
Въ стихахъ своихъ напоминай!
Все дышетъ у сего поэта:
Пастухъ его — мудрецъ прямой —
И добрый Пастырь у Адмета
Будь покровитель вѣрный Твой!
Удѣлъ завидный! . . . . Вѣкъ намъ снова
Блаженства въ пѣсняхъ оживи. —
Ахъ, пѣсня вѣка золотова
Есть пѣсня счастливой любви!
Преемникъ милый Теокрита,
Ты смѣло въ слѣдъ его спѣши —
И лира будетъ незабыта
Съ безцѣнной прелестью души. —
Стихи готовы! для залога
Отдать ихъ дружества я радъ;
Хоть для альбома ихъ и много,
Но нынѣ *мерой* ихъ цѣнятъ.
Пускай, рукой моей внесенны,

Меня напомнятъ здѣсь тебѣ,
А если будутъ и забвенны —
Я ихъ завидую судьбѣ:
Они сокрылись — средь участья
Твоихъ друзей, твоихъ родныхъ,
Среди воспоминаній счастья
Невозвратимыхъ лѣтъ младыхъ,
Средь милыхъ сихъ произведеній,
Которыхъ видъ мой взоръ плѣнилъ,
Гдѣ въ шелковыхъ узорахъ, Геній
Искусство кисти помрачилъ,
И кои, съ нѣжностью, такъ мило,
На чистые сіи листы,
Въ залогъ священный, помѣстила
Рука Любви и Красоты.

КЪ КОРАБЛЮ.

Горація I книги XII ода: *o Navis! etc.*

Не вновь ли, о Корабль! добыча непогоды,
Ты мчишься по волнамъ и пѣнишь бурны воды?
Зачѣмъ не въ пристани ты держишься своей?
Иль мало испыталъ свирѣпости морей?
Ужъ веслы прочь летятъ! ужъ стонутъ крѣпки снасти,
И щогла, затрещавъ, распалася на части!

Куда безъ вѣтрилъ ты направишь свой полетъ?
Спасителей — боговъ съ тобою болѣ нѣтъ!

Смолистая корма готова сокрушиться
И, вихремъ вздутый валъ, къ ней съ смертію стремится!
Ни имя славное родной твоей страны,
Ни ребра, что изъ сосенъ понтійскихъ сплетены,

Испуганнымъ пловцамъ ничто ужъ не защита.
Коль милуетъ еще судьба тебя сокрыта —
Не будь въ бездѣйствіи! Ахъ! сколько горькихъ слезъ
И страха мнѣ, Корабль, недавно ты принесъ!
Брегись опасныхъ скалъ, брегись цикладской мели:
Могущи корабли отъ нихъ не уцѣлѣли.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Подражаніе Горацію.

Всему назначенъ срокъ, все время поглощаетъ,
Такъ Діемъ, Меценатъ, могущимъ, суждено;
Безсмертнаго въ себѣ міръ тлѣнный не вмѣщаетъ,
Начало бытія съ концемъ сопряжено.
Въ Родосѣ ль славимомъ, въ Ефесѣ ль, въ Митиленѣ,
Среди ль приморскихъ стѣнъ Коринѳа ты живешь:
Повсюду подлежишь погибельной премѣнѣ —

И всюду подъ косу губящую течешь.
Ни Ѳивы, Вакховъ градъ, ни Дельфы Аполлона,
Ни ѳессалійскихъ миръ долинъ;
Не скроютъ отъ руки всегубящаго Крона,
Подъ коею падутъ и рабъ и властелинъ,
И тотъ, кто быстрыми несомый въ бѣгъ конями,
Среди ристалища исхитить лавръ спѣшитъ,
Равняющій его съ богами,
Кто грузомъ кораблей Понтъ Черный бременитъ,
Съ ливійскихъ дань полей богатую сбираетъ
Расширя кто предѣлъ наслѣдственный отцовъ,
Чтитъ раболѣпственный поклонъ своихъ льстецовъ.
И черни плескъ себѣ неистовой внимаетъ —
И тотъ, кто, устранясь заботъ,
Ласкаемый сердечнымъ миромъ,
При шумѣ касталійскихъ водъ,
Поетъ, внимаемый кудрявыхъ рощъ Сатиромъ,
Иль сонмомъ легкихъ Нимфъ сплетенныхъ въ хороводъ:
Должны погибнуть всѣ! — таковъ законъ природы!
Отъемлетъ и даетъ рука ея равно!
Всѣмъ съ той же быстротой мелькаютъ дни и годы:
Въ дѣлахъ для смертнаго отличіе одно.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

ОПЕКУНЪ-СТИХОТВОРЕЦЪ.

(свистовъ, *входя на сцену, наталкивается на служанку, которая бѣжитъ, замышкавшись съ Дамономъ.*

. . . . . И вѣчно помѣшаютъ!
Лишь мысль счастливая и рнѳма мнѣ пришлась,
Дѣвчонка, въ бѣшенствѣ, какъ съ цѣпи сорвалась!
Въ какую приведутъ всегда меня въ досаду!
О, дорого стяжать поэтамъ здѣсь награду.
Пусть въ свѣтѣ думаютъ легко на этотъ счетъ,
А я — при мысли сей — меня бросаетъ въ потъ.
Во что мнѣ, напримѣръ, обходится творенье:
Сиди, потѣй, пиши, терзай воображенье,
Здоровье самое, въ мои къ тому жъ лѣта....
Но слава — но вѣнецъ — все прочее мечта!

ДАМОНЪ.

Могу ли честь имѣть усердья изъявленьемъ....

СВИСТОВЪ (*въ сторону*).

Тьфу къ чорту! я опять разстался съ вдохновеньемъ;
Благодарю, сударь!

ДАМОНЪ.

Вмѣнилъ себѣ я въ долгъ,
Пріѣхавъ, быть у васъ почтенія въ залогъ;
Давно, сударь, искалъ я случай драгоцѣнной,

Увѣрить васъ въ моей пріязни неизмѣнной —
И коль не отвлеку присутствіемъ моимъ....

СВИСТОВЪ.

Да, временемъ, сударь, мы много дорожимъ.

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

Не въ духѣ что-то онъ, но должно приласкаться!
(*къ нему*)
И я не менѣе: вѣдь не всегда удастся
Людей съ талантами, такихъ, сударь, какъ васъ,
Увидѣть при дворѣ, не только здѣсь у насъ,
И общее о васъ отличное толь мнѣнье....

СВИСТОВЪ.

Конечно о моемъ послѣднемъ сочиненьѣ
Хотите вы сказать —

ДАМОНЪ.

Такъ точно.

СВИСТОВЪ.

Очень радъ!
Хорошій знакъ, когда достоинства цѣнятъ.
И вы уже его, навѣрно, прочитали —
(*въ сторону*)
Такъ скоро одъ моихъ еще не раскупали!
Благодарю, сударь, благодарю за вѣсть.
И вамъ понравилось, вашъ вкусъ....Прошу присѣсть.

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

О, Небо! я его не знаю и названье....

СВИСТОВЪ.

Что лучше въ немъ для васъ?

ДАМОНЪ (*въ замѣшательствѣ*).

Что лучше?.... окончанье!
И всё, сударь, и всё — (не знаю какъ мнѣ быть!)
Прекрасные стихи возможно ль не хвалить?

СВИСТОВЪ.

За честь благодарю; но мнѣ бъ пріятно было
Узнать, особенно что въ нихъ васъ поразило?
Не правда ль сей порывъ восторга — планъ и ходъ?

ДАМОНЪ.

Такъ точно.

СВИСТОВЪ.

Вы, сударь, любитель, вижу, одъ.

ДАМОНЪ.

Люблю.

СВИСТОВЪ.

О! насъ провесть, поэтовъ, очень трудно;
Мы вкусы узнаемъ тотчасъ — вамъ это чудно —
Такъ точно вы, сударь, большой любитель одъ.
И самъ до крайности люблю я этотъ родъ.
Когда же истинныхъ вы лириковъ цѣните....

ДАМОНЪ.

Возможно ль не любить поэтовъ?

СВИСТОВЪ (*вспрыгивая*).

Обоймите!
Мой домъ и кабинетъ для васъ всегда открытъ.

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

Начало доброе!

СВИСТОВЪ.

Иной нашъ братъ, пишетъ, —
Конечно, и у насъ въ Россіи есть поэты, —
Все пишетъ пѣсенки, посланья, да сонеты.
Я этотъ мелкой вздоръ, признаться, не люблю:
И къ славѣ проложилъ самъ новую стезю.
Тѣ пишутъ попросту, въ нихъ все обыкновенно:
Читаешь — тотъ языкъ, что слышишь повседневно,
И, такъ сказать, за умъ никакъ не заберетъ;
Но истинный поэтъ — хотъ что онъ и совретъ,
За то для простяковъ не можетъ быть понятнымъ,
И вотъ что я зову наитьемъ благодатнымъ.
Не правда ли, сударь?

ДАМОНЪ.

По мнѣ, поэта долгъ,
По крайности понять его чтобъ всякой могъ.

СВИСТОВЪ.

О, нѣтъ; вы судите согласно съ общимъ мнѣньемъ,
Я это доказалъ однимъ стихотвореньемъ.
Какъ всякому понять? Когда признаюсь вамъ,
Нерѣдко самъ дивлюсь я собственнымъ стихамъ,
И кончивъ вечеромъ иное сочиненье,
Мое ли, поутру, не вѣрю въ восхищеньѣ;
И, чтобы точно знать, что я его писалъ,
Велю, чтобъ секретарь за мною примѣчалъ.

ДАМОНЪ.

Вы, должно быть, поэтъ единственный межъ нами.

СВИСТОВЪ.

Да, эти сѣдины я нажилъ надъ стихами.
Для славы согражданъ писать не устаю;
Но, къ сожалѣнію, отъ васъ не потаю,
Цѣнить достоинства не знаетъ свѣтъ коварный,
И даже, признаюсь, о вѣкъ неблагодарный!
Лишь только выпустилъ стихи мои въ печать,
Чуть-чуть мнѣ не пришлось изъ города бѣжать:
Съ такою злобою повѣсы и нахалы
Насмѣшками о нихъ наполнили журналы —
Читателямъ терпѣть не должно бъ сихъ листовъ!
Не только не щадятъ ни званья, ни трудовъ,
Но скаредный такой ввели обычай въ моду,
Что мнѣ, пѣвцу, въ глаза смѣются какъ уроду!
Но зависть презирать издѣтства я привыкъ.
Вы любите стихи — божественный языкъ —
И съ вами сей же часъ злыхъ критиковъ забуду —
Позвольте (*беретъ ужаскую кипу*) притащу я маленькую груду —
Здѣсь классъ лирическій ....,

ДАМОНЪ.

О, Боже! что со мной?

СВИСТОВЪ.

Вы удивляетесь? а это сортъ другой:
Вязанка полная сокровищъ Аполлона,
И притчей, кажется, почти до милліона!
Вы не повѣрите какъ легокъ этотъ родъ;
Здѣсь все комедіи ....

ДАМОНЪ (*въ сторону*).

Тиранъ и сумасбродъ!

СВИСТОВЪ.

Но это все ничто предъ этой кипой славной.
Здѣсь всѣ: Корнель, Расинъ и самъ Вольтеръ забавный!
Вотъ троиъ, сударь, вотъ троиъ, на коемъ вижу я
Во всякомъ критикѣ ничтожнаго враля!....

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

МИЛОНОВА.

	стр.
Нина (отрывокъ изъ поэмы Надежда)	9
Къ Рубеллію (сатира I.)	15
Къ другу	18
Паденіе листьевъ	22
Къ Луказію (сатира II.)	23
Весна Тибулла	29
Похвала сельской жизни	31
Къ Юности	33
Къ Сильвіи	36
Къ Лилѣ	38
Договоръ со смертью	—
Къ моему разсудку (сатира III.)	42
Мечь на могилѣ друга	49
Уныніе	51
Къ Патріотамъ	55
На пляску Д.	57
На ея жъ скоропостижную смерть	58
На свиданіе съ А.	59
Иридонскій ключъ	62

стр.
Эльвирино поздравленіе самой себя съ новымъ годомъ 63
Къ колыбели сиротки 65
Къ сестрѣ моей. 67
Мать-убійца. 70
Выздоровленіе. 74
Надгробная молодой женщинѣ. 78
Идиллія . . . . . —
Монастырь 80
Бѣдный поэтъ. 84
Спутники жизни 90
Мысли при гробѣ кн Кутузова-Смоленскаго 92
На модныхъ болтуновъ (сатира IV). 93
Стихи, написанные во время бала, бывшаго въ Московскомъ благородномъ собраніи. 96
На кончину Державина. 98
Освобожденные плѣнники 100
Надписи. 104
Эпитафіи 105
П. А. Никольскому 106
Къ Неерѣ 108
Мадригалы 109
Прощаніе казака 110
На женитьбу въ большомъ свѣтѣ (сатира V) 111
Къ В. А. Жуковскому. 119
Пловецъ. 122
Къ П. А. Ш....у. 123
Пѣснь па торжественное бракосочетаніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны. 124
На всерадостнѣйшее срѣтеніе Е. И. В. 128
Къ И. М. Ф....у 130
На истребленіе Наполеоновыхъ армій въ Россіи. . . 133
Надпись къ бюсту Е. И. В. 138
Посланіе къ земледѣльцамъ. 139
Блаженство. 143

стр.
Отрывокъ изъ Луциліевой сатиры (сатира VI) . . . 145
Къ А. П. Б....ой 147
Къ Барду 155
Мечта 156
К. Д. В....ой 158
Къ Н. Ѳ. Г....у 159
Дафнисъ и Ниса 164
Къ N. N. 165
Счастливецъ 167
Къ * * * 169
В. И. П....у 170
Къ Кораблю 172
Къ Меценату 173
Отрывокъ изъ комедіи 175

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 25 Января 1849 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

СОЧИНЕНІЯ

СУДОВЩИКОВА.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

СУДОВЩИКОВА.

I. Неслыханное диво, или честной секретарь; комедія.
II. Опытъ искусства, комедія.

НЕСЛЫХАННОЕ ДИВО,

ИЛИ

ЧЕСТНОЙ СЕКРЕТАРЬ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Кривосудовъ, недавно пожалованный въ Предсѣдатели.
Милена, дочь его.
Прямиковъ, ротмистръ, двоюродный братъ Кривосудова и крестный отецъ Милены.
Правдинъ, Секретарь.
Крючкострой, поручикъ полицейской службы.
Стрѣла, дѣвка Миленина.
Проворъ, слуга } Кривосудова.
Асмодей, дворникъ }
Полицейскіе.

Дѣйствіе въ городѣ, въ домѣ Кривосудова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ кабинетъ Кривосудова. — На столѣ множество бумагъ. Кривосудовъ, сидя за онымъ, читаетъ записку. — На другой сторонѣ Проворъ, опершись о стулъ, дремлетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

КРИВОСУДОВЪ (*подумавъ*).

Сегодня и сговоръ! ...пожалуй, все равно,
Зачѣмъ откладывать? пора бы и давно,
Коль правду говорить, спехать мнѣ съ рукъ Милену.
Я въ ней великую примѣтилъ перемѣну:
Всегда задумчива, всегда почти въ слезахъ —
Не даромъ это все! — Она въ моихъ глазахъ
Теперь, какъ кажется, совсѣмъ переродилась.
Не ужели она въ кого-нибудь влюбилась?....
Быть можетъ. — Нынѣча уже въ двѣнадцать лѣтъ
Приходитъ дѣвушкамъ на умъ любовный бредъ:
Всѣ въ матушки хотятъ... Какіе стали годы!
Всё просвѣщеніе, да дьявольскія моды
Причиною тому. — Они въ нихъ портятъ кровь.
Затѣйщика того, кто выдумалъ любовь,

Кнутомъ бы безъ суда!—Онъ много сдѣлалъ злова.
Нѣтъ, мѣшкать нечего, не вышло бы худова. —
Проворъ! .... Проворъ! ... Что, ты уже опять и спишь?

ПРОВОРЪ *(протирая глаза.)*

Кто? — я? .... никакъ, сударь.

КРИВОСУДОВЪ.

Кому жъ ты говоришь?
Я развѣ не видалъ, какъ стоя ты качался.
Съ похмѣлья, видно, братъ?

ПРОВОРЪ *(въ сторону.)*

Опять ужъ разворчался.
Теперь не быть пути, пойдетъ брюзжать весь день.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, счастливъ только ты, что встать теперь мнѣ лѣнь!

ПРОВОРЪ *(въ сторону.)*

Не што.

КРИВОСУДОВЪ.

Уймешься ль ты?

ПРОВОРЪ.

Да я, сударь, ни слова.

КРИВОСУДОВЪ *(грозя.)*

Добро жъ ты, мерзкой плутъ! — Мошенника такова
Видалъ ли въ свѣтѣ кто? — Съ тобою мнѣ бѣда! —
Поди, разбестія, пошли мнѣ дочь сюда.

(Проворъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ.*)

Ну, кажется, совсѣмъ окончилъ это дѣло! —
На свадебной расходъ довольно прилетѣло.
Хоть правда, что душей маленько и вильнулъ,
Но что же тутъ бѣды? пятьсотъ наличныхъ сдулъ,
И слѣдственно я чистъ. — Понеже наши правы,
Сирѣчь всеобщіе судейскіе уставы
Искони бѣ гласятъ: гдѣ можно, такъ лупить!
То слѣдуетъ ли сей законъ переступить
Тому, кто присягалъ хранить законы строго?
О! правъ конечно я, и правъ я очень много!
(*съ восхищеніемъ*) (*удивительно*)
Пятьсотъ рублевиковъ! — и все серебрецомъ!
Не ложно говорятъ: товаръ продать лицомъ;
А дѣльцо смастерилъ я подлинно что чисто.
Душой радъ помогать, гдѣ только серебрецо,
И быть защитой всѣхъ, кто бъ деньги ни давалъ.
Какія честныя я правила избралъ!
Дивлюся самъ себѣ....

=

ЯВЛЕНІЕ III.

КРИВОСУДОВЪ и МИЛЕНА.

МИЛЕНА.

Что, батюшка, угодно?

КРИВОСУДОВЪ.

Поговорить съ тобой — теперя мнѣ свободно. —
Что ты работаешь?

МИЛЕНА (*притворно.*)

Платокъ я шью себѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Не худо. — Милушка! что сдѣлалось тебѣ?
Печальна что-то ты?

МИЛЕНА (*притворно.*)

Печальной вамъ кажуся? —
Мнѣ очень это жаль. — Но нѣтъ, я вамъ божуся,
Что я не чувствую печали никакой;
Причиною тому нравъ, можетъ, тихой мой,
А впрочемъ, весела.

КРИВОСУДОВЪ.

Съ такими-то глазами
Веселье дѣлу рядъ

МИЛЕНА (*въ смятеніи.*)

То правда!.... я съ слезами
Глядѣла лишь теперь на матушкинъ портретъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Десятой годъ уже её на свѣтѣ нѣтъ!
Такъ поздно вздумала теперь о ней ты плакать. —
Нѣтъ! — это пустяки изволишь ты калякать.
Скажи-ка правду мнѣ: другое что-нибудь
Причиной слезъ твоихъ.

МИЛЕНА.

Оно терзаетъ грудь
Несчастной дочери! — Какъ матушка скончалась,
Вы знаете, тогда велика ль я осталась.
Ребенкомъ будучи, не смысля ничего,
Могла ли знать тогда лишалась я кого?

Могла ли чувствовать потери сей я цѣну?
Но въ возрастѣ теперь не мучитъ ли Милену? ....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Такъ! — резонабельно! — отвѣтецъ хоть куды.
Да нѣтъ, не проведешь — оставь свои труды.
Сказать ли про твои, сударушка, печали?
У насъ такъ въ старину, бывало, примѣчали:
Коль плачетъ дѣвушка, такъ это знакъ такой,
Что замужъ хочется. — Не правда ли, свѣтъ мой?

МИЛЕНА (*потупя глаза.*)

Объ этомъ помышлять въ мои мнѣ рано лѣта.

КРИВОСУДОВЪ.

О! это пустяки; — да слезки-та примѣта
Пресправедливая. — Послушай, жизнь моя!
Ты видишь, къ старости ужъ очень близко я:
Такъ хочется и мнѣ скорѣй тебя пристроить
Къ мѣстечку теплому, себя чтобъ успокоить.
У насъ есть женишокъ предоброй человѣкъ,
Притомъ весьма богатъ; въ довольствѣ цѣлой вѣкъ
Ты можешь съ нимъ прожить; — изрядненькаго чина,
И, впрочемъ, подлинно во всемъ уже дѣтина!
То я тебя прошу, Миленушка мой свѣтъ!
Прими ты отъ меня родительской совѣтъ
И объяви свое къ замужству мнѣ хотѣнье;
А я тебѣ даю мое благословенье. —

МИЛЕНА.

Горячность вашу чту всегда въ большой цѣнѣ;
Благодарю, что вы печетесь обо мнѣ.
Въ угодность дѣлать вамъ за долгъ себѣ считаю;

Но прежде лишь о томъ узнать отъ васъ желаю:
Кого вы избрали моимъ супругомъ быть?
Съ чьимъ сердцемъ я свое должна совокупить?
(*въ сторону.*)
Но нѣтъ уже его!

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ въ полицейской службѣ:
Поручикъ Крючкострой — со мною въ тѣсной дружбѣ,
И прямо я скажу, что онъ пріятель мой.
Не молодъ, правда, онъ, но человѣкъ честной.
Ты знаешь вѣдь его — ну тотъ, что въ прошломъ годѣ
Глазъ выкололъ себѣ у насъ на огородѣ.
Ну вотъ, Миленушка! онъ сватаетъ тебя.

МИЛЕНА (*рѣшительно.*)

Я, батюшка сударь, премного васъ люблю,
(*въ сторону.*)
Должна признаться вамъ.... Но нѣтъ, я страсть сокрою.
(*ему.*)
О! въ этомъ, можетъ быть, я васъ обезпокою:
Рѣшиться на это никакъ не соглашусь;
Къ замужству приступить, по чести, я страшусь.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну вотъ тѣ на ещо! — Замужство не опасно;
Не слушай, душенька, болтаютъ все напрасно;
Чего бояться тутъ? — Лишь больно въ первый разъ
Разстаться съ батюшкой; а тамъ пройдетъ тотчасъ
И скука и печаль.

МИЛЕНА.

Но доложить вамъ смѣю:
Я склонности къ нему ни малой не имѣю,
И словомъ вамъ скажу....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Что все изволишь врать.
Какого жениха еще тебѣ желать?
И денегъ, и ума, ну слышишь ли? палата.

МИЛЕНА.

Ничто не нужно мнѣ! — Уже ль я виновата,
Что онъ противенъ мнѣ и сердцу моему?
Прошу васъ, батюшка! скажите вы ему,
Что я его.... или скажите, что угодно;
Избавьте лишь меня!

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ; мнѣ не благородно,
Давъ слово, отказать.

МИЛЕНА.

Но сжальтесь надо мной,
И разсудите вы: бракъ, узелъ сей святой,
Связующій сердца, какъ можетъ, по неволѣ
Свершася, счастливъ быть?

КРИВОСУДОВЪ.

А тутъ-то вѣдь и болѣ
Бываетъ счастія. — Ну гдѣ тебѣ все знать?
Ты вздоры лишь одни изволишь затѣвать.
Да я тебѣ скажу: я этакъ самъ женился
На матери твоей. — Два года волочился
Къ ней всякой Божій день. — Отецъ согласенъ былъ,

Чтобъ выдать за меня: меня онъ полюбилъ.
Но дѣло прошлое — я чарочки держался....
Покойникъ бы мой тесть и за этимъ не гнался;
Онъ также испивалъ. — Бывало, закуримъ,
Такъ цѣлой мѣсяцъ сплошь лишь только пьемъ,
да спимъ.
Но мать карячилась....и дочь уговорила
Нейтить чтобъ за меня; такъта все волкомъ выла,
И словомъ, наконецъ, сказала наотрѣзъ,
Что ей за мной не быть. — Великъ сей былъ
процессъ!....
Но какъ то бъ ни было, насильно обвѣнчали
Покойницу со мной. — Съ того дня и печали
Прошли всѣ у нея, — да жили тридцать лѣтъ;
И дай Богъ всякому такой въ любви совѣтъ.
Бывало, нечего, порядкомъ потаскаю,
А послѣ, погодя немного, приласкаю:
Идетъ, голубушка, и сердца нѣтъ у ней.
Такъ вотъ, Миленушка! ты съ матери своей
Должна примѣры брать. — Да кто и это знаетъ?
Быть можетъ, что тебѣ Богъ счастье посылаетъ.
Ты будешь жить за нимъ да цвѣсть, какъ маковъ
цвѣтъ.
Злодѣй ли я тебѣ?....худой ли далъ совѣтъ?
Послушайся меня и дай свое рѣшенье!

МИЛЕНА.

Возьмите, батюшка! хоть это въ уваженье,
Что слишкомъ онъ ужъ старъ: одна неравность
лѣтъ
Въ немъ можетъ поселить въ ревнивости предметъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ты будь ему вѣрна.

МИЛЕНА.

Безъ всякія причины
(*заплакавъ*)
Могу я въ вѣкъ страдать. — За что я отъ судьбины
Гоненіе терплю? . . . .

КРИВОСУДОВЪ.

Не льзя ли перестать? . . . .
Сама не знаешь, что изволишь ты болтать . . . .
Скажи пожалуй мнѣ: ну, какъ не безразсудно
Грустить о будущемъ? Мнѣ право это чудно!
Однакожъ ты теперь, Миленушка, поди;
Совѣтую тебѣ: подумай, разсуди;
А между тѣмъ изволь порядочно убраться:
Сегодня въ вечеру вамъ должно обручаться.
Женихъ въ осьмомъ часу сговоръ назначилъ свой;
Повѣрь ты мнѣ, мой другъ, что слюбится самой. —
Поди; а я приду тотчасъ послѣ обѣда;
Поди, любезная! . . . .

МИЛЕНА (*въ сторону.*)

Не будетъ въ вѣкъ побѣда
Надъ сердцемъ влюбленнымъ.

(*уходитъ*)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ*)

Нѣтъ! въ горести она!
Быть больше нечему: конечно, влюблена.

Любовь причиною и слезъ ея и страху;
Навѣрное, любовь — дамъ голову на плаху!
(*размышляя*)
Въ кого жъ влюбиться-то? .... Тутъ надо тайнѣ быть! —
Придумать не могу, какъ это бы открыть ....
Да полно, что смотрѣть на модную горячку;
Пожалуй тѣшь ее — ей будетъ все въ потачку;
И можно ль слушать то, что дѣвка говоритъ? ....
О, нѣтъ! рѣшился я отдать — такъ вотъ и квитъ.
Поплачетъ дней пятокъ, да этимъ не убудетъ;
А мужа полюбить привычка попринудитъ. —

ЯВЛЕНІЕ V.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ, а послѣ ПОДРЯДЧИКЪ.

ПРОВОРЪ (*при входѣ.*)

Подрядчикъ ждетъ, сударь.

КРИВОСУДОВЪ.

Пошли его сюда.

ПРОВОРЪ.

(*рукою даетъ знакъ, отворивши дверь. — Подрядчикъ входитъ*)

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланяясь въ поясъ у дверей.*)

Я вашей честности надѣлалъ тму труда.

ПРОВОРЪ.

О! .... честность наша спитъ; за ней не много дѣла.

ПОДРЯДЧИКЪ (*подходя ближе, продолжаетъ*)

Но слыша правды гласъ.... (*не договоривши кашляетъ*)

ПРОВОРЪ (*подхватя, говоритъ Подрядчику*)

Она ужъ онѣмѣла:
Ну! что ты лжешь?

ПОДРЯДЧИКЪ (*еще подойдя къ Кривосудову, который, не слыша ихъ разговора, не переставалъ писать*)

И такъ осмѣлился приттить,
Съ покорностію васъ всещедраго трудить
О выдачѣ должку.

КРИВОСУДОВЪ (*гордо*)

А сколько за казной?

ПОДРЯДЧИКЪ (*вынявши изъ запазухи бумагу говоритъ по ней*)

Оставшихъ тысяща; да нынѣшней весной
Дрова я поставлялъ — за то мнѣ девятьсотъ.—
Четыреста додать еще за прошлый годъ.—
Да по взнесенному мной счету къ вамъ въ Палату
Я долженъ получить седьмьсотъ еще въ уплату;
А вкратцѣ объявить: три тысящи какъ разъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Подпишемъ завтра же для выдачи указъ;
Явись поранѣе!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Въ присутство — иль....

КРИВОСУДОВЪ (*перехватываетъ*)

Конечно!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Благодарю тебя, отецъ мой! всесердечно.
Въ вѣкъ богомолецъ я съ дѣтями и съ женой,
И всепреданнѣйшій до гроба рабъ я твой.

(*кланяясь. хочетъ итти вонъ.*)

ПРОВОРЪ (*останавливая*)

Не думаешь ли, братъ, свернуться здѣсь на балахъ?

ПОДРЯДЧИКЪ.

Скажите, нужда здѣсь въ какихъ матеріялахъ?

ПРОВОРЪ.

Какой же ты простакъ! — вѣдь здѣсь Судейской домъ —
Что хочешь, то неси; отказу нѣтъ ни въ чёмъ.

ПОДРЯДЧИКЪ (*почесавъ голову, вынимаетъ бумажникъ и покуда развязываетъ*)

Нѣтъ, видно финтами опять не отвиляться.
Приходитъ съ сотенкой, хоть жаль, да разставаться!
Ой праведны судьи! вотъ тутъ-то ужъ вы мнѣ.

(*показывая на макушку*)

Попробуй же не дать, такъ погостишь въ тюрьмѣ:
Резонты подведутъ. — (*подходитъ съ бумагою*) Всещедрый благодѣтель!

Я дерзость возъимѣвъ — за вашу добродѣтель,
Осмѣлюся ли вамъ представить сей презентъ?
(*подаетъ*)

КРИВОСУДОВЪ (*разверня*)

О! о!....да это, братъ, исправной документъ;
Спасибо.

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланялсь*)

Не на чемъ — прошу не прогнѣвиться.

КРИВОСУДОВЪ.

Да что же ты стоишь? Изволь-ка здѣсь садиться.
(*показываетъ подлѣ себя*)

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланялсь*)

Не въ трудъ и постоять.

КРИВОСУДОВЪ.

Пожалуйста садись:
Со мною на чинахъ, прошу, не обходись;
Терпѣть ихъ не могу.

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланялсь*)

Доволенъ вашей честью.
(*садится*)

КРИВОСУДОВЪ.

А я горюю все — Слугу послалъ къ помѣстью,
Чтобъ выслали сюда запасу и оброкъ:
Дождаться не могу. — Давно, давно бы срокъ
Оттудова ему, канальѣ, возвратиться;
Пропалъ — и слуху нѣтъ — Не можно надивиться,
Куда дѣвался онъ!....

ПРОВОРЪ (*въ сторону*)

Какія пули льетъ!

КРИВОСУДОВЪ (*продолжая*)

А у меня теперь всего недостаетъ:
Ни масла, ни крупы — муки хоть бы пылинка;
А въ домѣ ѣсть хотятъ и люди и скотинка;
На рынкѣ дорого — не знаю какъ и быть!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Въ причинахъ таковыхъ мы можемъ пособить,
Буде въ угоду вамъ.

ПРОВОРЪ (*въ сторону*).

На силу догадался!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Я въ случаяхъ торга доселѣ обрѣтался:
Продукты оные имѣются у насъ;
Заутра жъ предъявимъ — лишь только бы указъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Заутро, братецъ, вѣдь судейское есть слово;
А у просителей, чтобъ было вмигъ готово.
У насъ такъ водится.

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланяясь*)

Инъ буди ваша власть;
Севодни жъ сообщимъ. — (*въ сторону*) Чтобъ въ адъ тебѣ попасть!....
Хоть несомнѣнную надежду въ васъ имѣю,
Но объ указцѣ-то напомянуть вамъ смѣю.

КРИВОСУДОВЪ.

Все будетъ сдѣлано — все завтра же рѣшу;
Надѣйся на меня.

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланялсь*)

Прощенія прошу (*идетъ*)

КРИВОСУДОВЪ (*въ сльдъ*)

Впередъ ходи ко мнѣ; — а я твоимъ слугою.

ПОДРЯДЧИКЪ (*обернувшись*)

(*громко*) (*тихо*)

Дай Богъ!.... Чтобъ не бывать вовѣкъ здѣсь ни ногою.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

КРИВОСУДОВЪ (*не вслушавшись.*)

Что онъ сказалъ, Проворъ?

ПРОВОРЪ.

Онъ очень хвалитъ васъ.

(*особливо*)

Еще къ намъ гость идетъ.— Да этотъ не по насъ...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и ПРАВДИНЪ.

КРИВОСУДОВЪ (*увидя Правдина, въ сторону.*)

Не будетъ ли въ карманъ еще какой добавки!

(*ему*)

Что это за дѣла?

ПРАВДИНЪ.

Рапортъ принесъ и справки....

КРИВОСУДОВЪ (*взявъ*).

(*съ сердцемъ бросаетъ на столъ*)

О, это пустяки! — Прочти тко!

(*даетъ бумагу.*)

ПРАВДИНЪ (*читаетъ, показываетъ пантомимами удивленіе, — и кончивши отдаетъ назадъ бумагу*)

Что тутъ напротивъ все! — По чести, признаюсь,
Не въ силахъ я понять, что это за рѣшенье!

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ чтожъ диковины? и что за удивленье?

ПРАВДИНЪ.

Нельзя не быть того! — тутъ правой обвиненъ.

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Такъ было надобно. — Проворъ! поди ты вонъ.

(*Проворъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КРИВОСУДОВЪ и ПРАВДИНЪ.

КРИВОСУДОВЪ

Имѣвши къ этому преважную причину,
Я принужденнымъ былъ....

ПРАВДИНЪ (*перебивая.*)

Притворственну личину

Прошу васъ снять съ себя, — откройтесь луч-
ше вы.
Я знаю въ свѣтѣ, что причины таковы
Отнюдь не могутъ быть, которы бъ оправдали
Неправедность суда.

КРИВОСУДОВЪ.

Ой эти мнѣ морали!....
Да я ее имѣлъ — и вѣрно докажу
Причину ясную; ну хочешь ли скажу?

ПРАВДИНЪ.

Чрезмѣрно бъ я желалъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Лишь вотъ чего боюся,
Чтобъ ты не разболталъ.

ПРАВДИНЪ.

Коль въ этомъ обличуся —
Я буду виноватъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Я взялъ пятьсотъ рублей —
Что скажешь на сіе?

ПРАВДИНЪ (*въ сторону.*)

О, гнусна страсть судей!
(*ему*)
Стыдитеся, сударь! на деньги долгъ мѣняя,
Злодѣйства защищать, невинныхъ утѣсняя,
И правосудіе столь нагло продавать!

КРИВОСУДОВЪ (*съ усмѣшкою.*)

Нѣтъ больше барыша, какъ этимъ торговать.

ПРАВДИНЪ.

А совѣсть?....

КРИВОСУДОВЪ.

А пятьсотъ?....

ПРАВДИНЪ.

Одно другова стоитъ!
Неужто васъ она совсѣмъ не безпокоитъ,
Бывъ нашихъ дѣлъ всегда престрогій судія?

КРИВОСУДОВЪ.

Пусть разсуждаютъ-то другіе, а не я,
Ума кто въ головѣ своей имѣетъ слишкомъ;
А я сужу своимъ посредственнымъ умишкомъ,
Что совѣсть лишь нужна монахамъ, да попамъ,
А прочимъ лишнее, а особливо намъ.
Нашъ братъ въ законахъ знай секретное искусство;
А совѣсть для судьи совсѣмъ не нужно чувство:
До ней намъ дѣла нѣтъ.

ПРАВДИНЪ.

Возможно ль мыслить такъ?

КРИВОСУДОВЪ.

О, безъ сомнѣнія, — и всякой тотъ дуракъ,
Кто иначе живетъ и совѣсти стыдится.
Божусь, что сей расчетъ ни къ чорту не годится.
(*съ язвительною усмѣшкою.*)
Съ котомкою пойдешь! — Позвольте васъ спросить:
Вы съ вашимъ разумомъ изволили нажить
Великъ ли капиталъ?

ПРАВДИНЪ.

То правда, что я бѣденъ;
Но тутъ порока нѣтъ: я обществу не вреденъ,
И тысячъ не имѣвъ, не слышу и укоръ;
Спокоенъ завсегда; не скажутъ, что я воръ.
Имѣя нужное, богатствъ не домогаюсь:
Богатство въ чести я снискать себѣ стараюсь.

КРИВОСУДОВЪ (*съ усмѣшкою*).

Ты пой что хочешь тутъ, — а нашъ такой формать:
Бери да прячь концы — не будешь виноватъ.
Межъ насъ будь сказано, не въ выносъ, по секрету:
Кто за пятьсотъ рублей, за чистую монету,
Не будетъ въ свѣтѣ я?

ПРАВДИНЪ.

Въ комъ чистая душа.

КРИВОСУДОВЪ.

Да ею торговать не грѣхъ для барыша.

ПРАВДИНЪ.

Презрѣнной мысли сей вамъ должно устрашаться,
Возможно ль подлою корыстью обольщаться
Тому, кто призванъ былъ Правителемъ суда,
Для отвращенія всеобщаго вреда:
Который долженъ быть недремлющее око,
Стараясь проникать въ сердца людей глубоко,
Чтобъ въ темныхъ случаяхъ правдиво различить,
Невинность оправдать, а злобу обличить? —
Случается, что насъ несчастіе въ пороки
Ввергаетъ иногда....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Да развѣ ты уроки
Пришелъ мнѣ задавать?

ПРАВДИНЪ.

Никакъ, я не учу;
Но разговоръ....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Такъ знай: я слушать не хочу.
Мнѣ Богословіи ужъ поздно обучаться.
Поди-ко — да изволь ты лучше постараться,
Окончать тѣ дѣла, что я къ тебѣ прислалъ.

ПРАВДИНЪ (*отходя.*)

Готовы будутъ всѣ....

КРИВОСУДОВЪ (*начиная писать, говоритъ въ слѣдъ.*)

Да мѣсячной журналъ
Пришли.

ПРАВДИНЪ.

Избѣгну ль я несчастія такова?
Любовь велитъ здѣсь быть (*уходитъ.*)

ПРОВОРЪ (*показывается.*)

КРИВОСУДОВЪ (*оглянувшись, Провору.*)

Пошли ко мнѣ хромова!

ЯВЛЕНІЕ IX.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ за слѣдъ Правдину.*)

Вотъ Академіи Россійской это плодъ!
Вотъ учатъ тамъ чему! — Ну .... все на оборотъ!
(*усмѣхаясь*)
Изъ чести онъ себѣ сбираетъ капиталецъ! ....
Съ расчетомъ этакимъ вмигъ будешь голъ какъ палецъ.
Ой эта честь! .... нынъ бываешь ты жестка!
Чиновъ съ три пропасти, а хлѣба ни куска.
Изъ нашей братьи есть весьма такихъ довольно:
Да кто имъ виноватъ? — страдаютъ добровольно.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

КРИВОСУДОВЪ, ПРОВОРЪ и АСМОДЕЙ.

АСМОДЕЙ (*въ холстинномъ пестромъ халатѣ и въ колпакѣ.*)

Чево прикажетё?

КРИВОСУДОВЪ (*переставъ писать, встаетъ.*)

А вотъ тебѣ приказъ:
Я ѣду со двора, и вѣрно черезъ часъ,
Иль много черезъ два опять домой я буду:
А ты смотри, будь здѣсь.

АСМОДЕЙ (*перебивая*).

Да снѣгу-та мнѣ груду
Когда жо? ....

КРИВОСУДОВЪ.

Слышишь ли, что здѣсь ты всё сиди,
И вонъ ты у меня на пядь не уходи;
Лишь дѣлай, что велятъ. — Проворъ! дай шляпу, шпагу;
А какъ просители....

АСМОДЕЙ (*перебивая.*)

Я этто спать залягу.

КРИВОСУДОВЪ (*перехватывает съ сердцемъ.*)

Ахъ, ты мошенникъ! воръ! на что же спать-то лечь?
Попробуй хоть вздремать — велю тебя разсѣчь,
Хромую бестію! — и остальную ногу
Велю переломить — а послѣ и въ дорогу,
Въ Сибирь мошенника!

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Обѣихъ бы туда
Давно пора! (*потомъ подаетъ Кривосудову шляпу, шпагу и пр.*)

АСМОДЕЙ (*сквозь слезы.*)

Теперь пришла моя бѣда!
Не знаю, какъ ужъ жить! — тебѣ ль я не радѣю?
Служу осьмнадцать лѣтъ — ты вотъ что Асмодею
За службу посулилъ.

КРИВОСУДОВЪ (*смягчаясь.*)

На что же спать-то, плутъ?....

АСМОДЕЙ (*плачетъ.*)

Захочешь, нечево, какъ съ полночи пырнутъ
Во всѣ тебя дыры, — какъ хочешь пробивайся!
То съѣзди по воду, то въ кухнѣ управляйся...
И дровъ-то наруби, и печки истопи,
На рынокъ ты жъ сходи, харчу тамъ закупи.
Поди-ко за меня другой кто такъ отдуйся,
Во весь денёчекъ ты, какъ угорѣлой суйся.
Въ конюшнѣ вычисти, — кострюли перемой.
Приходитъ только мнѣ, что объ печь головой!

КРИВОСУДОВЪ.

Да перестанешь ли? ужъ слишкомъ ты заврался.

ПРОВОРЪ.

На это онъ гораздъ.

АСМОДЕЙ (*Провору.*)

А ты что привязался?
Ой ты, Проворушка! взгляникo на себя —
Хорошъ братъ вѣдь и ты!....

ПРОВОРЪ.

Ужъ, вѣрно, не въ тебя,
Что ты расхвастался. — Не лёгкая работа!

АСМОДЕЙ.

Нешто вѣдь толковать! ты звѣзды со полёта
Хватаешь....

КРИВОСУДОВЪ (*во все сіе время прицѣпляя штану; потомъ, грозя имъ тростью*)

Я помирю! — вотъ пикни хоть одинъ!
Забыли развѣ вы что здѣсь вашъ господинъ?

Ну смѣете ль при мнѣ вы, бестіи, браниться?
(*Асмодею*)
А ты зачинщикъ всё....

АСМОДЕЙ.

Проворъ вѣдь хоробрится;
А я.... (*слышенъ стукъ по крыльцу.*)

КРИВОСУДОВЪ (*Провору*)

Смотри, кто тамъ? *Проворъ, выглянувъ въ дверь.*)
Кто съ чѣмъ пришолъ, скажи.

ПРОВОРЪ.

Слуга съ дубинкою отъ той же госпожи,
Которая вчерась....

КРИВОСУДОВЪ *(съ сердцемъ.)*

Скажи, что дома нѣтъ.
(*Проворъ уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

КРИВОСУДОВЪ и АСМОДЕЙ.

КРИВОСУДОВЪ.

Тьфу пропасть! пристаетъ ужъ близъ четырехъ лѣтъ!
Да о бездѣлицѣ какой всегда скучаетъ,
Какъ сумасшедшая и плачетъ и рыдаетъ.
Великая бѣда, что мужъ у ней убитъ!....
А мнѣ покою нѣтъ; — ну только и твердитъ:
«Что я, дескать, живу совсѣмъ безъ пропитанья,
«А дѣти бѣдныя живутъ безъ воспитанья;
«Услышь стенанія несчастнѣйшихъ сиротъ,

«Дай руку помощи»... да землю и дерётъ;
А ты хоть тресни съ ней! — Ну, нѣтъ вѣдь той
догадки —
Презентецъ поднести; — вѣдь это бы не взятки,
Но такъ, изъ чести лишь — такъ взять то и не
грѣхъ,
А въ просьбѣ, можетъ быть, получше бъ былъ
успѣхъ.
То правда! видѣвши вдовицы этой муку,
Нельзя бы и просить; — но какъ испортить руку?
Да мы расчетисты, — и знаемъ, гдѣ какъ брать:
Не всё по тысячѣ, и меньше можно взять;
На это мы еще не положили штату,
Но форма лишь одна, чтобъ съ просебъ брали
плату.
Однакожъ время мнѣ.... Послушай, Асмодей!
Просители придутъ, смотри жъ ты не робѣй,
Смѣлѣе будь — проси!....

АСМОДЕЙ *(перебивая.)*

Чего жо ихъ бояться? —
Съ гостинцами придутъ, не станутъ съ нами
драться.

КРИВОСУДОВЪ.

О, безтолкова тварь! онъ всё свое твердитъ;
Ты слушай да молчи, покудова не битъ.

АСМОДЕЙ.

Ну, ладно. —

КРИВОСУДОВЪ.

Напередъ меня хвали, какъ можно;
Потомъ ты разспроси, но только осторожно,

Какое дѣло ихъ? зачѣмъ они пришли?
Тутъ можешь ихъ спросить, что сколько принесли?
Какъ скажутъ, — мало-де, еще хоть что прибавьте,
Пожалуйста-де вы ево ужъ не оставьте;
Онъ доброй человѣкъ, заслужитъ это вамъ.

АСМОДЕЙ.

Ну что толкуешь-то, — теперь смекнулъ и самъ.
Вѣдь то же говоришь, что учивалъ ты прежде,
Какъ былъ Сехлетаремъ?....

КРИВОСУДОВЪ (*треплетъ по плечу.*)

Конечно! я въ надеждѣ,
Что ты исправишь все.

АСМОДЕЙ.

Да буде, всё равно,
Чево-жо учишь-то? — сказалъ бы такъ давно.
Ты этимъ хокусамъ давно меня настроилъ.

КРИВОСУДОВЪ (*шутя*).

Я думалъ, Асмодей, ты позабыть изволилъ,
Покуда боленъ былъ.

АСМОДЕЙ.

Нѣтъ! помнятъ то бока.

КРИВОСУДОВЪ (*про себя.*)

Вотъ нужда какова! люби и дурака.
(*Асмодею.*)
Примолвить не забудь, что сахаръ нынче дорогъ.

АСМОДЕЙ.

Пожалуй не учи, вѣдь я тебѣ не ворогъ. —
Всё знаю. —

КРИВОСУДОВЪ (*смотря на часы.*)

Вотъ тѣ на! втораго полчаса!
Вплотную за дѣла сегодня принялся,
Что не видалъ, когда и утро пролетѣло!
Однакожъ нужное свое окончилъ дѣло.
(*Асмодею*)
Смотри жъ, исполни то, что я тебѣ велѣлъ.

АСМОДЕЙ (*въ сторону*)

Не бойсь, не промигну. — О! взялъ бы тѣ пострѣлъ!
(*громко*)
Да въ гости-то пора....

КРИВОСУДОВЪ.

Далеко ль! — въ-мигъ доѣду:
Купцамъ и подождать не грѣхъ судью къ обѣду.
(*Уходитъ, и Проворъ его провожаетъ*)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

АСМОДЕЙ (*одинъ, надѣвши колпакъ, садится въ судейскія кресла.*)

Доселѣ де Романъ такъ борозды копалъ,
А нынче де Романъ въ судьи уже попалъ.
(*Встаетъ и на всѣ стороны оглядывается*)
Унёсъ ли чортъ его? Да нѣтъ, не провалится;
Придетъ опять сюда — и смерть-то, знать, боится
Такова лѣшева; — не поберётъ ево!
Бѣда, коли къ нему не будетъ никого:
Ужъ не одну опять задастъ мнѣ оплеуху!

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АСМОДЕЙ и ПРОВОРЪ.

АСМОДЕЙ.

Проворъ! дай грошикъ, братъ!

ПРОВОРЪ.

На что бы?

АСМОДЕЙ.

На сивуху.

ПРОВОРЪ (*даетъ ему.*)

Изволь.... возьми; — у насъ за это слова нѣтъ.
Пошелъ же ты туда!... и впрямь не быть бы бѣдъ.

АСМОДЕЙ (*увидя, что Проворъ хочетъ уйти, говоритъ ему*)

А ты куда пойдёшь?

ПРОВОРЪ.

Иду къ своей старушкѣ.

АСМОДЕЙ.

Къ кому это?.... Э!.... да! — къ Стрѣлѣ-то потаскушкѣ.
Ужъ дѣвка, нечево!

ПРОВОРЪ.

Послушай, чортъ хромой!
Ты знаешь, каково попучивать со мной:
Я за это тебѣ сверну къ затылку рожу!
(*уходитъ*)

АСМОДЕЙ.

Экъ онъ окрылился! — пойти, добро, въ прихожу.
(*Хочетъ идти*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

АСМОДЕЙ и СТРѢЛА.

СТРѢЛА. (*удерживая Асмодея, чтобъ посмѣяться надъ нимъ*)

Постой, любовничекъ! — куда ты такъ спѣшишь?
Далеко ль на одной ты ножкѣ убѣжишь? . . . .
Какой онъ миленькой! — да какъ принарядился!
Навѣрно, Асмодей, въ другую ты влюбился?
Мнѣ точно измѣнилъ. — Да онъ и въ колпакѣ!
Тьфу! щеголь, врагъ какой! — О, въ этомъ старикѣ
Многонько, видно, блохъ . . . .

АСМОДЕЙ.

У! . . . . дѣвушка срамница!
Взгляни-ко-сь на себя: вѣдь ты ужъ кобылица.

СТРѢЛА.

Ты сколько ни бранись, я всё тебя люблю.
Не это отъ тебя — и больше я стерплю.

АСМОДЕЙ.

Не стыдно ль зенкамъ-то?

СТРѢЛА.

Чтожъ дѣлать, хоть и стыдно!
Зачѣмъ другихъ любить? вѣдь это мнѣ обидно.

АСМОДЕЙ (*хочетъ идти*)

СТРѢЛА (*удерживая*)

Куда жъ, мой милушка? — постой! поговоримъ.
Проворъ куда пошолъ?

АСМОДЕЙ.

Сама всё-за-все съ нимъ,
А спрашиваешь меня. — Да лѣшей ево знаетъ;
Онъ словно какъ кобель по улицамъ лытаетъ
Съ утра до вечера (*хочетъ идти*).

СТРѢЛА.

Куда жъ, красавчикъ мой?

АСМОДЕЙ.

Ты рада, хоть весь день съ тобою этта стой.

СТРѢЛА (*взявши его за руку, хромая, дразнитъ*)

Хоть потанцуемъ мы ....

АСМОДЕЙ (*выдернувъ руку*)

Послушай же, голубка,
Не задѣвай меня! — ты вишь ли, скалозубка,
А я не гаеромъ достался вѣдь твоимъ.

(*идетъ*)

СТРѢЛА (*въ слѣдъ.*)

Прощай, мой миленькой! безногой херувимъ!

(*Асмодей обертываясь, плюетъ и уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ XV.

СТРѢЛА (*одна*)

Теперь у насъ дѣла весьма плохоньки стали.
Ахъ! жаль мнѣ барышни! въ какой она печали!
Но правду говорить, и есть о чемъ тужить:
Правдина, право, ей другова не нажить, —
И молодъ, и хорошъ, въ поступкахъ какъ онъ честенъ!
А новой женишокъ до крайности прелестенъ!
(*смѣется*)
Ну! выбралъ парочку нашъ старой сумасбродъ!
Скажу: сокровище! — Да этакой уродъ
Ни чѣмъ не выдался: — умокъ весьма не дальной,
И старъ, и кривъ, и пьянъ, и офицеръ квартальной:
Чего жъ тутъ ждать добра? — и какъ не горевать?
Однакожъ съ помощью мнѣ надо поспѣшать.
Пойду совѣтовать съ Проворомъ, и стараться,
Чтобъ въ благочинные намъ когти не попасться.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ гостиную комнату Кривосудова.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРОВОРЪ (*одинъ*)

И такъ, благодаря свирѣпѣйшему року,
Мнѣ новые щелчки опять неподалёку!
Терпи, Проворушка, терпи, голубчикъ мой!
Судьбѣ угодно такъ проказить надъ тобой.
Во-первыхъ, что ввела къ такому живодёру,
Которой со всѣхъ деретъ и грабитъ безъ разбору;
Потомъ изволила за благо разсудить
Къ любови аппетитъ престрашный возбудить;
И я, объѣвшися любовнаго дурмана,
Почувствовалъ болѣзнь несчастнаго кармана,
Которой черезъ годъ исчахнулъ и изсохъ, —
Нѣтъ въ бѣдненькомъ души, окромѣ горсти крохъ! —
Я бѣдность бы сносилъ, да вотъ какая штука:
Съ любезною Стрѣлой назначена разлука.
Теперь, разставшися съ любезною своей,
Почтеннаго Судьи исправнѣйшій лакей,
Засядетъ въ дураки, — играй тогда въ бирюльки.
О, женскія сердца! въ васъ страшны закоулки!....

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРОВОРЪ и СТРѢЛА.

СТРѢЛА.

Ну! выдумалъ ли ты, мой миленькой! скажи,
Какъ барышнѣ помочь? не медли, покажи
Усердіе свое.

ПРОВОРЪ (*печально.*)

Что выдумать? . . . . не знаю. —
Теперь не до того —

СТРѢЛА (*разсматривая*).

Я нѣчто примѣчаю:
Что пригорюнился, Проворушка?

ПРОВОРЪ.

Такъ!

СТРѢЛА.

Лжешь!
Не даромъ что-нибудь, не такъ ты, другъ, поёшь.

ПРОВОРЪ.

Что пригорюнился, сама будто не знаешь.

СТРѢЛА.

Не знаю.

ПРОВОРЪ.

Скоро жъ ты, мой свѣтъ, позабываешь!
Весьма пріятную сказала ты мнѣ вѣсть:
Какъ будетъ мнѣ съ тобой разлуку перенесть?
Лишь вспомню я объ ней, такъ сердце замираетъ!
Возможно ли! Стрѣла Провора оставляетъ!

СТРѢЛА.

Да какъ же мнѣ отстать отъ барышни своей?

ПРОВОРЪ.

Приблизился конецъ всей радости моей! —
Надежда лопнула; прощай, души свѣтило!
Все будетъ безъ тебя на свѣтѣ мнѣ не мило!
Умру конечно я....

СТРѢЛА.

Какой ты мелешь вздоръ,

ПРОВОРЪ (*про себя*)

Несчастнѣйшій изъ всѣхъ лакеевъ ты, Проворъ!
(*ей*)
Въ разлукѣ быть съ тобой ты думаешь не больно?

СТРѢЛА.

Другой печали нѣтъ?

ПРОВОРЪ.

И этой мнѣ довольно!

СТРѢЛА.

Какой же фофанъ ты! да кто закажетъ намъ
Свиданіе имѣть? — Ты знаешь это самъ....
Теперь и господа, какъ имъ придетъ разстаться,
Находятъ способы частехонько видаться;
А имъ труднѣе насъ — но все свое возьмутъ:
Какъ ихъ ни карауль — куда-нибудь ульнутъ.
Почтенны матушки хоть по три вздѣнь лорнета,
Но дочекъ усмотрѣть, затѣи сего свѣта —
Есть вещь претрудная!....А мы не господа:
Намъ нѣтъ препятствія и лишняго труда

Искать убѣжища, иль темныя аллеи....
Пусть эти всѣ для нихъ останутся затѣи,
А мы и попросту.... Любви вездѣ раздолъ.
Скажи, не правда ли? Ну! что жъ молчишь, Проворъ?

ПРОВОРЪ (*съ восхищеніемъ*)

Теперь не такъ тяжка мнѣ кажется разлука.

СТРѢЛА.

Ну, видишь ли ты самъ? — на все, мой свѣтъ, наука.

ПРОВОРЪ.

Что барышня теперь?

СТРѢЛА.

Все плачетъ.

ПРОВОРЪ.

Очень жаль!
Ее состарѣетъ безъ времени печаль;
Но только нечего, что жаль мнѣ и Правдина!
Такого честнаго не сыщешь господина.
Вчерась за табакомъ домой меня послалъ;
Я сбѣгалъ — за это полтинникъ мнѣ онъ далъ.

СТРѢЛА (*съ насмѣшкою.*)

Нашъ новой женишокъ рубля не пожалѣетъ,
Какъ женится....

ПРОВОРЪ.

Возьми!.... скорѣе околѣетъ.
Мнѣ кажется, коль кто съ Квартальнаго сдеретъ,
Тотъ часу, вѣрно, самъ никакъ не проживетъ.
Въ нихъ щедрости на грошъ вовѣки не бывало

СТРѢЛА.

Я думаю, изъ нихъ честныхъ людей не мало.

ПРОВОРЪ (*съ язвительною усмѣшкою.*)

Ну, эту мудрено задачу мнѣ рѣшить!

СТРѢЛА.

Оставимъ пустяки; намъ надобно спѣшить
И выдумать скорѣй къ спасенію ей средство.
Ты видишь уже, какъ ей близко это бѣдство;
Ищи ты способовъ и времени не трать.

ПРОВОРЪ.

Да больше нечего: ей только въ томъ стоять,
Нейду де за него, власть ваша, что хотите,
То дѣлайте со мной!

СТРѢЛА.

Нѣтъ, въ слабой сей защитѣ
Немного прибыли .... Но вотъ она сама.

ПРОВОРЪ (*отходя*)

Пойду испытывать проворства отъ ума.

ЯВЛЕНІЕ III.

МИЛЕНА и СТРѢЛА.

МИЛЕНА (*не видя Стрѣлы*)

Къ чему меня отецъ жестокой принуждаетъ!
Или родительски онъ правы забываетъ?
Или мучителемъ моимъ онъ хочетъ быть?
Но что я говорю! и мнѣ ль о томъ судить?

Къ повиновенію коль долгъ повелѣваетъ....
Но предложенный бракъ мнѣ душу раздираетъ!
Должна рѣшиться я....женою быть тому,
Увы! несчастная!....кто сердцу моему
Страшнѣе фуріи! всего страшнѣе ада!....
Но, нѣтъ, любовь моя мнѣ будетъ въ томъ преграда.
Забуду долгъ, законъ, родительскую власть
И, можетъ, лучшую найду себѣ я часть....
(*перерывая слова слезами, садится въ кресла.*)

СТРѢЛА.

Помилуйте меня, сударыня, скажите:
Ну долго ль плакать вамъ? — вы сами разсудите,
Слезами можно ли въ несчастіи помочь?
Просите лучше....

МИЛЕНА.

Ахъ! поди пожалуй прочь!
Оставь меня одну.

СТРѢЛА.

На что же вамъ вдаваться
Въ отчаянье совсѣмъ? Вы можете стараться;
Просите батюшку....онъ сдѣлаетъ....

МИЛЕНА.

Ахъ, нѣтъ!
Оставь пожалуй ты меня и твой совѣтъ.

СТРѢЛА.

Печаль совѣтами, конечно, не убавлю,
Но васъ, сударыня, никакъ я не оставлю.

МИЛЕНА.

Ходила ль ты?....

СТРѢЛА.

Сейчасъ хотѣлъ сюда онъ быть.

МИЛЕНА (*съ прискорбіемъ*)

Что медлитъ онъ?....

СТРѢЛА (*съ поспѣшностію*)

А! вотъ изволитъ ужъ иттить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛЕНА ПРАВДИНЪ и СТРѢЛА.

ПРАВДИНЪ.

Опять, сударыня, въ печали васъ встрѣчаю.
(*разсматривая*)
Но, нѣтъ! я странное въ васъ нѣчто примѣчаю!

МИЛЕНА.

Вы видѣли въ слезахъ несчастную всегда....

ПРАВДИНЪ.

Но столь васъ горестной не видѣлъ никогда;
Необычайное я вижу огорченье!

МИЛЕНА.

Въ сей день Миленино умножилось мученье.
Услышь несчастіе!.... Отецъ мнѣ предложилъ
Замужство.... Боже мой!.... (*прерываетъ слезами*)

ПРАВДИНЪ.

Окончите!

МИЛЕНА.

Нѣтъ силъ.

(*Милена садится на кресла къ столу, а Правдинъ, въ изумленіи, отходитъ нѣсколько въ сторону.*)

СТРѢЛА (*Правдину*)

Вы знаете, сударь, что ходитъ къ намъ Квартальной —
Онъ ростомъ не великъ — лицомъ такой фатальной....

ПРАВДИНЪ.

Не Крючкострой ли?....

СТРѢЛА.

Да; — онъ барышнинъ женихъ.

ПРАВДИНЪ.

Что слышу!.... О, ударъ! .... лишаюсь чувствъ моихъ.
(*Стрѣлѣ*)
Не уже ль правда то?

СТРѢЛА.

Шутить никакъ не смѣю....
Сегодня и сговоръ.

ПРАВДИНЪ.

Съ любезною моею
Навѣки, можетъ быть, разстаться долженъ я!
Къ чему теперь и жизнь несчастная моя?
(*подходитъ къ Милень*)
Кому, Милена, ты назначена судьбою?

МИЛЕНА (*вставая съ кресель.*)

Оставь меня, Правдинъ, гонимую судьбою:

Присутствіе твое терзаетъ лишь меня!
А я, отчаянье и страсть соединя,
Дамъ волю надъ собой.... пускай онѣ терзаютъ
Несчастную меня и сердце раздираютъ.
Достойна казни сей, сама я въ томъ виной,
Коль власть любви дала господствовать собой.

ПРАВДИНЪ.

Но почему себя столь строго обвиняешь?....
Порочную ль любовь, Милена, ты питаешь
И добродѣтели нарушила ль уставъ,
Которая всегда близка священныхъ правъ?
Когда жъ ты оныя въ душѣ всечасно чтила,
Скажи, противъ кого и чѣмъ ты погрѣшила?....
Раскаяньемъ должны лишь тѣ себя карать,
Кто ближняго страстьми привыкъ всегда играть;
Такъ можно ли тебѣ считаться между ними?

МИЛЕНА.

Не оправдай меня; кто слабостьми своими
Не можетъ управлять, тотъ самъ себѣ злодѣй.

ПРАВДИНЪ

Но есть ли хоть одинъ на свѣтѣ изъ людей,
Кто бъ ими управлялъ? — Вы ропщете напрасно
Столь много на себя; — скажу вамъ безпристрастно:
Не вы тому виной, но то судьбы предѣлъ;
Онъ намъ, несчастнѣйшимъ, обоимъ повелѣлъ
Другъ друга обожать, чтобъ послѣ тѣмъ терзаться....
Когда жъ не суждено съ тобой мнѣ сочетаться
И брачнымъ таинствомъ сердца совокупить,

Милена! я тебя прошу не погубить
Навѣки жизнь свою замужствомъ предложеннымъ:
Оно есть ядъ тебѣ подъ видомъ сокровеннымъ;
Оно тебя влечетъ на пагубнѣйшій путь.
Еще тебя прошу: Правдина не забудь,
Коль презришь ты сію коварнѣйшую душу.

МИЛЕНА.

Я клятву данную вовѣки не нарушу;
Не буду никогда другого я женой.
Когда жъ рѣшилась я все презрить предъ тобой,
Такъ можетъ ли сіе прегнусное творенье
Побѣду взять надъ мной?....

ПРАВДИНЪ

Отцово повелѣнье
Принудить можетъ.

МИЛЕНА.

Нѣтъ, не будетъ въ вѣкъ того,
Чтобъ онъ преодолѣлъ страсть сердца моего;
Ни гнѣвъ родителя, ни просьбы, ни угрозы,
Ни что не убѣдитъ.

СТРѢЛА (*въ сторону.*)

У барышни на слёзы
Надежда крѣпкая.

МИЛЕНА.

Но только дай совѣтъ,
Что мнѣ начать теперь?....

ПРАВДИНЪ.

Иного средства нѣтъ:

Откройтесь батюшкѣ: быть можетъ, онъ смягчится
На просьбы....

МИЛЕНА.

Нѣтъ, Правдинъ, никакъ не согласится:
Ты знаешь нравъ его. — Отнюдь не объявлю,
Кого, несчастная, столь много я люблю,
Хоть тайна эта мнѣ пусть будетъ для отрады.

СТРѢЛА (*въ сторону*)

Какъ скучны у господъ любовные обряды!
Конецъ бы поскорѣй.

ПРАВДИНЪ (*продолжаетъ*)

Никакъ не можетъ быть,
Чтобъ это вамъ могло отрадою служить.

МИЛЕНА.

Сокрывши въ сердцѣ все, хоть буду и терзаться,
Но съ удовольствіемъ....

СТРѢЛА (*въ сторону*)

Такъ; — есть чѣмъ забавляться.

ПРАВДИНЪ (*обращается къ прежнему*)

Милена! разсуди, какая польза въ томъ?
(*становится на колѣна*)
У ногъ твоихъ прошу: откройся ты во всёмъ....
(*входитъ Кривосудовъ и Проворъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

КРИВОСУДОВЪ, МИЛЕНА, ПРАВДИНЪ, ПРОВОРЪ и СТРѢЛА.

КРИВОСУДОВЪ (*нисколько пьянъ*)

Ахъ, ты негодница! — смотри-тко что чудеситъ!

МИЛЕНА.

Ахъ!....

ПРАВДИНЪ (*вставъ*)

Боже мой!....

ПРОВОРЪ.

Бѣда!....

СТРѢЛА.

Ну! тутъ его ужъ взбѣситъ!

КРИВОСУДОВЪ (*продолжая*)

Ай, дочка!....посмотри какая въ ней ужъ рысь!

СТРѢЛА (*подойдя*)

Да барышня, сударь....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая*)

Цыцъ, шельма, задавись!

(*грозитъ ей*)

Молчи ты, бестія! твое тутъ рукодѣлье;
Вонъ, мерзкая!....

СТРѢЛА (*отходя*)

Вотъ такъ! — въ чужомъ пиру похмѣлье!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, кромѣ СТРѢЛЫ.

КРИВОСУДОВЪ (*Милент*)

Вотъ слезки-то твои, да матушкинъ портретъ!
Теперь наружи все. — Раненько жъ ты, мой свѣтъ,
Пуститься вздумала въ любовную науку!....

МИЛЕНА (*бросаясь, хватаетъ цѣловать руку*)

Простите, батюшка!....

КРИВОСУДОВЪ (*вырываетъ*)

Ну, что цѣлуешь руку?
Вѣдь я не Архирей — и что ты такъ лисишь?
Теперь ужъ все узналъ.... злодѣйка! сокрушишь
При старости меня.... (*утираетъ кулаками слезы*)

ПРОВОРЪ (*въ сторону*)

Купецкія, знать, вина
Изъ глазокъ полились.

КРИВОСУДОВЪ (*сквозь слезы Провору*)

Что ты ворчишь, скотина?

ПРОВОРЪ (*въ сторону*)

И плакать пересталъ. — (*ему*) Жалѣю, сударь, васъ:
(*притворно плачетъ*)
Такъ слезы въ три ручья и катятся изъ глазъ.
(*утирается*)

КРИВОСУДОВЪ (*Милент*)

Вотъ, пренегодная! объятная ль то сила?
Два года отъ меня ты это все таила;

Два года ты почти не ѣла, не пила,
Все въ инквизиціи любовной пребыла.
Я это зналъ давно, но зналъ партикулярно.
Въ тебѣ же сердце такъ ко мнѣ нерегулярно,
Что не могла ты мнѣ два года объявить,
Кто могъ тебя къ грѣху такому соблазнить.
Меня бы хоть повѣсь, такъ я бъ не догадался;
(*указывая на Правдина*)
Такой святошею все время притворялся!
Не могъ бы на него подумать я никакъ;
(*съ удивленіемъ*)
И этотъ философъ нашелъ въ любови смакъ!
(*Правдину*)
Теперь мнѣ надобно съ тобою расчитаться.
Ну, слушай же допросъ: ты долженъ мнѣ признаться,
Какъ ты осмѣлился въ мою влюбиться дочь?

ПРАВДИНЪ.

Любовь есть чувство....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая,*)

Прочь съ механикою, прочь!....
Я слушать не хочу ученыхъ доказательствъ.

ПРОВОРЪ (*на ухо Кривосудову.*)

Да какъ же вамъ узнать причину обстоятельствъ?

КРИВОСУДОВЪ.

(*Провору*) (*указывая на Правдина,*)
Молчи! — вотъ такъ взгляни, водой не помутитъ.
Ай, цѣломудренникъ! смотри-тка что кутитъ!
Не догадался бъ я, пытай меня до смерти;

Но въ тихомъ омутѣ всегда бываютъ черти.
Какъ ты осмѣлился въ мою влюбиться дочь?

ПРАВДИНЪ.

Не въ силахъ бывъ себя въ любови превозмочь....

КРИВОСУДОВЪ.

А!...вотъ что въ дѣлѣ-то фундаментальна сила,
Что яко бы тебя любовь обворожила —
Такъ?....

ПРОВОРЪ (*на ухо.*)

Точно такъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Молчи!

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Въ бѣду бы не попасть!

МИЛЕНА (*Кривосудову.*)

Коль случай вамъ открылъ мою къ Правдину страсть,
То знайте, что его любивши безпорочно,
Хранила долгъ....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Не такъ увѣришь въ этомъ точно.

МИЛЕНА.

Я въ подозрѣніи! — возможно ль это снесть?

КРИВОСУДОВЪ (*Миленѣ.*)

Такъ я же виновать? — изрядная мнѣ честь!

ПРАВДИНЪ.

Клянуся самою невинностью Милены.

КРИВОСУДОВЪ.

Да тутъ свидѣтели однѣ лишь были стѣны;
Такъ дѣло темное — очную не сберёшь.

ПРАВДИНЪ.

Окончите вашъ гнѣвъ и согласитесь....

КРИВОСУДОВЪ.

Врёшь!
Я знаю, въ чемъ меня ты просишь согласиться;
Да развѣ я дуракъ, чтобъ вздумалъ породниться
Съ тобой? — ты, видишь ли, разумецъ и рѣчистъ.

ПРАВДИНЪ.

Свершите счастіе....

КРИВОСУДОВЪ (*перебивая.*)

Ты словно банной листъ
Присталъ....

МИЛЁНА.

Окончите мученіе!

КРИВОСУДОВЪ.

Отстаньте!
Экстрактомъ, говорю, просить вы перестаньте:
На просьбы ваши я никакъ не соглашусь.

МИЛЕНА.

Я жизнь свою пресѣчь несчастную рѣшусь!

КРИВОСУДОВЪ.

Кому жъ ты угрозишь?..... угодьемъ будешь
чорту,
И прямо въ адъ пройдешь, не надо и паспорту.

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Вотъ прямо нѣжныя отцовскія слова!

КРИВОСУДОВЪ (*Провору.*)

Что?....

ПРОВОРЪ.

Ничего, сударь....

КРИВОСУДОВЪ (*къ Правдину.*)

Пустая голова!
Будь счастливъ тѣмъ еще, что я тебѣ прощаю;
А объ Миленушкѣ и думать запрещаю;
И вотъ тебѣ приказъ: безъ дальнихъ забабонъ
Вотъ образъ, а вотъ дверь — изволь убраться вонъ,
Не то, въ три шеи....

ПРАВДИНЪ.

Нѣтъ! того не допущу.
(*Взглянувъ на Милену.*)
Прощай! — (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ ПРАВДИНА.

КРИВОСУДОВЪ.

Тебѣ тотчасъ лекарства я сыщу,
Чѣмъ вылечить любовь! — готовься-ка къ сговору,
Поди!....

МИЛЕНА (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

ПРОВОРЪ.

Ну! очередь теперь пришла Провору.
(*подходя къ Кривосудову.*)
Мнѣ что прикажете?

КРИВОСУДОВЪ (*ударивъ его палкою.*)

А вотъ тебѣ приказъ.

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Вотъ дёрнулъ чортъ спросить!

КРИВОСУДОВЪ.

Каковъ?

ПРОВОРЪ.

Изрядной разъ
Изволили, сударь, по плечамъ мнѣ отвѣсить!

КРИВОСУДОВЪ.

Давно бы ужъ пора.... (*не договоривши зѣваетъ.*)

ПРОВОРЪ (*перехватя въ сторону.*)

Давно пора повѣсить!

КРИВОСУДОВЪ.

Не сердишься ли ты? я, право, пошутилъ.

ПРОВОРЪ (*кланяясь.*)

Изъ плечъ не выскоблишь.

КРИВОСУДОВЪ.

Куда я много пилъ!
Мнѣ кажется, я пьянъ.

ПРОВОРЪ (*шутя.*)

Ни мало не примѣтно;
Вы притворяетесь.

КРИВОСУДОВЪ.

О, зданіе шкилетно!
Смѣешься надо мной!.... подай стаканъ воды.
(*Проворъ уходитъ*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ, вынувши изъ кармана серебряную стопу.*)

Ага! голубушка, попалась ты сюда.
Давно зубки я грызъ на сей сосудъ скудельной;
(*ставитъ на столъ*)
Однако жъ зацѣпилъ. — Судья коль рукодѣльной
И знаетъ всѣ крючки — не надо жить въ раю
Я грѣшенъ въ томъ, и самъ отнюдь не потаю;
Живу точнехонько, какъ искони ведется:
Проситель ежели погуще завернется,
Такъ правой за перо, а лѣвой за него:
Хоть онъ и попищитъ, — что нужны до того!
Давай лишь все; — а тамъ болтай себѣ что хочешь.
Не дастъ, — такъ лѣтъ пятокъ забывшись проволочишь....
Какой смѣшной запросъ: на что де ты берёшь? —
Придавятъ, такъ и самъ бараномъ заблеёшь.

Бываютъ и на насъ нерѣдко передряги;
Лишь только успѣвай отсчитывать сотняги.
Вѣдь правду вымолвить, кто бабушкинъ не внукъ?
Такъ нечего сказать, зѣвать тутъ недосугъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

ПРОВОРЪ (*при входѣ въ сторону.*)

Похмѣльное несу. (*Подавши же стаканъ.*)
Гдѣ это Богъ вамъ далъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Я кладъ нашелъ.

ПРОВОРЪ.

Да гдѣ?

КРИВОСУДОВЪ.

Шучу; мнѣ братъ прислалъ.

ПРОВОРЪ.

Вашъ братецъ въ службѣ вѣдь. Ну гдѣ ему взять стопу?
Скажите лучше ....

КРИВОСУДОВЪ.

Врёшь! — тебѣ ли знать, холопу,
Отродью Хамову.

ПРОВОРЪ.

Какой пошолъ титулъ!
(*ему*)
Шучу, сударь ....

КРИВОСУДОВЪ.

Смотри, чтобъ спину я не вздулъ.
(*Опять взявши стопу разсматриваетъ.*)
Внутри какъ жаръ горитъ. — Какая позолота!
Въ ней вѣсу фунта три.... (*вышедъ на руку.*)

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Знать, дьяволъ изъ болота
Къ нему таскаетъ все.

КРИВОСУДОВЪ (*взявши за голову, которая нѣсколько у него болитъ.*)

Что дѣлать съ головой?

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Отсѣчь....

КРИВОСУДОВЪ.

Проворъ! поди ключи отъ кладовой
Возьми у дочери.... (*Проворъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ.*)

Сегоднишній денёчекъ
Послалъ-таки Господь сотъ слишкомъ на пятачекъ.
Мнѣ аксиденціи. — Доволенъ бы я былъ,
Когда бъ хоть сотенку еще наколотилъ. —
(*подумавши нѣсколько*)
Ахъ! вспомнить не могу какая мнѣ досада!

Вотъ дѣтки каковы! отцамъ лишь вы надсада.
Да сколько ни тужи, а то не воротить,
Что взялъ Правдинъ. — Теперь лишь надо поспѣшить,
Чтобъ обвѣнчать, — такъ тѣмъ любовь ея умѣрю.
Вѣнецъ прикроетъ всю тѣлесную потерю.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

КРИВОСУДОВЪ.

Мнѣ кажется, тебя я давеча побилъ?

ПРОВОРЪ.

(*ему*) (*въ сторону.*)
Никакъ, сударь. — Хоть пьянъ, а то не позабылъ.
(*отдавая ключи.*)
Извольте, сударь —

КРИВОСУДОВЪ (*отходя, Провору.*)

Ты пошолъ, сиди въ передней.

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПРОВОРЪ, а потомъ ПОДРЯДЧИКЪ.

ПРОВОРЪ (*одинъ въ слѣдъ Кривосудову.*)

Ну! видно изъ судей ты въ родѣ не послѣдній.
(*Хочетъ идти вонъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Подрядчикомъ.*)

ПОДРЯДЧИКЪ (*удерживая за руку Провора.*)

Послушай, молодецъ: гдѣ милостивецъ мой?

ПРОВОРЪ (*усмѣхаясь.*)

Добычу прячетъ.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Гдѣ жъ мнѣ быть?

ПРОВОРЪ.

Хоть здѣсь постой;
Придетъ тотчасъ. — А что жъ сулилъ ты мнѣ на водку?

ПОДРЯДЧИКЪ (*вынувши изъ запазухи кошелекъ, говоритъ въ сторону*)

Къ судьямъ какъ въ адъ придешь: заткнуть всѣмъ надо глотку.
Изволь. — (*даетъ Провору деньги.*)

(*Проворъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПОДРЯДЧИКЪ (*одинъ.*)

Я самъ себѣ не вѣрю, и боюсь,
Не въ наважденьѣ ль я бѣсовскомъ состоюсь?
Какъ!.... можно ль быть сему, со миою что явилось?
Ну!... съ роду впервые такъ дивно приключилось.
Пришолъ къ Секлетарю, по формѣ, на поклонъ.
Иной такъ вѣдь сидитъ распыщась, какъ баронъ,
Или привяжется вотъ властно какъ заноза;
А этотъ, Господи! предивная курьёза!

Предостохвальнѣйшій, пресмирный господинъ!
Изъ всѣхъ на свѣтѣ ихъ не можетъ ни одинъ
Такъ быть благочестивъ. — Какой благопріятной!
Уста не изрекутъ.... Гостинчекъ-было знатной
Съ почтеніемъ къ нему съ великимъ подносилъ;
Но какъ ни клялся и сколько ни просилъ,
Поволилъ чтобъ принять: не надо! — да и полно.
Я думалъ, что даю ему не такъ довольно,
Еще въ добавь отчелъ монеты дорогой,
Ну! не взялъ ничего. — Указъ-де выйдетъ твой. —
Въ подрядахъ и торгахъ лѣтъ съ тридцать обрѣтаюсь,
Къ приказнымъ всякой день, къ несчастію, таскаюсь;
Но сей диковинки не видывалъ вовѣкъ.
О, чудо изъ чудесъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

КРИВОСУДОВЪ и ПОДРЯДЧИКЪ.

КРИВОСУДОВЪ (*увидя Подрядчика.*)

Ба!.... честный человѣкъ!
Сисой Панкратьевичъ! (*Подрядчикъ кланяется*)
Здорово, братъ, здорово!
Спасибо, что сдержалъ ты данное мнѣ слово.

ПОДРЯДЧИКЪ (*кланяясь.*)

Явите милость мнѣ: поволите принять,
Что я вамъ давиче изволилъ обѣщать.
Мы любимъ соблюдать въ словахъ своихъ порядокъ,

Провизьицу для васъ и вкупѣ для лошадокъ.
А сверхъ того, привёзъ вамъ мыльца десять пудъ—
Во здравье кушайте; примите не въ осудъ!
На нашихъ малостяхъ прошу не прогнѣвиться.

КРИВОСУДОВЪ.

Спасибо; — а теперь мнѣ, право, все годится:
Вѣдь я Милепушку помолвилъ.

ПОДРЯДЧИКЪ.

За кого?

КРИВОСУДОВЪ.

За Крючкостроя. —

ПОДРЯДЧИКЪ.

Такъ.

КРИВОСУДОВЪ.

За друга своего.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Дай Богъ — во здравіе; такое это дѣло.
У вашей дочери, чай, къ свадьбѣ всё поспѣло?
Да били ль по рукамъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Сегодня и сговоръ.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Благоволи Господь! — да зятя-то во дворъ
Изволите принять? . . . .

КРИВОСУДОВЪ (*шутя.*)

Въ какую это силу?
Нѣтъ, нѣтъ, Панкратьевичъ! обѣихъ ихъ по тылу.
Да зять-то, вѣдь, богатъ, и домъ имѣетъ свой.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Воздай Владыко имъ свершити бракъ честной,

И многочадіе на пользу живота;
А въ дѣвствѣ пребывать велика суета.
Благое вздумали.

КРИВОСУДОВЪ (*посадя Подрядчика, самъ садится.*)

Скажи-ко, другъ любезной,
Торгуешь каково?

ПОДРЯДЧИКЪ.

Нашъ торгъ пребезполезной.

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ, стало, ты весьма немного продаешь?

ПОДРЯДЧИКЪ.

Лишь съ нуждой хлѣбъ себѣ насущный достаешь.
Изъ моды вышелъ здѣсь совсѣмъ товаръ россійской,
Профиту нѣтъ совсѣмъ; а курсъ весьма преизкой.
Великая бѣда! — не знаемъ какъ и жить!
Французска некристь, *знать*, умѣетъ ворожить!
Купцовъ не отобьешь отъ ихъ проклятыхъ лавокъ,
А нашъ братъ не продастъ на грошъ въ весь день булавокъ.
Житья намъ нѣтъ отъ нихъ!

КРИВОСУДОВЪ.

То подлинно, что такъ!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Ну вся повинность въ томъ: зачѣмъ-де ты Русакъ. —

Товары тѣ же есть — да время стало модно;
У Русскаго купя, носить не благородно.
А пакостной Французъ, хотя изъ пастуховъ,
Да навезетъ туда помады да духовъ,
Да новомодные далъ чортъ голотереп;
Всё формазонскія проклятыя затѣи,
Продастъ здѣсь всемеро: посмотришь и богатъ,
Одѣтъ какъ графъ какой, съ большими папи-
братъ.
Ну! какъ имъ не житье, и какъ не богатиться?

КРИВОСУДОВЪ.

Нельзя и этому, Панкратьевичъ, дивиться:
Возьми въ разсудокъ самъ....

ПОДРЯДЧИКЪ.

Извольте говорить.

КРИВОСУДОВЪ.

Богатымъ для чего рублями не сорить!
Не будетъ если здѣсь ученаго Француза,
Кто будетъ облегчать карманы ихъ отъ груза?
Любезны денежки куда придетъ дѣвать?
Грошовое за рубль кто станетъ продавать?

ПОДРЯДЧИКЪ (*съ усмѣшкой.*)

И то большой резонтъ. Но должно ихъ стра-
шиться!
Писаніе гласитъ: Антихристъ народится
Отъ племя Ирода; а Иродъ былъ Французъ,
И тамъ уже теперь великой гладъ и трусъ.

КРИВОСУДОВЪ (*плюнувъ.*)

Надъ ними и трясись проклятыми!

ПОДРЯДЧИКЪ.

Не ложно. —
Въ какой я грѣхъ попалъ, взглянувъ неосторожно!
Въ числѣ жильцовъ у насъ находится одинъ,
Зовутъ его мусье.... наперстникъ сатанинъ,
Я думаю; — а онъ (будь наше мѣсто свято!)
Въ рулетку тѣшится, въ созданіе проклято. —
И я взглянулъ — о грѣхъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Какая жъ тутъ бѣда?

ПОДРЯДЧИКЪ.

Рулетка-то вѣдь есть Антихриста звѣзда
И предвозвѣстница о преставленьи свѣта.

КРИВОСУДОВЪ.

Оставь пожалуй-ста! — Мнѣ рѣчь страшненька эта.
Охъ! смерти я боюсь!....

ПОДРЯДЧИКЪ (*въ сторону.*)

То видно по всему!

(*Кривосудову*)

Да; — должно помнить смерть и вѣровать тому,
Что преставленіе немедля совершится;
И посему намъ всѣмъ довлѣетъ разрѣшиться
Отъ разныхъ пакостей — правдиво въ свѣтѣ жить;
Не тѣшить плоть свою и ближнихъ не давить;
Лукавыхъ козней всѣхъ какъ можно удаляться;
Выплачивать долги, а пуще не стараться
Сокровища стяжать. — Богатство яко дымъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ!.... такъ!.... Панкратьевичъ! — Теперъ поговоримъ
О прочемъ мы съ тобой.

ПОДРЯДЧИКЪ (*въ сторону.*)

Что? знать не по нутру!

КРИВОСУДОВЪ.

Что къ свадьбѣ надобно, я завтра поутру
Записочку пришлю; такъ этотъ весь припасъ
Пришли немедленно.

ПОДРЯДЧИКЪ (*въ сторону.*)

О! помнитъ смертной часъ.
Изволите! — не што. — — Затѣмъ прошу прощенья.
(*кланяется*)

КРИВОСУДОВЪ.

Мы просимъ вашего, Панкратьичъ, посѣщенья
Съ Соломонидою Тарасьевной.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Отнюдь
Не преминемъ ужъ мы.

КРИВОСУДОВЪ.

Смотри же, не забудь,
Сегодня на вечеръ. —

ПОДРЯДЧИКЪ.

Коль Богъ благоволитъ!
(*кланяясь уходитъ*)

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ*)

Панкратьичъ, нечего, не ложно говоритъ;
О, знатные! вы всѣ Французишкамъ защита.

У васъ, у бѣдненькихъ, и душенька не сыта,
Коль съ вами нѣтъ изъ нихъ десятка полтора.
Куда давно бы всѣхъ по шен ихъ пора!
Ну! что въ нихъ прибыли, опричь однихъ обмановъ?
На свѣтѣ хуже нѣтъ Французовъ, да Цыгановъ.
И то полно сказать: защитою блеснуть
Худаго нѣтъ. — Пойтить часокъ другой соснуть;
Къ сговору надобно порядочно проспаться.
Какія хлопоты на шею мнѣ валятся!
Что дѣлать! — Потружусь, да будетъ все съ концомъ.
Трудися и потѣй, коль хочешь быть отцомъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ, сидитъ въ креслахъ, въ халатѣ*)

Все къ лучшему идетъ, теперь я вижу ясно.
Не согласится ли?.... Сомнѣніе напрасно:
Въ Миленушку мою онъ по уши влюбленъ;
И будучи ея красою ослѣпленъ,
Конечно, онъ на все со мною согласится,
Чтобъ только какъ-нибудь на ней ему жениться.
(*съ удивленіемъ*)
А га! Правдинъ! теперь ты въ лапки мнѣ попалъ.
Ты много мнѣ и самъ всегда надоѣдалъ;
Теперь и я тебя, голубчика, поддѣну.
Лишь дѣло сдѣлаю, то въ тотъ же часъ Милену
И въ церковь — а ему съ поклономъ откажу.
Какъ будетъ весело!.... (*смѣется*) Ужъ прямо удружу
Правдину! — За это вѣдь онъ въ протестъ не вступитъ
И силой за себя дочь выдать не принудитъ.
Теперь мнѣ надобно лишь только смастерить —
Сговоръ Миленушки на-время отложить.

Да это пустяки! — Мнѣ стоитъ притвориться
Больнымъ на нѣсколько, и тѣмъ отговориться
Конечно я могу — а прочимъ не въ догадъ....
О, выдумка добра! — пойдетъ теперь на ладъ. —
Проворъ!

ПРОВОРЪ (*за кулисами*)

Тотчасъ сударь!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

КРИВОСУДОВЪ.

Бѣги скорѣй къ Правдину:
Проси его ко мнѣ. (*Проворъ хочетъ итти*)
Постой! — прибью скотину:
Не выслушавъ идёшь — Скажи, что нужда въ васъ
Прекрайняя-дескать — пожалуйте сейчасъ.
Да голову сломя бѣги!....

ПРОВОРЪ

Сейчасъ слетаю.
(*уходитъ*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ*)

Ахъ, если бъ въ томъ успѣть, что сдѣлать я желаю!
Такъ десять тысячъ бы ввалилось мнѣ въ суму.
Кусочекъ этакой схватить бы хоть кому

Не грѣхъ! — Но что же я? — Мнѣ должно подвязаться.

(*Беретъ платокъ, подвязываетъ щеки и надѣваетъ колпакъ.*)

Теперь могу больнымъ конечно показаться;
И если Богъ мнѣ дастъ окончить это всё,
Въ отставку тотъ же часъ. — Желаніе мое
Помѣстьице купить.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРИВОСУДОВЪ и КРЮЧКОСТРОЙ.

КРИВОСУДОВЪ (*голосомъ больнымъ*

Ба! . . . . зятекъ нареченной —
Желаю здравствовать.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Поклонъ мой препочтенной
Поутру вамъ еще хотѣлъ икскузовать,
Да время не имѣлъ. — Еще-было дневать
На съѣзжей Частной мнѣ велѣлъ другія сутки;
Но тутъ отдѣлался — пошелъ — смотрю, у будки
Десятскіе мои дерутся межъ собой:
Давай я ихъ мирить — и такъ на мировой,
Признаться, нечего, изрядно куликнули,
Легли поотдохнуть, да плотно такъ заснули,
Какъ мертвые — и я теперь лишь только всталъ.
А въ слѣдствіе сего къ вамъ быть и опоздалъ:
Проступку моему прошу явить прощенье.

КРИВОСУДОВЪ.

Къ чему тутъ лишнее такое извиненье
Между пріятелей изволишь затѣвать?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Я долженъ васъ отцомъ моимъ решпектовать,
И съ праздникомъ мой долгъ поутру бы поздравить.

КРИВОСУДОВЪ (*ласково*)

Нельзя ль излишнія учтивости оставить?
Садись-ко .... да скажи, здорово ли живешь?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Всё потихохоньку, впередъ таки ползешь
По власти Божеской, и вкупѣ командерской. —
Былъ, правда, на меня одинъ нахалъ продерзкой,
Однакожъ я его кой-какъ таки спехалъ. —
(*усмѣхаясь*)
Въ невинности себя сотнягой оправдалъ. —
Да вамъ, что сдѣлалось? что вы такъ подвязались?

КРИВОСУДОВЪ (*притворившись больше больнымъ*)

Въ гостяхъ я былъ вчерась; да, знаешь, понабрались
Пивца и пуншику, съ того и охмѣлѣлъ.
Пошолъ домой пѣшкомъ, да такъ переколѣлъ,
Что съ нуждою большой я до дому добрался
И эту ноченьку глазъ съ глазомъ не смыкался:
Колотье страшное, а ломъ во всѣхъ костяхъ;
И зубы поднялись .... (*охаетъ*)

КРЮЧКОСТРОЙ.

Да есть въ вѣдомостяхъ
На прошлой, помнится, объявлено седьмицѣ,

Что новой дохтур здѣсь находится въ столицѣ.
Какой-то онъ привезъ изъ-за моря бульонъ,
Что̀ лечитъ всяку боль; а жительствуетъ онъ
Въ Рожественской части, въ тринадцатомъ квар-
талѣ,
Отъ брата, думаю, двора чрезъ три, не далѣ;
Такъ не прикажите ль?

КРИВОСУДОВЪ.

Охъ! нѣтъ, я не хочу;
Его лекарствами я боль не излечу. —
Заморски доктора для знатныхъ лишь годятся:
Въ нихъ все нѣмецкіе недуги состоятся;
А мнѣ не надобно. — Спасибо за совѣтъ.
Мнѣ, право, не совсѣмъ наскучилъ этотъ свѣтъ.
Я знаю каковы всѣ эти шарлатаны!
Они лишь набивать умѣютъ здѣсь карманы;
А тамъ хоть уморятъ, имъ это ничего —
Вѣдь явочной тогда не брякнешь на него.
(*охаетъ*)

КРЮЧКОСТРОЙ.

Конечно...

КРИВОСУДОВЪ.

Я теперь лишь вотъ о чемъ жалѣю,
Что̀ долженъ твой сговоръ съ Миленушкой моею —
(Охъ, колетъ какъ меня!) — сегодня отложить.
Охъ! — знаю это я, что будешь ты тужить;
Но право не могу — престрашная ломота,
То судорога гнётъ, — то сильна потягота.
(*гнется и потягивается*)

КРЮЧКОСТРОЙ.

Что дѣлать мнѣ теперь? Ну какъ не горевать? —
По крайней мѣрѣ я могу ли уповать,
Что оздоровѣвши свершите это дѣло?

КРИВОСУДОВЪ.

О!....въ этомъ на меня ужъ ты надѣйся смѣло!
Я всею честностью судейскою божусь:
Какъ скоро отъ своей болѣзни свобожусь,
Или хоть мало я начну перемогаться,
Такъ это первое, что буду я стараться
Безъ дальнѣйшихъ чиновъ скорѣй васъ обвѣнчать.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Дай Богъ, чтобъ поскорѣй намъ это окончать!
Однакожъ бы я вамъ совѣтовалъ лечиться,
Быть можетъ, что болѣзнь безъ этого продлится.
Коль въ страхѣ вы себя Французу поручить,
У насъ есть будочникъ — ужасно золъ лечить.

КРИВОСУДОВЪ.

Да развѣ Медикѣ вашъ будочникъ учился?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Онъ прежде въ конюхахъ придворныхъ находился;
А тамъ какой-то былъ изъ Нѣмцовъ коновалъ,
Всю хиромантію и дохтурство онъ зналъ —
Такъ этотъ кругъ него всегда почти вертѣлся
И Медицинѣ препропасть насмотрѣлся:
Припарку ли сварить, проносное ли дать,
(*показываетъ на щеку*)
Все знаетъ. — Мнѣ вотъ онъ старался помогать.

КРИВОСУДОВЪ.

Что это у тебя?

КРЮЧКОСТРОЙ (*смѣючись*)

За храбрость дали свѣзду.
Третьёвадни я былъ въ театрѣ у разъѣзду,
Такъ кучеръ тамъ меня нечаянно задѣлъ
По рожѣ кулакомъ.

КРИВОСУДОВЪ.

И ты не возъимѣлъ
Претензій на него?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Да гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться!
Тебя же обвинятъ. — Ну какъ-дескать связаться
Не стыдно съ кучеромъ. — Да это мнѣ пустякъ:
Случается, что насъ колотятъ и не такъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Да; — должность такова! — тутъ не чему дивиться;
За то въ другой статьѣ ущербъ вознаградится.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Чуть-чуть я новость вамъ сказать не позабылъ.
Въ прошедшемъ мѣсяцѣ одинъ въ театрѣ былъ
Знакомый мнѣ купецъ, изъ Англичанъ природныхъ:
Въ карманѣ у него вещей какихъ-то модныхъ
Случилося тогда на тысячу рублёвъ —
Стянули это все. — Ну гдѣ искать воровъ?
Такъ дѣло кончено, вещицы всѣ пропали. —

Случилось, мы въ одну бесѣду съ нимъ попали.
Не знавши, чѣмъ завесть получше разговоръ,
Спросилъ я у него: не слышенъ ли тотъ воръ,
Которой обокралъ васъ очень преисправно?
Въ отвѣтъ онъ мнѣ на то: — «Я слышалъ де недавно,
Что вещи у меня Юпитеръ всѣ покралъ;
Живетъ въ Олимпѣ онъ — но я не отыскалъ
Квартиры-де его.» — Я это все узнаю,
Сказалъ ему; тотчасъ и вора вамъ поймаю.
Ушелъ немедливши — но думаю: постой!....
Въ Олимпѣ?.... въ городѣ нѣтъ улицы такой;
Ошибся точно онъ; — въ Коломнѣ это, вѣрно! —
Лизнулъ туда — нашли кой-какъ разноманерно
Съ квартальнымъ тамошнимъ искавшій нами домъ;
Взошли въ него — сидитъ хозяинъ за столомъ
Сапожникъ старичекъ, фамиліей онъ Питеръ.
Конечно, это онъ! одной лишь нѣтъ изъ литеръ, —
Такъ это пустяки. — Тотчасъ его въ допросъ:
Послушай, Нѣмчура! ты мебели унесъ
Недавно у купца въ театрѣ изъ кармана? —
«Ни шнаитъ это мой.» — Мы на цѣпь бусурмана
И въ съѣзжій дворъ, а тамъ давай его тузить.
Въ три дни проклятаго не могъ я согласить,
Что называется по-русски онъ Юпитеръ.
«Ни шнай мой ни шаво, фамилія мой Питеръ.»
Ну только и твердитъ проклятой Нѣмчура.
Послушай, говорю, опомнися!.... пора —
Зовешся Питеръ ты? — «Та!» — Это по-французски,

А быть Юпитеромъ ты слѣдуешь по-русски;
Ну бился, бился — такъ и бросилъ я его.

КРИВОСУДОВЪ.

Скажи же наконецъ, что вышло изъ того?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Купцу я разсказалъ, какъ съ Нѣмцовъ я простался;
Онъ со смѣху часа четыре надрывался,
А послѣ плакать сталъ, когда окончилъ смѣхъ.
«Вѣдь я де пошутилъ; иу какъ тебѣ не грѣхъ:
«Юпитеръ и Олимпъ одинѣ лишь только басни
«Изъ Острологіи.» — Забылъ я, хоть изъ гасни;
Въ Исторьи Римской самъ я про это читалъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

КРИВОСУДОВЪ, КРЮЧКОСТРОЙ и ПРОВОРЪ.

ПРОВОРЪ (*увидя Кривосудова подвязавшаюся, въ сторону*)

Какія новости?.... и рыло подвязалъ.
(*Кривосудову*) (*Крючкострою*)
Сейчасъ хотѣлъ придти....Десятской изъ Управы
За вами прибѣжалъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Зачѣмъ?

ПРОВОРЪ.

Никакъ въ Приставы
Хотятъ васъ пропзвесть.

КРЮЧКОСТРОЙ (*съ робкимъ духомъ*)

Я? — ничего.

ПРОВОРЪ (*въ сторону*)

И впрямъ въ Приставы захотѣлъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Куда жъ ты, зятюшка, бѣжишь? — и не простился.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Простите вы меня: ей, ей заторопился;
Однако же сейчасъ опять я къ вамъ приду.

(*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРИВОСУДОВЪ и ПРОВОРЪ.

ПРОВОРЪ.

Не знаете, сударь? — вѣдь онъ попалъ въ бѣду.

КРИВОСУДОВЪ.

Въ какую?

ПРОВОРЪ.

Эту ночь насквозь они все пили
Съ командою своей — а тамъ не подѣлили
Чего-то межъ собой. — Притомъ излишній хмѣль
Въ нихъ тотчасъ произвелъ кулачную дуэль.
Сегодня это все начальники узнали:
Иныхъ батажникомъ немного покатали;
А Крючкострой, имѣвъ оффиціи титулъ,
Избавленъ — — посланъ лишь къ тюрьмѣ на караулъ

На мѣсяцъ, — не въ зачетъ. Мнѣ кажется, что строго
Весьма наказанъ онъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну?

ПРОВОРЪ.

Все, сударь.

КРИВОСУДОВЪ.

Немного.
Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! — Какая жъ тутъ бѣда?
На мѣсяцъ-то, вѣдь, онъ поставленъ безъ суда,
Такъ чтожъ?

ПРОВОРЪ.

А честь-та тутъ не ужто не страдаетъ?

КРИВОСУДОВЪ.

И эта бестія о чести помышляетъ!
Ну, можетъ ли судить о честности свинья?

ПРОВОРЪ.

Вотъ въ этомъ-то, сударь, согласенъ съ вами я!
(*разсматривая*)
Да вамъ что сдѣлалось?

КРИВОСУДОВЪ.

Тебѣ какое дѣло?

ПРОВОРЪ.

Взглянувъ, сударь, на васъ, такъ сердце закипѣло.
Въ лакеяхъ также есть чувствительны сердца.
(*съ притворностію*)
Не такъ, какъ барина — люблю васъ какъ отца.
(*дѣлаетъ въ сторону маску*)

КРИВОСУДОВЪ (*смѣчалсь*)

Я боленъ.

ПРОВОРЪ.

Больны вы?

КРИВОСУДОВЪ.

Да что же тутъ за диво?

ПРОВОРЪ.

Да вы здоровы....

КРИВОСУДОВЪ (*грозно*)

Вонъ!....

ПРОВОРЪ (*важно*)

О!....слишкомъ неучтиво.

(*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ*)

Начало хорошо, потребенъ лишь конецъ.
Пускай-ка свадебку потерпитъ молодецъ.
Теперя надобно, какъ можно, намъ стараться
Правдина уломать. — Да какъ ему не сдаться!
Милена повернетъ точнехонько имъ такъ,
Какъ доброй Секретарь законами — — — Никакъ
Правдинъ идетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КРИВОСУДОВЪ и ПРАВДИНЪ.

(*При входѣ Правдина Кривосудовъ встаетъ и ласково кланяется*)

ПРАВДИНЪ (*про себя съ удивленіемъ*)

Ужель прошло ожесточенье?

КРИВОСУДОВЪ (*безъ сердца*)

Ты сдѣлалъ мнѣ, Правдинъ! несносно огорченье;
На старости меня обидѣлъ ты до слезъ;
Обиду страшную съ безчестіемъ нанесъ.
И если бъ захотѣлъ по формѣ я судиться,
То худо бы весьма съ тобой могло случиться;
Но нѣтъ, я не таковъ — я это все забылъ,
И вотъ что въ пользу я твою опредѣлилъ:
Хотя ты сдѣлалъ мнѣ обиду пресмертельну,
Но поелику далъ ты рану неизцѣльну
Миленушкѣ моей.... на сердце отъ любви,
И самъ ты чувствуешь любовный жаръ въ крови:
То въ слѣдствіе сего имѣя состраданье,
Хочу усовершить я ваше все желанье,
И словомъ, за тебя Милену отдаю.

ПРАВДИНЪ (*въ восхищеніи*)

Что слышу! — жизнь теперь вы отдали мою!
Чувствительности всей нѣтъ силъ изобразить.
Не медлите мое вы счастіе свершить.

КРИВОСУДОВЪ.

Осталась мнѣ теперь малѣйшая кавычка:

Есть просьбица къ тебѣ, и очень невеличка, —
Исполни мнѣ ее.

ПРАВДИНЪ.

Коль станетъ только силъ,
Все сдѣлаю. —

КРИВОСУДОВЪ (*въ сторону*)

Ага! не такъ заговорилъ.
(*ему*)
Послушай же, Правдинъ, ты знаешь это дѣло,
Которое рѣшить Правленье намъ велѣло
По тяжбѣ двухъ дворянъ — окончимъ мы его.
Клянусь, что отъ тебя вовѣкъ мой ничего
Не стану требовать услуги этой болѣ.
Ты знаешь, что оно теперь вѣдь въ нашей волѣ,
И можемъ мы его такъ сдѣлать, какъ хотимъ;
Лишь только не мѣшай упрямствомъ ты своимъ
И согласись со мной: — мы сдѣлаемъ рѣшенье,
Чтобъ все по оному досталося имѣнье
Зловредову.

ПРАВДИНЪ.

Я вамъ о томъ уже сказалъ,
Что правилъ совѣсти я въ вѣкъ не нарушалъ.
Вы сами знаете, что искъ его подложной;
То какъ вамъ требовать сей вещи невозможной,
Чтобъ согласился я, всю точность дѣла знавъ,
Отдать имѣніе ему безъ всякихъ правъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Онъ десять тысячъ правъ наличныхъ представляетъ
Пренеоспоримыхъ.

ПРАВДИНЪ.

Меня все это удивляетъ,
Что для прибытка вы лишь только своего
Хотите приступить защитой быть того,
Которой собиралъ грабительствомъ богатство,
Для коего ничто и само святотатство,
Кто извергъ общества и всѣмъ наноситъ вредъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Чужіе осуждать пороки намъ не слѣдъ;
Мы видимъ грѣшниковъ, а кающихъ не видимъ.
Онъ часто отъ людей бываетъ самъ обиднмъ,
Но терпитъ.

ПРАВДИНЪ.

Если намъ пороковъ не судить,
То можемъ мы себя въ такіе жъ погрузить.
Но только намъ судить ихъ должно безпристрастно,
И сравнивать себя съ судимымъ повсечасно.

КРИВОСУДОВЪ.

Да это все не то! — Какъ дѣльцо-то свахлять,
Объ этомъ надобно, какъ можно, помышлять.

ПРАВДИНЪ.

Я вамъ уже сказалъ, что это не возможно.
Страшусь подумать я, чтобъ сдѣлать такъ безбожно
И у несчастнаго послѣднее отнять.
Возможно ли!

КРИВОСУДОВЪ.

Смотри жъ, чтобъ послѣ не пѣнять.
Когда жъ на это ты со мной не согласишься,

Такъ знай, что навсегда Миленушки лишишься.

ПРАВДИНЪ.

Закона своего ни чѣмъ не преступлю
И гнусной сей цѣной Милены не куплю.
Пускай меня любовь повсюду угнетаетъ,
Пускай мнѣ въ сердцѣ ядъ она приготовляетъ,
Но я не отступлю отъ должности своей.

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, хочешь ли я дамъ двѣ тысячи рублей
Изъ тѣхъ, что мнѣ даютъ?

ПРАВДИНЪ.

Прошу, не обижайте!
Сей подлостью меня отнюдь не унижайте.
Когда любовь меня не можетъ преклонить,
За деньги ли могу отъ правды отступить?
Желаю лучше быть несчастливымъ и бѣднымъ,
Чѣмъ посрамить себя прегнуснымъ и превреднымъ
Такимъ поступкомъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Эхъ! письмо еще писать. —
(*къ Правдину*)
Правдинъ! не можешь ли немножко подождать?
Поди къ Миленушкѣ — а я тотчасъ къ вамъ буду,
Письмо окончивши (*Правдинъ уходитъ*)

КРИВОСУДОВЪ (*въ слѣдъ ему тихо*)

Подденетъ тамъ на уду
Миленушка тебя!

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

КРИВОСУДОВЪ (*одинъ*)

Каковъ же мой Правдинъ?
И судитъ ли изъ всѣхъ приказныхъ хоть одинъ
Такъ глупо и смѣшно? — Чтитъ совѣсти упреки,
И честью дорожитъ. — Послѣдніе, знать, вѣки! —
Вотъ нынѣча у насъ каки Секретари!
Какъ станешь съ ними жить? — Пострѣлъ ихъ поберн!
Ну ежели его и дочь не уломаетъ,
Что дѣлать мнѣ тогда? — И умъ не постигаетъ!
Нѣтъ, видно, денежекъ ужъ этихъ не видать!
Да ништо это мнѣ! Не чортъ велѣлъ принять
Его въ Секретари. — Я самъ все домогался
Ученаго имѣть, — теперь вотъ и попался
Носкомъ въ чернильницу. Но могъ ли предузнать? — —
Однакожъ я пойду Миленѣ помогать:
Авось намъ вообще поддѣть его удастся.
Миленушка никакъ не можетъ догадаться,
Что это ей обманъ. — Гей! (*Проворъ входитъ*)
Если кто придетъ,
Скажи, что буду вмигъ (*Кривосудовъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРОВОРЪ (*одинъ*)

Самъ чортъ не разберетъ,
Какія у него пронырства и ухватки!

Есть, правда, у меня на все-таки догадки;
Но это для чего? — Никакъ не доберусь.
Ну, нечего сказать, ужъ подлинно что гусь!
Навѣрно, съ хитрости онъ это подвязался,
И что-нибудь да есть. — Къ Правдину подбивался
Онъ что-то ласково — не могъ разслушать я
Дать можно аттестатъ, что въ формѣ онъ судья;
Безъ выгоды своей не сдѣлаетъ и шагу,
Со свѣчкой не найдешь подобнаго сутягу.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПРОВОРЪ и СТРѢЛА.

ПРОВОРЪ.

Скажи мнѣ, ангелъ мой, что дѣлается тамъ?

СТРѢЛА.

Я думаю, что быть великимъ хлопотамъ.
Правдинъ на просьбы ихъ не хочетъ согласиться.
Милена плачетъ взрыдъ, а старый чортъ бранится.
Ну каша сущая —

ПРОВОРЪ *(съ удивленіемъ.)*

Помилуй, что за вздоръ!
Правдина просятъ?

СТРѢЛА.

Да. — А развѣ ты, Проворъ,
Не знаешь этого? —

ПРОВОРЪ.

Не знаю.

СТРѢЛА.

Недосужно
Теперь разсказывать. — Намъ время это нужно.
Я съ радостью къ тебѣ, Проворушка, пришла.

ПРОВОРЪ (*холодно*)

Вотъ новое еще! — Какую-то нашла
Ты радость?

СТРѢЛА.

Можетъ быть, совсѣмъ не будетъ свадьбы.
Ну, знаешь ли ты? вѣдь къ намъ пріѣхалъ изъ
усадьбы
Миленинъ дядюшка.

ПРОВОРЪ.

Не ужто Прямиковъ.

СТРѢЛА.

Да.

ПРОВОРЪ.

Гдѣ же онъ теперь?

СТРѢЛА.

Ты знаешь онъ каковъ:
Мундира не надѣвъ, не хочетъ показаться.
Пошолъ къ намъ въ заднія покои одѣваться.
Бѣги къ нему теперь и все перескажи.
Проси о помощи. — Пожалуй услужи;
А барышня тебя, конечно, не оставитъ.

ПРОВОРЪ.

Приказъ твой въ точности во всей Проворъ не-
правитъ.

Я лясовъ дядюшки изрядныхъ наточу,
И дѣло все на свой салтыкъ поворочу.
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ XII.

СТРѢЛА (*одна.*)

Правдинъ на честности съ ума изволилъ сбиться.
Нѣтъ, право, лишнее все въ свѣтѣ не годится.
Всё въ мѣру надобно. — А эта лишня честь,
Великой можетъ вредъ обоимъ имъ принесть.
Теперь послѣдняя надежда остается;
Но ежели и та, къ несчастью, разорвется —
Бѣда! — Но, можетъ быть, къ намъ Богъ его послалъ,
Чтобъ барышнино онъ мученье окончалъ.
(*увидя Крючкострой,*)
Пойду и я къ нему. — Уйтить — прильнетъ какъ клейстеръ.
(*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КРЮЧКОСТРОЙ (*думая, что то Милена, говоритъ въ слѣдъ ей.*)

Милена! жизнь моя! души полицеймейстеръ!
Клянусь Управою, что я тебя люблю;
Нѣтъ силъ экспликовать, что̀ я отъ ней терплю,
Увижу только гдѣ прелестной взоръ Милены —
Наружные мои и внутренни всѣ члены

Восчувствуютъ въ себѣ смятеніе и жаръ.
Идти къ ней тороплюсь какъ словно на пожаръ;
Но знать, она мою любовь къ себѣ не знаетъ,
Увидѣвши меня всечасно убѣгаетъ.
Хотя она ко мнѣ сурова и груба,
Мой пламень не зальетъ ни лучшая труба.
Но для чего не шолъ теперя я за нею?

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

КРЮЧКОСТРОЙ и ПРОВОРЪ.

ПРОВОРЪ.

Пренизкой мой поклонъ представить честь имѣю.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Здорово! —

ПРОВОРЪ.

Смѣю ль васъ вопросцемъ утрудить?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Какимъ?

ПРОВОРЪ.

Въ Управу вы изволили ходить —

КРЮЧКОСТРОЙ.

Въ Управу!

ПРОВОРЪ.

Такъ, сударь; зачѣмъ туда васъ звали?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Въ Москву за нужными казенными послали
На мѣсяцъ. —

ПРОВОРЪ.

Дай вамъ Богъ счастливый, сударь, путь!
О, люди слабы какъ! — вмигъ сложатъ что-нибудь.
А я, сударь, объ васъ такъ слышалъ ужъ отъ многихъ,
Что будто дали вамъ команду хромоногихъ
И съ оной велѣно на мѣсяцъ осадить
Тюрьму градскую.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Что?....ты смѣешь говорить
Такъ грубо — знаешь ли?

ПРОВОРЪ (*перебиваетъ.*)

Постойте, не спѣшите!
Повѣрю ль я сему? Вы сами разсудите,
Конечно правды тутъ ни малой точки нѣтъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Смотри же!

ПРОВОРЪ.

Виноватъ! — Я въ этакой лабетъ
Съ проклятой пустотой нерѣдко попадаюсь.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Не все бы говорить.

ПРОВОРЪ.

О томъ-то я и каюсь.
Болтливый мой языкъ теперь лишь изъ бѣды;
Но все и позабылъ — и палочны слѣды
Свѣжохоньки еще на плечахъ у Провора.
(притворяется)
Охъ! было ребрышкамъ довольно перебора.
Я съ роду моего такъ биванъ не бывалъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

И ништо. — Кто это тебя отбузовалъ?

ПРОВОРЪ.

Къ намъ гостя Богъ принесъ — какой же онъ сердитой!
Не могъ я отъ него, чтобъ вырваться небитой.
Да знали кабы вы, за что меня побилъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

За что?

ПРОВОРЪ.

Я васъ, сударь, премного полюбилъ,
И вашей милостью не могши нахвалиться,
Промолвился, что вы изволите жениться;
А свадебъ никакихъ терпѣть не можетъ онъ —
И ну меня тузить — такой мнѣ далъ трезвонъ,
Что съ нуждой только могъ оттудова убраться.
Охъ, страшной онъ какой! Всякъ можетъ испугаться;
Представьте вы себѣ: онъ ростомъ какъ гайдукъ,
Глаза на-выкатѣ, а чоренъ такъ, какъ жукъ;
Какая саблища, какіе сапожищи!
Взглядъ звѣрской у него, престрашные усищи;
Какъ усомъ онъ своимъ проклятымъ поведетъ,
Клянусь вамъ, сударь, что сердце обомретъ.
Я слышу онъ идетъ — примите подъ защиту.

КРЮЧКОСТРОЙ (*про себя*)

Охъ! сердце ёкнуло — и мнѣ не быть бы биту!

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПРЯМИКОВЪ, КРЮЧКОСТРОЙ и ПРОВОРЪ.

ПРЯМИКОВЪ (*при входѣ.*)

Я дамъ себя вотъ тутъ аркибузировать,
Что Милушкѣ за нимъ вовѣки не бывать.
Не легка богатель съ Полиціей связаться!
(*Провору.*)
Да что жѳ онъ, успѣлъ отсюдова убраться?

(*Проворъ, притворялсь испугавшимся, кланяется, и между тѣмъ показываетъ Крючкострою.*)

ПРЯМИКОВЪ (*подойдя.*)

Послушай-ка ты, братъ, почтенной алгвазилъ,
Чтобъ этта я тебя теперь не потузилъ —

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Безъ церемоніевъ. —

ПРЯМИКОВЪ.

Для дружества въ задатокъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Нельзя ли знать за что?

ПРЯМИКОВЪ.

Отвѣтъ мой будетъ кратокъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Позвольте напередъ спросить: кто вы таковъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Смоленскаго полку я ротмистръ Прямиковъ,
Рекомендую я себя и эту дуру: (*показывая на палаш*).
Она состроитъ вмигъ безносую фигуру,
Буде изволишь — а?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Позвольте мнѣ спросить:
Такія грубости за что отъ васъ сносить?

ПРЯМИКОВЪ.

Да чортъ тебѣ сказалъ, что я учтивъ бываю.
Но дѣло не о томъ; послушай же, я знаю:
Ты сватаешь теперь племянницу мою;
А я на этомъ, знай, прекрѣпко настою,
Чтобъ ты отъ ней отсталъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Какая въ томъ причина?

ПРЯМИКОВЪ.

Я вижу, что большой руки ты дурачина,
Не понимаешь?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Какъ вы смѣете ругать?
Я благочинной.

ПРЯМИКОВЪ.

Что жъ! безчестье ты сорвать,
Знать, хочешь? — Знаю я, что жадныя въ васъ пузы.
Есть, правда, у меня поношены рейтузы,
Довольно бы съ тебя; но нѣтъ, я не хочу
(показывая на палашъ.)
И тѣхъ тебѣ отдать. — Вотъ этимъ я плачу
Безчестье иногда, но только тѣмъ, кто стоитъ.
(презрительно.)
Но въ этомъ мой палашъ тебя не удостоитъ.

(*показывая палку.*)
Вотъ развѣ для тебя! возьми-ка да повѣсь;
Не хочешь ли? — такъ я посбавлю лишню спѣсь.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Скажите мнѣ, за что изволите сердиться?

ПРЯМИКОВЪ.

(*въ сторону.*) (*ему.*)
Экъ я его пугнулъ! — Тебѣ ль на ней жениться,
Взгляника — ты ея не стоишь каблука.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Какая нужда вамъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Мнѣ нужда велика:
Я дядя ей родной.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Позвольте хоть три слова
Мнѣ вымолвить.

ПРЯМИКОВЪ.

Изволь — но только никакова
Мнѣ темпа грубова не смѣй ты показать.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Осмѣлюсь ли я вамъ противное сказать!
Скажите только мнѣ, я чѣмъ вамъ не въ угоду?
Не бѣденъ, офицеръ, не подлаго я роду;
Притомъ вы знаете —

ПРЯМИКОВЪ (*скучивши.*)

Да будетъ ли конецъ?

КРЮЧКОСТРОЙ.

(*въ сторону*) (*ему.*)
Попался я въ бѣду! — У ней вѣдь есть отецъ:
Онъ слово мнѣ ужъ далъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Я самъ отецъ ей крестной.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Согласна и она.

ПРЯМИКОВЪ (*осердясь*)

Какой ты пренесносной!
Не разсерди меня.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Да чѣмъ я вамъ не милъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Нѣтъ! много я съ тобой учтиво говорилъ.
Но слушай, если ты отсюда не отстанешь,
Такъ знай, что этотъ день послѣдній ты сживаешь:
Руки моей тебѣ искусство покажу,
И словомъ: по ефесъ палашъ въ тебя всажу.
Пусть буду я злодѣй — суди меня Военна.
(*ходитъ по театру*)

КРЮЧКОСТРОЙ (*въ сторону*)

Что дѣлать мнѣ теперь? — Милена драгоцѣнна,
А жизнь и болѣе — остаться лучше жить.

ПРОВОРЪ (*Крючкострою*)

Навѣрное, онъ васъ намѣренъ погубить:
Шипитъ теперь какъ змѣй. — Да что вы привязались?
Вамъ лучше во сто разъ невѣсты бы сыскались.

ПРЯМИКОВЪ (*подойдя, грозно*)

Одумался ли ты?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Рѣшился, сударь, я.
Хоть, правда, и горитъ вся внутренна моя,
Но такъ и быть! пришло съ Миленою разстаться,
И завтра поутру приду я отказаться.
Прощайте! (*хочетъ уйти*)

ПРЯМИКОВЪ (*схватя его*)

Нѣтъ! постой, никакъ не отпущу:
Теперя откажись.

КРЮЧКОСТРОЙ.

Я словъ не прiищу.

ПРЯМИКОВЪ.

Я старой воробей — мякиной не обманешь.
Кчему ты этаки мнѣ пѣсни напѣваешь?
Захочешь, такъ загнешь крючковъ какихъ-нибудь.

ПРОВОРЪ (*Прямикову*)

Идетъ вашъ братецъ.

ПРЯМИКОВЪ (*грозя Крючкострою*)

Ну, смотри же не забудь.
(*Провора поставя къ дверямъ*)
А ты стой здѣсь.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и КРИВОСУДОВЪ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ахти! откудова ты взялся,

Любезной братецъ мой! три года не видался
Съ голубчикомъ моимъ (*обнимаются*).

ПРЯМИКОВЪ.

Я жизнь опредѣлилъ
На службу; знаешь ты, въ Туретчинѣ бродилъ.

КРЮЧКОСТРОЙ.

И все ты воевалъ?

ПРЯМИКОВЪ (*разсмѣявшись*)

Не сиживалъ за печью.
Я раненъ въ голову и два разъ въ грудь картечью;
Поморщился отъ нихъ и съ мѣсяцъ боленъ былъ.
(*показывая на крестъ*)
Но это получа, всѣ раны позабылъ.
Въ Измайлѣ кончивши послѣднюю пирушку,
Я, въ отпускъ отпросясь, поѣхалъ въ деревушку—
У нашихъ у дворянъ большая роскошь тамъ:
Банкеты да пиры по всѣмъ теперь домамъ;
А я куда приду, такъ только-что зѣваю.
Плясать я не гораздъ, въ преструхи не играю,
И дѣла не имѣвъ тамъ, скучно стало жить;
Такъ вздумалося къ вамъ пріѣхать погостить.

КРИВОСУДОВЪ.

Спасибо, братецъ, что ты насъ не забываешь.
(*Указывая на Крючкостроя*)
Ты гостя этого, навѣрное, не знаешь?

ПРЯМИКОВЪ.

Не знаю.

КРИВОСУДОВЪ.

Полюби его, голубчикъ мой!

Изъ здѣшней Части онъ поручикъ Крючкострой,
Миленинъ женишокъ недавно нареченной. —
Знакомьтесь.

(*Прямиковъ и Крючкострой кланялись другъ другу. Потомъ*)

ПРЯМИКОВЪ (*подошедъ къ Крючкострою съ сердитымъ видомъ.*)

Чтожъ ты сталъ?

КРЮЧКОСТРОЙ (*Кривосудову*)

Хотя въ союзъ священной
Я съ дочкой вашею хотѣлъ-было вступить,
Но принужденъ теперь все это отмѣнить.
Причины къ этому я важныя имѣю.

КРИВОСУДОВЪ.

Чтобъ это значило? — ей, ей, не разумѣю! —
Понять я не могу, что слышу отъ тебя.

ПРЯМИКОВЪ (*Кривосудову*)

Миленушку онъ взять не хочетъ за себя;
Ну, понялъ ли?

КРИВОСУДОВЪ (*ему*)

Никакъ не можетъ это статься!
Да шутишь что ли ты, иль вздумалъ насмѣхаться
Надъ дочерью моей?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Не можетъ это быть,
Чтобъ васъ насмѣшками я вздумалъ оскорбить,
Но такъ случилося; на этомъ не взыщите:

Другова жениха Миленѣ пріищите,
А я покорный вашъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ты долженъ мнѣ сказать:
Какихъ ради причинъ ты вздумалъ отказать?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Объ этомъ объявить никакъ мнѣ не возможно:

КРИВОСУДОВЪ.

Какъ могъ ты учинить къ ней сватовство подложно?
И какъ осмѣлился обидѣть ты Судью?
Сейчасъ же пріищу въ законахъ я статью,
Которая гласитъ о всѣхъ обидахъ личныхъ.
По оной этакихъ плутовъ преполитичныхъ,
Я думаю .... постой! ....

КРЮЧКОСТРОЙ (*взглядывая на Прямикова; тотъ хвалитъ его пантомимою*)

Не труситъ онъ того.
Законы не гласятъ объ этомъ ничего,
Чтобъ силой приказать на комъ-нибудь жениться;
И нашъ братъ этого нимало не боится.

КРИВОСУДОВЪ.

Постой! напляшешся. — Законецъ пріищу.

ПРЯМИКОВЪ.

А я полковничью инструкцу сообщу;
А въ оной меньше нѣтъ, какъ три раза шпицрутенъ.

КРИВОСУДОВЪ (*Прямикову*)

Въ своемъ ли онъ умѣ?

ПРЯМИКОВЪ (*отводя его*)

Глазами нѣчто мутенъ.
Рехнулся, видно, онъ.

ПРОВОРЪ.

Слуга его, Ѳома,
Мнѣ сказывалъ, что онъ бываетъ безъ ума
Нерѣдко.

ПРЯМИКОВЪ (*указывая на Крючкострой*)

Видишь, онъ городитъ ахинею.
На что жъ Милену-то валишь ему на шею?
За кѣмъ ты вяжешься? наплюй.

КРИВОСУДОВЪ.

Да онъ богатъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Ужъ этимъ-то вотъ ты не по сердцу мнѣ, братъ!
Да слушай (*взявши за руку, на конецъ театра уводитъ и шепчется съ нимъ.*)

КРЮЧКОСТРОЙ.

Если Богъ поможетъ свободиться,
И другу закажу и недругу жениться.
Негодный сей усачъ такой мнѣ задалъ страхъ,
Что душенька сидитъ тепереча въ пятахъ.
Будь проклятъ онъ со всѣмъ, и съ домомъ и съ дѣтьми.

ПРОВОРЪ (*ему*)

Вотъ то-то бы тебѣ не сѣчь Юпитера плетьми!

КРЮЧКОСТРОЙ.

Молчи ты, бестія!

ПРОВОРЪ (*показывая на Прямикова*)

Тотчасъ ему скажу.

А вотъ онъ и идетъ.

(*Прямиковъ и Кривосудовъ подходятъ*)

КРЮЧКОСТРОЙ (*въ сторону*)

Что дѣлать? — я дрожу.

КРИВОСУДОВЪ (*къ Крючкострою*)

Сію обиду я безумному прощаю,
Но въ домъ ко мнѣ ходить подъ смертью запрещаю,
Чтобъ духъ твой здѣсь не пахъ — вонъ съ глазъ моихъ долой!

КРЮЧКОСТРОЙ.

Готовьте къ завтраму квартиру на постой.

(*убѣгаетъ*)

КРИВОСУДОВЪ.

Вонъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, кромѣ КРЮЧКОСТРОЯ.

ПРЯМИКОВЪ.

Чортъ его возьми со всѣмъ его достаткомъ.
Ну что жъ-што онъ богатъ, да съ бѣшенымъ припадкомъ.

КРИВОСУДОВЪ.

О! — дѣло кончено.

ПРЯМИКОВЪ.

Такъ новое начнемъ:
Честонова вѣдь сынъ у васъ Секретаремъ?

КРИВОСУДОВЪ.

У насъ —

ПРЯМИКОВЪ.

Мы слышали, что доброй онъ дѣтина.

КРИВОСУДОВЪ.

То правда, онъ хорошъ; да вотъ чѣмъ жаль Правдина:
Отъ честности большой онъ сдѣлался дуракъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Пороковъ больше нѣтъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Не слышно.

ПРЯМИКОВЪ.

Ты чудакъ!
Что въ свѣтѣ предпочтешь ты храбрости и чести? —
Но слушай же: дошли къ Честону эти вѣсти,
Что сынъ его влюбленъ въ Миленушку твою.
Ты знаешь это?

КРИВОСУДОВЪ.

Такъ! — того не потаю.

ПРЯМИКОВЪ.

Честонъ Милены нравъ узнать сперва старался;

Узнавъ, просилъ меня, слезами обливался,
Уговорить тебя, чтобъ сына ты женилъ
На дочери своей: ее онъ полюбилъ.
Такъ согласись-ко.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ, — избавь меня Владыка!

ПРЯМИКОВЪ.

И въ томъ бы женишкѣ находка не велика,
Котораго прогналъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Тугонекъ кошелёкъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Вотъ лутче бъ ты меня штыкомъ царапнулъ въ бокъ!
(*въ сторону*)
О, жадность! — Да скажи, съ богатствомъ ли ей жить?
Ты можешь самъ ее приданымъ надѣлить.

КРИВОСУДОВЪ.

Да было бы гдѣ взять.

ПРЯМИКОВЪ.

Пустыя отговорки,
Но если дѣло въ томъ: въ приданое ей Горки
Съ охотой отдаю — въ нихъ семьдесятъ пять душъ;
Согласенъ ли?

КРИВОСУДОВЪ.

Никакъ! — не будетъ онъ ей мужъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Прощай .... (*идетъ*)

КРИВОСУДОВЪ (*останавливая*)

Куда же ты?

ПРЯМИКОВЪ.

Опять поѣду къ дому.
Пускай семьсотъ я верстъ проѣхалъ попустому,
Мнѣ этого не жаль; но вотъ мнѣ жаль чего,
Что презрѣлъ дружество ты брата своего.
Представилъ жениха не пьяницу, не мота,
Приданое даю — твоя ли тутъ забота?
Упрямствомъ ты своимъ мнѣ горькой сдѣлалъ матъ,
Но знай, что ты теперь не другъ мнѣ и не братъ!
Прощай — — (*опять идетъ*)

КРИВОСУДОВЪ (*вторично удерживая*)

Подумать хоть мнѣ дай.

ПРЯМИКОВЪ.

Правдинъ извѣстенъ.
Тутъ думать нечего.

КРИВОСУДОВЪ.

Не буду я безчестенъ.

ПРОВОРЪ (*въ сторону*)

О! съ роду въ первой разъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Ты просьбой упредилъ
Меня — изволь. — (*даетъ руку*) Знать, Богъ Милонѣ такъ судилъ,
Что быть за нимъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Ты мнѣ даешь честное слово?

КРИВОСУДОВЪ.

Даю.

ПРЯМИКОВЪ.

Спасибо, братъ! — приданое готово.
Изволь!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и ПРАВДИНЪ.

ПРАВДИНЪ (*подавая прошеніе Кривосудову*).

Прошу мое прошеніе принять.

КРИВОСУДОВЪ.

Объ чемъ это, мой другъ?

ПРАВДИНЪ.

Извольте прочитать —
Узнаете все.

КРИВОСУДОВЪ (*прочтя*)

Что! — въ отставку? — поздравляю.

ПРАВДИНЪ.

Велика должность та, которой управляю:
Тутъ надо человѣкъ пекущійся о ней
И сущій господинъ надъ вольностью своей,
Которой не былъ бы мрачимъ какою страстью.
Но я, сударь, теперь, къ великому несчастью,
Разстроенъ мыслями, любовью отягченъ,

И должность исправлять потребныхъ силъ лишенъ.
Достойно оную не можетъ кто исправить,
Не лучше ли ему совсѣмъ ее оставить?
Я такъ сужу о томъ.

КРИВОСУДОВЪ (*разорвавъ челобитную.*)

Останься ты служить.

ПРЯМИКОВЪ (*треплетъ по плечу Правдина.*)

Забудешь горе все, не будешь ты тужить.

ПРАВДИНЪ.

Что значитъ это все? ей ей не разумѣю!
(*Прямикову*)
Позвольте мнѣ спросить: я чести не имѣю
Васъ знать?

ПРЯМИКОВЪ.

А я тебя вотъ эконьково зналъ.
Бывало, за усы ты все меня диралъ.
Я братъ его — и другъ отцу твому нелестный —
(*Кривосудову*)
Все послѣ разскажу. — Окончи, братъ любезный!

КРИВОСУДОВЪ.

Ну, счастливъ ты, Правдинъ! не думалъ я того,
Что сдѣлалось теперь. Прошеніемъ его
Я ставши убѣжденъ, далъ въ томъ честное слово
Милену за тебя отдать — владѣй здорово
И счастливо ты ей — она теперь твоя.

ПРАВДИНЪ.

Могу ль повѣрить въ томъ?

ПРЯМИКОВЪ.

Порукой въ этомъ я.
Съ невѣстою тебя навѣрно поздравляю.

ПРАВДИНЪ (*Кривосудову.*)

Какъ васъ благодарить, я мѣръ не поставляю!
Словами не могу; — но —

КРИВОСУДОВЪ (*показывая на Прямикова.*)

Кланяйся ему:
Онъ сдѣлалъ это все.

ПРАВДИНЪ (*Прямикову.*)

Ты сердцу моему
Свободу возвратя, и жизни далъ теченье.
Къ несчастному твое толико попеченье
Могу ли отплатить? избавитель ты мой!

ПРЯМИКОВЪ.

Постой! не горячись — я долгъ исполнилъ свой,
Что сдѣлать слѣдуетъ какъ честному солдату;
А должность никогда не требуетъ заплату.

ПРАВДИНЪ.

Прекрѣдкой человѣкъ!

ПРЯМИКОВЪ (*продолжаетъ.*)

Ты это, другъ мой, знай!
(*Кривосудову*)
Теперь пожалуй-ста скорѣе окончай.
Пошли за дочерью.

КРИВОСУДОВЪ.

Проворъ! пошли Милену. —
(*Проворъ уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, кромѣ ПРОВОРА.

ПРЯМИКОВЪ (*Правдину*).

Служи, мой другъ! Царю — не дѣлая измѣну.
Коль будешь штатскимъ ты — законы сохраняй:
Въ военные пойдешь — такъ службу почитай
Отцомъ и матерью; — начальству повинуйся,
Но не съ поклонами къ начальникамъ ты суйся:
Поклоны низкіе, изгибистая лесть,
То въ службѣ лишнее! — За правду и за честь
На пушку полѣзай — вотъ службы добродѣтель!
Я, тридцать лѣтъ служа, самъ былъ тому свидѣтель.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, МИЛЕНА, СТРѢЛА и ПРОВОРЪ.

МИЛЕНА (*бросаясь*)

Любезной дядюшка!

ПРЯМИКОВЪ (*обнимая ее.*)

Миленушка, другъ мой!
(*Кривосудову*)
Смотри, какъ выросла! — ну, братецъ дорогой,
Скажи-тко ей.

КРИВОСУДОВЪ.

Тотчасъ я это окончаю.
(*Беретъ Милену и Правдина за руку*)
Тебѣ, Правдинъ, мою Миленушку вручаю.

А ты, Миленушка, въ немъ мужа почитай.
Богъ васъ благословитъ!

ПРЯМИКОВЪ.

И Боже вамъ воздай
Благополучія; живите да любитесь.
(*Правдинъ цѣлуетъ Милену руку*)

ПРЯМИКОВЪ.

Цѣлуйтеся, не бойсь, теперь вы не стыдитесь.

МИЛЕНА.

Любезный дядюшка! Милену вы спасли.

ПРАВДИНЪ.

Вы наше счастіе съ собою принесли.

ПРЯМИКОВЪ.

И самъ тому я радъ, друзья мои, сердечно.
(*Милену*)
Послѣдніе мои тебѣ въ владѣнье вѣчно
Я семьдесятъ пять душъ съ землями отдаю.

МИЛЕНА.

Чѣмъ я вамъ изъявлю чувствительность мою?

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

Ай, дядя! этакой немного есть роденьки.

ПРАВДИНЪ (*Прямикову*)

Но вамъ чѣмъ жить?

ПРЯМИКОВЪ.

Куда умки въ васъ молоденьки!
Четыреста беру, и сто рублей на крестъ —
Куда мнѣ ихъ дѣвать? одинъ я, такъ какъ перстъ.—
А если отобьютъ и руки мнѣ и ноги,

Такъ къ нашему Отцу извѣстны мнѣ дороги:
Ползкомъ хоть доползу, да въ ноги чубарахъ —
Всё будетъ, что хочу — къ Нему идти не страхъ.
Для милостей вѣдь Онъ дверей не запираетъ
И щедрою рукой несчастныхъ надѣляетъ.
Наукамъ, ремеслу, художествамъ покровъ,
Пріютъ сиротъ, защита бѣдныхъ вдовъ.
Въ Россіи не было еще сего примѣра,
Чтобъ службу позабыть такого офицера,
Который грудью все своею защищалъ —
И съ радостію кровь за славу проливалъ.

(*по нѣкоторомъ молчаніи*)

Теперь все кончено, осталось веселиться.

ПРОВОРЪ (*въ сторону.*)

О, честной человѣкъ! не можно надивиться!

ПРЯМИКОВЪ.

Но только какъ я радъ! Я съ роду не плясалъ,
А съ радости такой бычка бы отхваталъ.

КРИВОСУДОВЪ (*про себя.*)

Когда Правдинушко со мною породнится,
Такъ десять тысячъ мнѣ авось въ карманъ ввалится.

ПРЯМИКОВЪ.

Спасибо, что меня послушался ты, братъ.
Доволенъ будешь.

КРИВОСУДОВЪ.

Я и самъ теперь ужъ радъ!

ПРЯМИКОВЪ.

Правдинъ! не позабудь: питомецъ ты монаршій,

Ступай прямымъ путемъ, кривыхъ не дѣлай маршей,
И правилъ добрыхъ ты держися всякой разъ.
Ты честностью своей прославился у насъ;
И я тебѣ скажу, любезной другъ, правдиво —
Тебя у насъ зовутъ: Неслыханное диво!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ОПЫТЪ ИСКУССТВА.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Милонъ, содержатель театра

Алексѣй, его слуга.

Актеръ, въ видѣ

Учителя, Никиты Силича

Нѣмки,

Подьячего,

Свахи,

Солдата и

Охотника.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИЛОНЪ (*держа въ рукахъ письмо.*)

Нѣтъ, видно, что мой планъ не скоро совершится,
Досада новая — и надобно взбѣситься.
Построилъ я театръ и всѣмъ его снабдилъ,
Но только лишь одни убытки получилъ.
Гдѣ можно, тамъ вездѣ искать людей стараюсь,
Актеровъ мало всё, какъ я ни домогаюсь.
По слухамъ я узналъ недавно одного;
Просилъ его къ себѣ, какъ Богъ знаетъ кого;
Далъ слово быть ко мнѣ, немедля обѣщался;
Но что жъ, и тотъ теперь съ поклономъ отказался.
Причины не пойму, что вздумалъ онъ отстать?
Иль, можетъ быть, его перетащили въ знать....
Да что дивиться ихъ обычной перемѣнѣ,
Актеру вѣрить лишь, покуда онъ на сценѣ.
Но дѣлать нечего, когда случилось такъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОНЪ, АЛЕКСѢЙ и послѣ УЧИТЕЛЬ.

АЛЕКСѢЙ.

Къ вамъ гость, сударь, пришолъ, да видно что чудакъ!

МИЛОНЪ.

Проси его сюда.

(*Учитель входитъ.*)

МИЛОНЪ.

Ба! что за незнакомый?

УЧИТЕЛЬ.

Дивлюсь, что къ тебѣ вошелъ я незовомый?
Коль скоро жъ объ умѣ своемъ я объявлю,
Навики тѣмъ къ себѣ тебя я прилѣплю:
Какъ умный человикъ, поймешь разсудкомъ здраво,
Что безъ докладовъ я входыть имѣю право.
Ходыли тако вси: Сенека, Ксенофонтъ;
Свѣтило не спросясь идетъ на горизонтъ.

МИЛОНЪ.

Не сомнѣваюсь я; позвольте лишь спросить,
Съ кѣмъ здѣсь я счастіе имѣю говорить?

УЧИТЕЛЬ (*гордо.*)

Схоластикъ, философъ, а купно и піита,
По батькѣ Силычъ я, по имени Никита.
Рожденъ въ Черниговѣ и съ самыхъ малыхъ лѣтъ
Вознесъ я въ Кіевѣ ученый свой полетъ;
Прославился, гремѣлъ по-всюду не маленько, —
Великій человѣкъ Никита Дахтиленко!
Всей Малороссіи я бисеръ предрагой.
Теперь ты видишь, кто бесѣдуетъ съ тобой.

МИЛОНЪ.

Никитѣ Силичу отдавъ мое почтенье,
Нижайше приношу свое благодаренье

За посѣщеніе его, — такая честь
Велика для меня; прошу покорне сѣсть.

УЧИТЕЛЬ.

Нѣтъ, — сидя говорить мнѣ будетъ несвободно,
Ораторъ не сыдитъ.

МИЛОНЪ.

Какъ вамъ, сударь, угодно.
Скажите, нужда васъ, конечно, завела
Въ мой домъ?

УЧИТЕЛЬ.

Ни малой нѣтъ; но ваши лишь дѣла
Прихода моего виною нынѣ стали:
Хочу, чтобъ вы моимъ талантомъ возсіяли,
Сокровищемъ хочу тебя вознаградить.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

Какъ скученъ! — Ну, сударь, извольте говорить.

УЧИТЕЛЬ.

Увѣдавши, что ты театръ распространяешь....

МИЛОНЪ

Такъ вы актеромъ быть, сударь....

УЧИТЕЛЬ.

Не понымаешь.
Невѣжество твое сейчасъ изобличу:
Актеромъ быть твоимъ ни мало не хочу,
Для Мельпоменина превыспренняго сына
Актеромъ низко быть; а инная причина
Влекла меня къ тебѣ. Вынымай мои слова:

Во-первыхъ, что я всѣмъ піитамъ есть глава;
Я прозою писать себя не унижаю;
Но славу съ честію всю въ риѳмахъ созидаю.
Какъ въ бурсѣ кіевской птенцовъ я обучалъ,
Такъ вѣсомъ десять пудъ стиховъ я написалъ,
Во время краткое, а именно, въ три года,
Ушло ль что отъ меня? акростихъ, пѣсня, ода,
Сатыра, мадригалъ, элегія, сонетъ!
Таланту моему ни въ чемъ препятства нѣтъ,
Перо мое вездѣ обрящетъ славы поле,
Ямбъ, дактиль и хорей въ моей всечасно волѣ.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Замучитъ онъ меня! — Извольте продолжать.

УЧИТЕЛЬ.

О! вѣрно, что мой гласъ пріятно вамъ внимать.
И такъ, прославился повсюду я жестоко.
Но что не уязвитъ завистливое око!
Былъ диспутъ нѣкогда — побиду я имѣлъ,
Но изо ста персонъ одинъ не онѣмѣлъ....

МИЛОНЪ (*зѣвая.*)

О чемъ же диспутъ былъ?

УЧИТЕЛЬ.

О свойствахъ пиррехія.
Я доказалъ, что ихъ слова галлиматія;
Къ устамъ профессорамъ пришлепнулъ я печать.

МИЛОНЪ.

Короче: вы ихъ всѣхъ....

УЧИТЕЛЬ.

Заставилъ всѣхъ молчать.

МИЛОНЪ.

Потомъ, сударь?

УЧИТЕЛЬ.

Сіи поганые свирчки
Отъ диспута меня прогнали у толчки.

МИЛОНЪ.

Ну что жъ, отмстили ль вы обиду имъ свою?

УЧИТЕЛЬ.

Нѣтъ, мщенія въ своемъ я сердцѣ не таю,
А только злобныхъ сихъ я презрилъ и оставилъ.
Держусь, колико льзя, всегда смиренныхъ правилъ,
Зачинщикъ въ мятежи одинъ изъ знатныхъ былъ,
Да только ловко ужъ и я его отбрилъ:
Сатыру написавъ безъ малаго въ три дести,
Но чтожъ потомъ, дошли къ вельможи эти вѣсти:
Увы! въ глазахъ моихъ велѣлъ сатыру сжечь
И чуть-было меня онъ съ ней не бросилъ въ печь.

МИЛОНЪ.

Несчастливы, сударь.

УЧИТЕЛЬ.

Мой разумъ въ томъ виною.

МИЛОНЪ.

Объ чемъ же говорить угодно вамъ со мною?

УЧИТЕЛЬ (*вынимая тетрадь.*)

Вотъ сила разума! созрѣвшіе плоды!
Дерзай пріять мои великіе труды.

МИЛОНЪ.

Да что это, сударь?

УЧИТЕЛЬ.

Премудрое творенье.
Подъ всей подсолнечной умнѣйше сочиненье,
Надъ коимъ три года ломалъ ученый лобъ,
Послухай и внимай: (*читаетъ*) трагедія—Потопъ?

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Трагедія—Потопъ,—ну вотъ сюжетъ забавный!

УЧИТЕЛЬ.

Постой! прочту тебѣ я самый актъ преславный.

МИЛОНЪ.

Нельзя ль уволить?

УЧИТЕЛЬ (*разбирая листы.*)

Нѣтъ! постой! .... постой .... найду.

МИЛОНЪ.

Теперь-то прямо я попался ужъ въ бѣду.
Какой несносной!

УЧИТЕЛЬ.

Что?.... что вы проговорили?

МИЛОНЪ.

Я удивляюся, какъ вы расположили
Разумный вашъ сюжетъ. —

УЧИТЕЛЬ.

Чтобъ трудъ свой сократить,
Въ двѣнадцать дѣйствіяхъ умѣлъ его вмѣстить.

МИЛОНЪ.

Въ двѣнадцать дѣйствіяхъ? —

УЧИТЕЛЬ.

Какое жъ въ этомъ диво? —

Ты узришь что тутъ все и ясно и правдыво:
При первомъ дѣйствіи изображенъ Ковчегъ,
Какъ Ной, нашъ праотецъ, привелъ его на брегъ;
Второе дѣйствіе — какъ звири собирались,
При третьемъ—какъ дожди отъ неба проливались;
Въ четвертомъ радуга, а въ пятомъ Араратъ,
Въ шестомъ какъ Ноевы воздвигли чада градъ,
Въ седьмомъ и далѣе идутъ межъ ихъ раздоры;
Конецъ трагедіи созженіемъ Гоморры. —
Вотъ симъ сокровищемъ хочу тебя дарить.
Изъ благодарности не можешь говорить,
Я вижу.... вижу то, и дщерь мою вручаю.
Прими.... (*даетъ ему насильно тетрадь.*)

МИЛОНЪ.

Оставьте мнѣ, я послѣ прочитаю.

УЧИТЕЛЬ.

Непостыжимости для смертнаго она.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

Ну, вижу я теперь, что онъ сошелъ съ ума.

УЧИТЕЛЬ.

Читай по степенямъ, ей! будешь удивляться.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

О, скучный человѣкъ! какъ будетъ отвязаться?
(*разбираетъ листы.*)

УЧИТЕЛЬ (*въ сторону.*)

Ужъ видно, насолилъ довольно я ему,
Да нѣтъ, не все еще. (*Милону*) Прочти. Дивись уму,
Талантамъ, остротѣ и вкусу толь отличну.

Актеровъ выбери, чтобъ сцену дать приличну,
Искусствомъ для творца. Прости любезный другъ,
Твой скоро минется невѣрія досугъ.

МИЛОНЪ.

Покорнѣйшій слуга, — я это все устрою.

УЧИТЕЛЬ (*въ сторону.*)

Немного я тебѣ сегодня дамъ покою.
(*Милону*) Пребудь благословенъ! (*уходитъ.*)

МИЛОНЪ (*одинъ*)

Вотъ странный человѣкъ!
Подобнаго ему не видывалъ я въ вѣкъ!
Какіе только есть на свѣтѣ сумасброды,
Поистинѣ сказать, что это фарсъ природы.
(*разбирая тетрадь*)
Трагедія Потопъ! пришла же мысль ему,
Вотъ подлинно чудакъ! — и онъ же своему
Творенію цѣны не поставляетъ.
Какъ самолюбіе надъ нами управляетъ!
Увѣрь его поди, что онъ дурной поэтъ,
Не согласится въ вѣкъ, хоть спорь съ нимъ цѣлый свѣтъ!
Но кто же правъ изъ насъ, и кто не бредитъ вздоровъ?
Онъ славу мнитъ въ перѣ, а я черезъ актеровъ,
А выйдетъ, что у насъ у всѣхъ различна блажь?

ЯВЛЕНІЕ III.

МИЛОНЪ и НѢМКА.

НѢМКА.

Рекомендую васъ, покорна мой услуги:
Я квастать не кочу, а мой короша руки,
Что нада косподамъ умѣй я работать,
Нѣмецкъ, Францускъ языкъ умѣй я все болтать.
И мало ль што умѣй, ви сами посмотрите.

МИЛОНЪ.

Да что угодно вамъ? сударыня, скажите.

НѢМКА.

О! што укодна мой, все мошно мнѣ давать
Што васъ укодна? то ви можна приказать.

МИЛОНЪ.

Приказывать я вамъ, сударыня, не смѣю.
Скажите нужду лишь....

НѢМКА.

Мой нуждъ пальшой имѣю:
Я слишу, ви театръ прекрасна заводитъ,
Мусикъ пальшой аркестръ и кардеробъ ваш
шить —
И я спокорна васъ прошу доставить шина,
Кочу на васъ актрисъ я быть гофмейстерина,
(*дѣлаетъ книксъ.*)

МИЛОНЪ.

Гофмейстериною? прошу меня простить,
Она мнѣ не нужна.

НѢМКА.

Изволитъ ви шутить.

Не можно быть безъ ней, у васъ карошъ актрисы.
А всѣ молодинькой и милинькой дивиси....

МИЛОНЪ.

Такъ что жъ, сударыня?

НѢМКА.

О! нада вострый глазъ.

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, право нужды въ томъ не будетъ мнѣ до васъ.
И если болѣе чего вамъ не угодно,
Покорнѣйшій слуга, теперь мнѣ не свободно.
(*идетъ*).

НѢМКА (*удерживаетъ.*)

Пастой мой касударь! ешо мой просьбъ одинъ,
Я знай, што добра ви кароши наспадинъ....

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ новый Силичъ мнѣ на шею навязался!
(*Ей*) Ну, что вамъ надобно?

НѢМКА.

Я должна фамъ признался:
Я Нѣмка шеловѣкъ, мой мужъ давно скончалъ,
Шестери есть дѣтей, и ошень, ошень малъ,
А кушать нешева.... (*утираетъ слезы.*)

МИЛОНЪ.

Вамъ надобно помочь.
(*даетъ деньги*)

НѢМКА (*въ сторону.*)

Не скоро отъ тебя, мой другъ, отстану прочь,
Узнаешь ты кто я! —

МИЛОНЪ (*отдавъ деньги.*)

Извольте, радъ чрезмѣрно,
Что вамъ могу служить.

НѢМКА.

О, знай я ошень вѣрно...

МИЛОНЪ.

Теперь, сударыня, прошу меня простить:
Мнѣ право нужно.... (*идетъ.*)

НѢМКА.

Я ешо кочу просить.
Постой мой косударь!

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ это мнѣ ужъ скучно!

НѢМКА.

Пожалуй не сердись, кагда вамъ не досушно
Ви можетъ свой дѣла другой работать шасъ.
Мнѣ ошень кошется на домѣ жить у васъ.

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, во всемъ не отрекуся,
Но въ домъ къ себѣ принять васъ, право, не рѣшуся.

НѢМКА.

Я многа дѣлать знай, моку што кошитъ шить,
Моку фризировать и крушева плетить,
На сакари вари оранжи и лимони,
Кароши дѣлать я умѣй макарони,
Умѣй я тансовать, икрай на клависинъ —
Бери меня къ себѣ любезный каспадинъ.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

О, пренесносная вралиха! (*Ей*) Я жалѣю,
Что должности избрать вамъ въ домѣ не имѣю:
Кандитеръ, повара и вся услуга есть.

НѢМКА.

Та я вамъ сдѣлаю пальшую ошень шесть,
Мой мужъ былъ коммерцратъ.

МИЛОНЪ.

За честь я вамъ обязанъ;
Но мой рѣшительный отвѣтъ уже вамъ сказанъ.
Простите (*идетъ.*)

НѢМКА (*удерживая.*)

Поже мой! вы колоденъ какъ мрозъ,
О, есть у васъ мадамъ?

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Ну вотъ еще вопросъ!
Что будетъ? (*ей*) Нѣтъ, еще жены я не имѣю.

НѢМКА (*съ низкимъ книксеномъ.*)

Теперь, мой касударь, просить покорно смѣй —
Шените на меня — пожалуста шените!

МИЛОНЪ (*удерживая ее.*)

Весьма примѣтно то, что замужъ вы хотите!
Но женщинъ я боюсь: вы хитро рождены.

НѢМКА.

Фай! фай! какъ мнокъ сказалъ—поятся свой жены...

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Что съ нею толковать? (*ей*) Извольте оставаться.
(*идетъ.*)

НѢМКА (*падаетъ въ кресла.*)

Ахъ! Ахъ!

МИЛОНЪ.

Вотъ новость! (*кличетъ*) Эй!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и АЛЕКСѢЙ.

МИЛОНЪ.

Намъ надо постараться,
Чтобъ въ чувство привести ее! да и съ двора....

АЛЕКСѢЙ.

И очень бы давно столкать ее пора.

МИЛОНЪ.

Что дѣлать съ ней?

АЛЕКСѢЙ.

Да что, сама небось очнется.

МИЛОНЪ (*давая ей спирть.*)

Поможетъ, и пройдетъ.... не вдругъ ....

АЛЕКСѢЙ.

Не задохнется,
Чего боитесь вы?

НѢМКА (*вскоча вдругъ.*)

Послушайте друкъ мой!
Ви скверна шеловѣкъ, ви самый фатъ пальшой,
Ви хуже, что на свѣтъ есть шерти очень злыя,
Ви самый крупіянъ — такой фасонъ кудыя:

Не хочетъ дѣлать то, что женщина проситъ.
На! деньга свой возми! шелай тебѣ — давитъ!
(*Бросаетъ деньги и убѣгаетъ съ поспѣшностью. Алексѣй за нею.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

МИЛОНЪ *(одинъ.)*

Покорнѣшій слуга! — меня же разругала
За то, что цѣлый часъ, когда она болтала
Нелѣпости свои, я слушалъ и терпѣлъ!
Нѣтъ, право, Силичъ мнѣ не столько надоѣлъ.
Вотъ женщина! скажу, ни мало не нахальна,
Но право, кажется, она весьма похвальна,
Искусства знаетъ всѣ и пробовать смѣла.
Но деньги для чего она мнѣ отдала?
Тутъ хитрость, думаю, иль, можетъ быть, не нужны.
Ахъ, сколь обманчивы всѣ дѣйствія наружны!
Желалъ бы я....но что, къ чему объ ней мнѣ
знать?
Довольно, что она, изволивъ ускакать,
Оставила меня смѣяться ей въ покоѣ.
Ужъ только сахары мнѣ эти были двое,
Но Нѣмкѣ, видно, я понравился чрезъ-чуръ,
Безъ околичности пошелъ-было амуръ —
Какой оригиналъ еще ко мнѣ валится?

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

МИЛОНЪ и ПОДЬЯЧІЙ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Всещедрый мой отецъ, прошу не погнѣвиться,
Что я, заблудша тварь, предъ васъ дерзнулъ предстать
И рабски мой поклонъ желалъ экскузовать.
Примите отъ меня по формицѣ прошенье.
(Подаетъ ему бумагу.)

МИЛОНЪ.

Скажи мнѣ на словахъ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Читалъ я объявленье,
Что соизволили въ газетахъ оттиснить,
А въ немъ гласило такъ, — могу вамъ прояснить:
«Построилъ я театръ съ портеры, со кулисы:
«Потребны мнѣ теперь актеры и актрисы;
«А званіе сіе желаетъ кто нести,
«Того прошу въ мой домъ къ условію притти.»
А поелику я, преподлое творенье,
По скудному уму пустился въ сочиненье,
Прошу васъ, мой отецъ, щедроты изъявить,
Контрактецъ написавъ, къ кіатру допустить.

МИЛОНЪ.

Да ты-то кто, другъ мой?

ПОДЬЯЧІЙ.

Я изгнанецъ съ приказныхъ
Отъ притѣсненія и отъ нападокъ разныхъ.

Едва лишь поступилъ въ канцеляристскій чинъ,
Исправникъ нашъ, такой безсмѣнной дворянинъ,
Картёжникъ, зубоскалъ, въ звѣриной былъ охотѣ:
Узрѣвъ, что мужика комшу я на болотѣ, —
Какое жъ слѣдствіе изволилъ учинить!
Что якобъ я хотѣлъ сермягу затопить.
А подозрѣніе, ей-ей, все было ложно,
Мужикъ-де деньги везъ — да мнѣ-то какъ знать возможно
Кто ѣдетъ съ деньгами? — вѣдь я не философъ,
И такъ, не воспріявъ ко оправданью словъ,
Составилъ протоколъ, чтобъ выкинуть изъ штата
Ѳому Курилкина, не давши аттестата.

МИЛОНЪ.

То видно по всему, что ты невиненъ былъ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Ей-ей, такъ, мой отецъ, чтобъ громъ меня сразилъ!

МИЛОНЪ.

Да кто жъ тебя, мой другъ, такъ клясться принуждаетъ?

ПОДЬЯЧІЙ.

И форма о судѣ присягъ не отвергаетъ.

МИЛОНЪ.

Какую же тебѣ въ театрѣ должность дать?
Ты, помнится, сказалъ, умѣешь сочинять?

ПОДЬЯЧІЙ.

Желанью моему не дальнія границы,
Въ день цѣлый напишу несмѣтныя страницы, —

Хотя наставлю я предлоговъ, или пять,
Но рукопись мою всякъ можетъ прочитать,
Во списываньи роль могу вамъ быть слугою.

МИЛОНЪ.

Изрядно;—сочинять, что жъ будемъ мы съ тобою?

ПОДЬЯЧІЙ.

Всещедрый государь! какъ дѣла не сыскать?
Въ кіатрѣ много лицъ, изволите принять,
А между множествомъ всегда бываютъ споры,
Изъ коихъ экстренно бываютъ и раздоры,
Умѣй лишь не зѣвать, — и спорецъ растравить,
А тамъ и просьбицу потребно сочинить.
Не отними мнѣ лишь Господь глаза и руки....

МИЛОНЪ.

Не такъ, — не отними завидливость и крюки.
Ну, вижу, другъ мой, я,—ты самый честный плутъ

ПОДЬЯЧІЙ.

Нѣтъ, благодѣтель мой, — не такъ меня зовутъ.
А если плутовство во мнѣ какое зрите,
Такъ впредь, для вѣдома, въ Управѣ заявите.

МИЛОНЪ.

Прости меня, мой другъ, я право пошутилъ.
(про себя.)
Чтобъ прежде на меня онъ просьбы не пустилъ.
Возьми, братъ, на сертукъ. *(даетъ ему ассигнацію.)*

ПОДЬЯЧІЙ.

Конечно, за безчестье?

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Почаще бъ я платилъ, но только за увѣчье.
(*Ему*) Спасибо, что твоя честь ходитъ такъ въ цѣнѣ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Охъ, милостивецъ мой! оно годится мнѣ,
На разны проторы въ домашнемъ волокитствѣ.
(*Прячетъ ассигнацію въ карманъ.*)
Ей-ей, не лакомъ я во взяточномъ пожитствѣ.

МИЛОНЪ.

О! видно по всему. — Ну что жъ съ меня возьмешь
Служить въ театрѣ?

ПОДЬЯЧІЙ.

Я? служу безъ ряды, сплошь:
Всевышній что Творецъ вамъ по сердцу положитъ,
Доволенъ буду тѣмъ.

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, быть того не можетъ,
Ты долженъ мнѣ сказать безъ дальнихъ всѣхъ хлопотъ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Явите жъ милость мнѣ, велите сшить кафтанъ,
Или шубейку хоть къ согрѣнью грѣшна тѣла,
А плату можете производить мнѣ съ дѣла.

МИЛОНЪ.

Да дѣла у меня дѣлецъ-то не найдетъ,
Въ накладѣ будешь.

ПОДЬЯЧІЙ.

Ну, мой въ этомъ свой разсчетъ,
Лишь только дай Творецъ въ чертогъ вашъ во-
двориться,
А тамъ у насъ дѣла рѣкою станутъ литься.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

И подлинно я простъ. (*Ему*) Конечно, другъ мой,
такъ....

ПОДЬЯЧІЙ.

Когда же мнѣ предстать предъ вашъ почтенный
зракъ?

МИЛОНЪ.

Объ этомъ я уже въ газетахъ публикую.

ПОДЬЯЧІЙ.

На документецъ вашъ теперь я нарискую.
(*Примѣривается, будто на бильярдѣ.*)
Пятнадцать и одинъ.... о, щедрый мой отецъ!
Признаться, что въ шары щелкать я молодецъ.

МИЛОНЪ.

Ты многіе въ себѣ таланты заключаешь.

ПОДЬЯЧІЙ.

Да то я докажу, чего ты и не знаешь!
Прощай мой истинный отецъ-благотворитель,
Гонимыхъ крѣпкій щитъ, несчастныхъ покрови-
тель.

МИЛОНЪ.

Оставь титулъ ты сей, въ немъ, право, нужды
нѣтъ.

ПОДЬЯЧІЙ.

Прости, я буду ждать счастливѣйшихъ газетъ.

(*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МИЛОНЪ (*одинъ.*)

Вотъ прямо старыхъ лѣтъ подьячій знаменитый,
Душа чернильная, языкъ преядовитый,
Крючками, подлостью на всѣхъ вооруженъ. —
Чего еще желать? во всемъ пресовершенъ.
Какъ намъ благодарить премудрое правленье,
Что гнусныхъ сихъ людей ведетъ въ уничтоженье.
О, Провидѣніе! избавило насъ бѣдъ:
На мрачномъ къ истинѣ пути, явился свѣтъ;
Въ законникахъ такихъ мы видимъ лишь уродовъ,
И настоящихъ имъ имѣемъ антиподовъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОНЪ и АЛЕКСѢЙ.

АЛЕКСѢЙ.

Къ вамъ женщина, сударь, какая-то пришла.

МИЛОНЪ.

Въ актрисы, вѣрно.

АЛЕКСѢЙ.

Я не знаю; принесла
Узлище пребольшой: мнѣ кажется, торговка?

МИЛОНЪ.

И нѣтъ сомнѣнія: на это въ нихъ уловка;
Спровѣдала, что я скупаю гардеробъ,
Такъ, вѣрно, принесла какой-нибудь салопъ —
Отъ старой барыни, чтобъ втрое взять цѣною.
Зови ее сюда. (*Алексѣй уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

МИЛОНЪ, потомъ СВАХА.

МИЛОНЪ.

Всѣ занялися мною,
Охъ, сколько мнѣ, театръ, надѣлалъ ты хлопотъ!
Какая страшная фигурища ползётъ!
Что ты, голубушка?

СВАХА (*запыхавшись.*)

Охъ, батюшка, устала,
Съ душой не соберусь .... чуть съ верху не упала:
Твой жолтой мнѣ кобель такую задалъ страсть;
Ужъ думала моей головушкѣ пропасть.

МИЛОНЪ.

Онъ не кусается, напрасно ты боялась.

СВАХА.

Залаялъ, мой отецъ, — на смерть перепугалась;
Но долго ли грѣху попутать невзначай?
За горло схватитъ разъ — и бѣлой свѣтъ прощай.

МИЛОНЪ.

Похвально, что въ тебѣ такая осторожность...

СВАХА.

Вѣдь все на свѣтѣ грѣхъ, и хитрость и оплошность,
За слово праздное одинъ дадимъ отвѣтъ —
Не правда ль, батюшка?

МИЛОНЪ.

Конечно, спору нѣтъ.
Зачѣмъ же ты пришла?

СВАХА.

А вотъ какія вѣсти:
Я курочку пришла сманить съ твоей насѣсти,

МИЛОНЪ.

Безъ аллегоріи, — нельзя ли пояснить?

СВАХА.

Ну, батюшка, на томъ прошу не погнѣвиться,
Что спроста молвила.

МИЛОНЪ.

Да что тебѣ чиниться.
Скажи зачѣмъ пришла?

СВАХА.

Чтобъ ваша только честь
Во гнѣвъ не приняла — у васъ товарецъ есть,
А мы найдемъ купца.

МИЛОНЪ.

Я все не понимаю.

СВАХА.

Ужъ шутишь ты, сударь,

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, право я не знаю,
Пожалуйста, скажи, безъ дальныхъ всѣхъ затѣй.

СВАХА.

Да какъ не разумѣть, ты самъ вѣдь грамотѣй!
Изъ вашихъ дѣвушекъ, есть, батюшка, пѣвичка,
Не такъ добрѣ толста, смугленька, кругличка.

МИЛОНЪ.

Груняша?

СВАХА.

Такъ сударь. Ужъ нечего, товаръ!
Какъ павушка плыветъ, — да что житье у баръ!
Ахъ, нынѣ свѣтъ такой, вездѣ дѣвицъ сбываютъ.
И все-то, батюшка, вѣдь горя убавляютъ.

МИЛОНЪ.

Такъ, милая, да ты, знать, свахою пришла?
(*Сваха кланяется.*)
Скажи жъ о женихѣ, котораго нашла?

СВАХА.

Красавецъ, молодецъ, а чиномъ Елистраторъ,
И нечего сказать, затѣйщикъ, прокураторъ.
Вотъ ежели начнешь комедьи выводить, —
Кишечки надорвешь.... хи! смѣхъ и говорить.
Учливой, ласковой — играетъ на скрипицѣ.
Дай Богъ, чтобъ суженой онъ былъ твоей дѣвицѣ.

МИЛОНЪ.

Объ этотъ надобно спросить сперва у ней.
Согласна ли....

СВАХА.

Да кто себѣ самъ лиходѣй?
Ты только прикажи, а ей куда заспорить.

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, другъ мой, я ее не стану въ томъ неволить.
Да, знаешь, мнѣ оставь, — я время пріищу
И, вѣрно, женихомъ такимъ ее прельщу,
А самъ подумаю.

СВАХА.

Ну, какъ себѣ изволишь.
Охъ! охъ! — не лапоть мужъ — съ ноги долой не сбросишь,
А умъ дѣвической какъ зеленъ виноградъ . . . .
Подумать надо . . . .

МИЛОНЪ.

Что, согласна ты, я радъ.

СВАХА.

Ахъ, ясно солнышко! да чѣмъ же намъ кормиться?

МИЛОНЪ (*дѣлаетъ видъ, будто вспомнилъ женихa и говоритъ притворяясь сердито.*)

Ахъ ты негодница! женихъ-то негодится:
Вѣдь знаю я его.

СВАХА (*струся.*)

Мнѣ надобна душа!
Одна привычка въ немъ не больно хороша,
Что ночи цѣлыя въ картишки онъ мотаетъ.

МИЛОНЪ.

Ну а еще?

СВАХА.

Межъ насъ будь слово, — испиваетъ.

МИЛОНЪ (*перемѣняя голосъ.*)

Вотъ видишь, что я зналъ; мнѣ право это жаль,
И вѣдомо! — женясь, онъ броситъ эту шаль.

СВАХА.

И вѣдомо, сударь, во всемъ остепенится.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ прямо характеръ, въ чемъ хочешь — согласится.

(*Свахѣ.*)

Что, много у тебя, я чаю, жениховъ?

СВАХА.

Довольно.

МИЛОНЪ.

А невѣстъ?

СВАХА.

Какъ въ мокрой годъ грибовъ.
Иныя, батюшка, и очень позавяли,
А замужъ рядятся, — ну, уши прожужжали:
Ищи имъ женихов, — а было бы гдѣ взять —
Ну всѣхъ, вѣдь, мой отецъ, изволятъ браковать!
Тотъ простъ для нихъ, да старъ, а этотъ не кураженъ.
Да что же дѣлать-то? не всякъ красавцемъ слаженъ.

МИЛОНЪ.

Не злоязычна ты, любезная, отнюдь.

СВАХА.

Вѣдь дмъ я, мой отецъ, сказала не въ осудъ.
Вотъ, баринъ, посмотри приданое не дивно.
(*вынимаетъ бумагу.*)
Невѣста ужъ за то, какъ яблочко наливно.

МИЛОНЪ.

Посмотримъ, можетъ быть, и мнѣ она годится.

СВАХА.

Ахъ! во святой бы часъ; а есть на что прельститься.

МИЛОНЪ (*читаетъ.*)

Что нижеписанный въ приданы положилъ
За дщерію своей, въ томъ роспись утвердилъ.
Иконъ святыхъ — одна, въ серебряномъ окладѣ,
Старинна книжица, тисненна въ Новѣградѣ,
Различна серебра пудъ, два золотника,
Три нитки жемчугу, соболья эпанечка.

СВАХА.

Глазетна, батюшка, тепла-то ужъ какъ печка!

МИЛОНЪ (*читаетъ.*)

Кофтъ, юбокъ шелковыхъ осьмнадцать ровно паръ,
Пять колецъ золотыхъ....

СВАХА.

И всѣ — горятъ какъ жаръ!

МИЛОНЪ (*читаетъ.*)

Пятнадцать паръ чулокъ, сорочекъ шесть голландскихъ,
Двѣ дюжины простыхъ, приборъ салфетокъ ткацскихъ,

Да денегъ тысячу, при всемъ при этомъ ей;
А все приданое въ три тысячи рублей,
«Ну, подлинно скажу: богатая невѣста.»

СВАХА.

Суди небесный Царь ей тёпленькаго мѣста,
А намъ на свадебкѣ хоть косточки глодать.
За то бы ужъ и я умѣла честь воздать.
(*поетъ дикимъ голосомъ.*)
Не долго вѣночку на столпочкѣ висѣть,
Не долго Натальюшки русу косу плесть!

МИЛОНЪ.

Да ты и пѣсенки ужъ свадебны запѣла!

СВАХА.

Ахъ ты мой золотой, вѣдь только намъ и дѣла.

МИЛОНЪ (*указывая на узелъ.*)

Да что тутъ у тебя?

СВАХА.

Тутъ бутырника — такъ,
Да вашей милости не слѣдуетъ никакъ.
Хлопотъ-то у меня — ахъ, батюшка родимой!
Весь городъ выходишь за инною причиной.

МИЛОНЪ.

Однако же тебѣ домой идти пора.

СВАХА.

Постойка, батюшка, я на ногу скора.
Ветхонъ Назарьевичъ теперя ищетъ денегъ,
Пречестная душа, умкомъ лишь молоденекъ;
Така диковинка, съ закладомъ не найду;
А нужда на-зарѣзъ. — Ну какъ къ нему пойду?

Вотъ видишь, батюшка, Алены скоро будетъ,
Такъ надо подарить:.. кто жъ денежекъ добудетъ?
Охъ, горюшко мое! Вѣтриловъ офицеръ
Изволитъ ѣхать въ полкъ, — потребно на мун-
деръ,
На прочее на все.... боярыня снабдила
Съ иголочки всего, и триста подарила, —
Такъ гдѣ, мой батюшка, лишь только въ руки взялъ,
Да все съ Матреною своей и просвисталъ.
Бѣда на шею мнѣ: опять сбирай въ дорогу;
Однако жъ справлю я то дѣло понемногу.
За то и вѣрятъ мнѣ: хоть какъ секретъ великъ,
Да ужъ молчу и я — отсохни мой языкъ.

МИЛОНЪ.

Ну, молчаливая и кроткая Медея,
Прошу покорно вонъ.

СВАХА.

И впрямъ идти скорѣя. —
Прости, мой батюшка, ахъ! много хлопотать.
(*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

МИЛОНЪ (*одинъ.*)

Родители! и вы дерзаете ввѣрять
Такимъ чудовищамъ священны брака узы!
Увидите ль когда счастливые союзы?
Не святотатъ ли тотъ, не сущій ли тиранъ,
Кто, зная сихъ бродягъ коварство и обманъ,
По алчности одной въ ихъ сѣти предается.

Подлѣйша тварь сія родителямъ клянется,
Возноситъ жениха — всё дѣло въ серебрѣ:
Брось рубль — и ваша дочь, какъ жертва на кострѣ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

МИЛОНЪ и АЛЕКСѢЙ.

АЛЕКСѢЙ (*входя подаетъ письмо.*)

МИЛОНЪ.

Что это?

АЛЕКСѢЙ.

Къ вамъ письмо.

МИЛОНЪ.

Откуда?

АЛЕКСѢЙ.

Я не знаю
Солдатъ его принесъ.

МИЛОНЪ (*распечатавъ читаетъ.*)

«За счастье поставляю,
«Что вамъ могу я вновь услугу предложить,
«Причемъ покорнѣйше имѣю честь просить,
«Чтобъ прежній мой отказъ вы грубостью не чтили.
«Но какъ препятствія успѣлъ я окончать,
«То всѣми силами къ вамъ буду поспѣшать.
Ну, господинъ актеръ, чтобъ правда это было!
Но, кажется, письмо довольно подтвердило,
Что будетъ, — этому я гостю очень радъ.

АЛЕКСѢЙ.

Которой къ вамъ сударь, письмо принесъ, сол-
датъ,
Особенно до васъ имѣетъ нужду.

МИЛОНЪ.

Знаю,
Въ чемъ нужда; позови, и вѣрно угадаю,
Что въ водкѣ. (*Алексѣй уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

МИЛОНЪ и СОЛДАТЪ.

МИЛОНЪ.

Гдѣ, мой другъ, взялъ это письмецо?

СОЛДАТЪ.

Изъ рукъ того, кто далъ, я тамъ было лицо.

МИЛОНЪ (*про себя*).

Вотъ лаконическій отвѣтъ. (*Солдату*) Да гдѣ же
дали
Тебѣ его?

СОЛДАТЪ.

Молчать объ этомъ приказали.

МИЛОНЪ.

Молчать?

СОЛДАТЪ.

Конечно такъ.

МИЛОНЪ.

Какой же тутъ секретъ?

СОЛДАТЪ.

Не знаю какъ тебѣ на это дать отвѣтъ.

МИЛОНЪ.

Да память-то была, мой другъ, тогда съ тобою?

СОЛДАТЪ.

Неужъ-то въ пазухѣ лежала за сумою.

МИЛОНЪ.

Могло случиться (*Про себя*) Мнѣ сдается, что онъ пьянъ.
(*Ему*) Да какъ тебя зовутъ?

СОЛДАТЪ.

Какъ? Францъ Венеціянъ.

МИЛОНЪ.

О! Францъ Венеціянъ, ты, видно, шутъ нарядной.

СОЛДАТЪ.

Конечно такъ, притомъ не будничной, парадной.
Да дѣло не о томъ, что шутъ я, или нѣтъ,
Тебя не позову объ этомъ на совѣтъ.
А вотъ что: сдѣлай мнѣ такое одолженье —
Для скуки позабавь, отдерни представленье,
А я за это дамъ тебѣ на провіантъ.

МИЛОНЪ.

Да знаешь ли, мой другъ, кто я?

СОЛДАТЪ.

Комедіантъ.

МИЛОНЪ.

А кто тебѣ сказалъ?

СОЛДАТЪ.

Да всѣ здѣсь, какъ въ тревог.
Колотятъ объ тебѣ. Потѣшь же, братъ, Серегу:
Пожалуйста сломай хоть маленьку комедь.

МИЛОНЪ.

Ты любишь ихъ?

СОЛДАТЪ.

На смертъ! какъ плясывалъ медвѣдь
Я сколько разъ видалъ — въ комедьи былъ собачей:
Тамъ моська въ сертукѣ....; (*смѣется*) ха, ха!
тамъ кучеръ съ клячей.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Великой аматёръ! (*Ему*) Изволь, мой другъ, быть
такъ,
Сыграю я комедь, — да что жъ ты дашь?

СОЛДАТЪ.

Пятакъ.
Я, видишь, не хочу, чтобъ даромъ ты ломался.

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, мало пятака.

СОЛДАТЪ.

Ну, вотъ заведичался! —
Да Нѣмецъ въ Питерѣ, возьметъ вѣдь это, другъ.

МИЛОНЪ.

Приди же завтра ты — теперь мнѣ не досугъ;
А между тѣмъ возьми (*подаетъ ему со стола нѣсколько пятаковъ.*)

СОЛДАТЪ (*взявши.*)

На что это?

МИЛОНЪ.

На водку.

СОЛДАТЪ (*кидаетъ съ досадою на полъ.*)

Провалъ тебя возьми! заткни ты ими глотку;
А выпить хочешь, — такъ пойдемъ, я поднесу.
Ты деньги мнѣ даешь, чтобъ мнѣ не жить часу!

МИЛОНЪ.

За что же сердишься? Коль водки ты не хочешь,
Другое что-нибудь купить на это можешь.

СОЛДАТЪ.

Безъ милости твоей найду, — я самъ богатъ.

МИЛОНЪ.

А чѣмъ?

СОЛДАТЪ.

Царемъ! и тѣмъ, что русской я солдатъ

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

Не благодарная ль черта въ сихъ нравахъ темныхъ?
Вотъ истинный слуга, безъ хитростей притворныхъ!
(*Солдату*) Спасибо другъ мой, ты мнѣ многое открылъ:
Теперь все слушать радъ, что ты ни говорилъ,
А служишь сколько лѣтъ?

СОЛДАТЪ.

Да есть близъ трехъ десятковъ.

МИЛОНЪ.

Въ сраженіяхъ бывалъ?

СОЛДАТЪ.

Бывалъ, и безъ оглядковъ.
Случалось иногда, какъ батюшинъ сынокъ
Попятится назадъ, такъ дашь ему толчекъ, ...
(*толкаетъ Милона.*)
Пойдетъ, бѣднякъ, впередъ; за то ужъ послѣ бою
И ты поплатишься ему своей спиною . . . .
Иной, ей-ей, нелгу, дрожавъ отъ насъ въ верстѣ—
Реляція пошла — посмотришь и въ крестѣ,
И носитъ не стыдясь трусишка спинной!

МИЛОНЪ.

И ты получишь крестъ?

СОЛДАТЪ.

Конечно, деревянной,
Мы служимъ не за тѣмъ, чтобъ ленточку имѣть;
Намъ правды долгъ велитъ отъ пули умереть.
Да хвастать нечего. — Французы, Шведы знаютъ,
Что грудью нашею штыки свои ломаютъ.
Ступай-ка ты служить — не будешь генералъ —
Что нужды! можетъ быть, и честной ты капралъ.

МИЛОНЪ.

А руку отобьютъ?

СОЛДАТЪ.

Не годенъ при фурѣ,
Такъ съ палочкой тебя поставятъ къ магазею:
Ты будешь сытъ, а честь все будетъ при тебѣ . . . .

МИЛОНЪ.

Науку храбрости какъ принялъ ты себѣ?

СОЛДАТЪ.

Учиться храбрости — не Русской ты словами,
Въ деревнѣ на печи она родится съ нами.

МИЛОНЪ.

Не спорю. Что жъ, мой другъ, умѣешь ли читать?

СОЛДАТЪ.

Да видишь ли, за то, что грамотѣ не знаю,
Такъ за ефрейтора я должность отправляю.
Хотѣлъ-было меня полковникъ произвесть
Въ сержанты, — только я не принялъ эту честь.

МИЛОНЪ.

Да для чего жъ?

СОЛДАТЪ.

Тогда мнѣ всякой бы смѣялся:
Безграмотный дуракъ, а въ чинъ, дискать, попалея.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Ахъ! многимъ бы желалъ то правило принять,
Чтобъ, вѣкъ узная свой, высоко не летать.

СОЛДАТЪ.

Сказать тебѣ какъ мы гуляли за Фразгамомъ,
Въ поганой сторонѣ, въ краю чертовскомъ самомъ?
Болота по уши, то камни, то песокъ,
А хлѣбъ съ соломою,—ну въ ротъ нейдетъ кусокъ;
Нѣтъ, лучше разскажу, какъ были мы подъ Туркой,
А съ тѣмъ вѣдь воевать не какъ съ чухонской юркой . . . .
Да все пустякъ. Тогда Суворовъ съ нами былъ.

Вѣдь ты, я чай, слыхалъ, какъ некристь онъ душилъ....
Хоть правда, ужъ и намъ мы пили горьку чашу,
Онъ самъ!.... вотъ командиръ! самъ ѣлъ солдатску кашу.
«Друзья, голубчики! старайтесь послужить,
Чтобъ нашей Матушкѣ-Царицѣ угодить.»
(*съ горячностью*)
А мы ему: — Отецъ! веди насъ за собою!
Готовы за Царя мы всѣ здѣсь лечь съ тобою, —
Ухъ! жаръ какой пошолъ.. вотъ атакъ Туртукай,
(*ставитъ Милона на одну сторону театра*)
А мы къ нему: Ура! ура! бери, ломай!
Тотчасъ подъ ноготокъ.... чего жъ ты испугался?

МИЛОНЪ.

Да ты меня загналъ.

СОЛДАТЪ (*въ забывчивости.*)

Начто сопротивлялся.
Однако же какъ разъ прошла вся кутерьма,
Ворота отворилъ какой-то намъ чалма.
Вотъ тутъ-то мы уже пошли и завеличались!
(*Напѣвая, ходитъ по театру.*)

МИЛОНЪ.

И этимъ подвиги твои всѣ окончались?

СОЛДАТЪ.

Куда тебя несетъ! Ахъ, жаль, домой пора:
Хозяйка у меня брюзглива и стара
Запретъ ворота.

МИЛОНЪ.

Ну, прощай мой другъ любезный!
Всегда ходи ко мнѣ: тебѣ ужъ путь извѣстный,
И ты пріятель мнѣ.

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, другомъ быть хочу!
Прости комедіантъ; теперь я замолчу,
Но только не забудь Серёгу ты солдата,
А я тебя люблю .... вотъ истинно — какъ брата!
Эхъ не потѣшилъ ты похмѣльной мой угаръ.

МИЛОНЪ.

Прости почтенный мой!

СОЛДАТЪ.

Прощай! прощай фигляръ. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МИЛОНЪ (*одинъ.*)

Солдатъ мнѣ новое надѣлалъ безпокойство,
Въ немъ прямо русское, похвальное все свойство...
Но цѣну мы его готовы забывать;
Стремимся за моря — не зная что искать!
Безъ воспитанія, безъ примѣси искусства,
Какъ чистый токъ воды, его лiются чувства;
На полѣ брани звѣрь, а дома человѣкъ,
Идущій той стезей, что̀ Богъ ему предрекъ.
И просвѣщеніе, конечно, не химера,

МИЛОНЪ и АЛЕКСѢЙ.

МИЛОНЪ (*Алексѣю.*)

Что у васъ за споръ?

АЛЕКСѢЙ.

Чего, сударь, у насъ набитъ гостями дворъ.
Какой-то господинъ пріѣхалъ къ намъ съ охот
Собаки да псари....

МИЛОНЪ.

Тебѣ-то что жъ заботы

АЛЕКСѢЙ.

Мнѣ что заботиться? да жаль его людей:
Онъ всѣхъ перекомшитъ, озлился будто змѣй!

МИЛОНЪ (*усмѣхаясь.*)

И важная весьма, я думаю, причина?

АЛЕКСѢЙ.

Объ зайцахъ споръ идетъ.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

МИЛОНЪ (*одинъ.*)

Не знаю, кто бъ такой пожаловалъ съ охоты?
Но только разговоръ нашъ будетъ съ нимъ — зѣвоты.
Объ зайцахъ для меня матерія суха,
А имъ всѣмъ нравится такая чепуха.
Смѣшно смотрѣть, когда охотники сберутся:
Крикъ, споры разные, и чуть не подерутся.
А мнѣ одно свое: — театръ съ ума нейдетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МИЛОНЪ и ОХОТНИКЪ.

ОХОТНИКЪ (*оборотясь къ кулисамъ.*)

Нѣтъ! нѣтъ! мой другъ, тебѣ то даромъ не пройдетъ,
Стремяннаго хочу имѣть, а не скотину;
Обругу завтра же — сведите на осину.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ строгой приговоръ!

ОХОТНИКЪ (*ему.*)

Позвольте васъ спросить:
Съ хозяиномъ я честь имѣю говорить?

МИЛОНЪ.

Такъ точно.

ОХОТНИКЪ.

Я, сударь, прошу у васъ прощенья,
Что безпокою васъ.

МИЛОНЪ.

Оставьте извиненья.
Позвольте лишь узнать, кто вы?

ОХОТНИКЪ.

Знать нужно вамъ!
Сломиголовниковъ.

МИЛОНЪ (*сухо.*)

Рекомендуюсь самъ.

ОХОТНИКЪ.

Извольте видѣть вы: я въ полѣ двѣ недѣли....
Но множествомъ своимъ мнѣ зайцы надоѣли;
Скажу, что мѣсто ужъ! — какіе острова!...

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Ну, видно, братъ, что ты пустая голова.

ОХОТНИКЪ.

Я слышу ото всѣхъ, что вы страннопріимецъ.

МИЛОНЪ.

Я добрымъ людямъ радъ.

ОХОТНИКЪ.

Сто зайцевъ вамъ въ гостинецъ!
Вы, безъ сомнѣнія, имѣете собакъ?

МИЛОНЪ.

Имѣю, пять, шесть.

ОХОТНИКЪ.

О! вы шутите?

МИЛОНЪ.

Никакъ.
До нихъ не страстенъ я.

ОХОТНИКЪ.

Однако же для славы....

МИЛОНЪ.

Напротивъ, я держу для маленькой забавы,
И въ полѣ не могу быть больше трехъ часовъ.

ОХОТНИКЪ.

О! не охотникъ вы, я вижу ужъ изъ словъ.
А у меня, сударь, собакъ различны стаи,
На полверсты для нихъ поварни и сараи.
Скажу не хвастовски, по истинѣ прямой,
Въ Европѣ, думаю, охоты нѣтъ такой,
Какіе мастера изъ гончихъ, удалые!
А изъ борзыхъ, скажу я словомъ: всѣ — лихія,
Ста тысячъ не возьму за этихъ я собакъ.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

Ну долго ль мнѣ еще быть слушателемъ вракъ?

ОХОТНИКЪ.

Позвольте вамъ сказать, вы въ свѣтѣ не живете.
(*Милонъ смѣется*)
Сурьезно, — какъ же вы собакъ не заведете?
Охоты можетъ ли пріятнѣе что быть?

МИЛОНЪ.

Пріятность ищетъ всякъ по чувствамъ находить.

ОХОТНИКЪ (*язвительно.*)

Конечно. Но скажу: собака много значитъ.
Теперь о кобелѣ сосѣдъ мой горько плачетъ,
А дѣлать нечего, придется отдавать!
Признаться, кстати я умѣлъ его прижать.

Представьте: по уши въ сестру мою влюбился,
Сталъ свататься — тутъ я за дѣло спохватился:
Кондицію ему: иль кобеля отдать,
Или сестру мою вовѣки не видать.
И такъ, сударь, теперь не знаетъ чѣмъ рѣшиться:
Жениться хочется, съ собакой жаль проститься.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ въ этомъ женихѣ надежда не мала.

ОХОТНИКЪ (*ходя по театру.*)

Эхъ, милая! — теки! . . . . причуй! . . . . причуй! . . . .
дошла! . . . .
Ату его! . . . . ату! (*хлопаетъ арапникомъ.*)

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ прямо сумасшедшій.

ОХОТНИКЪ.

Охъ, сколько затравилъ я осенью прошедшей . . . .

МИЛОНЪ (*перебивая.*)

Позвольте . . . . гдѣ, сударь, изволите служить?

ОХОТНИКЪ (*смѣется.*)

Служить! дурачиться! оставьте говорить
Объ этомъ.

МИЛОНЪ (*важно.*)

Почему жъ?

ОХОТНИКЪ.

Тѣ ходятъ съ орденами,
А ты щелкай въ зубки, — спасибо!

МИЛОНЪ (*не выдержа.*)

Между нами
Позвольте вамъ сказать: вы врете, сударь, вздоръ.

ОХОТНИКЪ.

Какъ смѣли вы сказать такъ грубо, — я маіоръ.

МИЛОНЪ.

Тѣмъ хуже все для васъ: кто чести носитъ знаки,
Тотъ долженъ разбирать, что̀ люди, что̀ собаки.
Когда желаете вы титло славы несть,
Трудомъ и ревностью возможно пріобрѣсть....

ОХОТНИКЪ.

Да что вы учите! я, право, не ребенокъ.

МИЛОНЪ (*не слушая.*)

Стыдитеся, сударь, — давно ли изъ пеленокъ, —
Въ отставкѣ.... и маіоръ.

ОХОТНИКЪ

Да вы въ отставкѣ самъ.

МИЛОНЪ.

И на это, сударь, тотчасъ отвѣтъ я дамъ:
Оставилъ службу я, — но цѣль тому иная,
Обязанность въ душѣ всечасно сохраняя,
Соотчичамъ моимъ хочу полезенъ быть,
Порочному глаза стараюсь я открыть,
Достойному — воздать желаю прославленье,
Примѣръ несчастія представить въ утѣшенье,
И если бы успѣлъ въ намѣреніи томъ....

ОХОТНИКЪ.

За тронутую честь — заплатишь ты мнѣ лбомъ!

Увидишь ты, кто я, узнаешь что я значу;
Но жаль, что попусту слова свои лишь трачу.

МИЛОНЪ (*холодно.*)

Но надо ихъ беречь.

ОХОТНИКЪ.

Въ минуту къ вамъ явлюсь (*уходитъ.*)

МИЛОНЪ (*ей слѣдъ.*)

Не заяцъ я, мой другъ, и треску не боюсь.

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МИЛОНЪ.

О, праздность! сладкая для чувствія отрава.
Пороки наши всѣ — одна тебѣ забава;
Лишаешь чести насъ и истину претишь,
Къ погибели одной ты каждаго стремишь.
Лѣнтяй, средь юности, среди поры цвѣтущей
Забывъ свои права, забывъ, что врагъ онъ сущій,
Когда отечеству не мнитъ полезнымъ быть, —
Въ отставку ужъ идетъ — хозяйство сохранить,
Иль въ кроткой тишинѣ свободой наслаждаться,
Для сердца и ума изящнымъ заниматься, —
Не правда, — для того: пожить лишь для себя.
О, бѣдный!... эта мысль достойная тебя.
Какая жизнь! всѣ дни за зайцами гоняться,
Злословить цѣлый свѣтъ, борзыми восхищаться, —
Нѣтъ, юный человѣкъ! прости, я мыслю такъ:
Не для себя живешь, — живешь ты для собакъ.

=

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МИЛОНЪ и ОХОТНИКЪ *(въ плащѣ и имѣя на головѣ нахлобученную шляпу.)*

ОХОТНИКЪ.

Ступай и кровію омой пятно обиды!

МИЛОНЪ (*покойно.*)

Пойдемъ; но смерть искать — тебѣ какіе виды?
Какая разница, умрешь или побѣдишь?
Ты, все равно — себя въ погибель погрузишь...

ОХОТНИКЪ.

Ни слова! — и пойдемъ.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

О, молодость! о, нравы!
Постой же, отучу отъ модной я забавы.
(*Охотнику грозно.*)
Ступай! когда ты такъ отмщать обиды скоръ.

ОХОТНИКЪ (*сбрасывая плащъ съ себя.*)

Довольно, — я, сударь, есть самый тотъ актеръ,
Который чрезъ письмо служить вамъ обязался.

МИЛОНЪ *(въ удивленіи.)*

Вы шутите!

АКТЕРЪ.

Никакъ! и я же къ вамъ являлся
Никитой Силичемъ, а послѣ Нѣмкой былъ,
Потомъ Подьячимъ — къ вамъ съ прошеньемъ приходилъ;
Груняшу сваталъ я, — тамъ пьянымъ былъ Солдатомъ,
А послѣ къ вамъ со всѣмъ моимъ пріѣхалъ штатомъ;

Вѣдь ты, я чай, слыхалъ, какъ некристь онъ ду-
шилъ....
Хоть правда, ужъ и тамъ мы пили горьку чашу,
Онъ самъ!.... вотъ командиръ! самъ ѣлъ солдатску кашу.
«Друзья, голубчики! старайтесь послужить,
Чтобъ нашей Матушкѣ-Царицѣ угодить.»
(*съ горячностью*)
А мы ему: — Отецъ! веди насъ за собою!
Готовы за Царя мы всѣ здѣсь лечь съ тобою.—
Ухъ! жаръ какой пошолъ... вотъ атакъ Туртукай,
(*ставитъ Милона на одну сторону театра*)
А мы къ нему: Ура! ура! бери, ломай!
Тотчасъ подъ ноготокъ.... чего жъ ты испугался?

МИЛОНЪ.

Да ты меня загналъ.

СОЛДАТЪ (*въ забывчивости.*)

Начто сопротивлялся.
Однако же какъ разъ прошла вся кутерьма,
Ворота отворилъ какой-то намъ чалма.
Вотъ тутъ-то мы уже пошли и завеличались!
(*Напѣвая, ходитъ по театру.*)

МИЛОНЪ.

И этимъ подвиги твои всѣ окончались?

СОЛДАТЪ.

Куда тебя несетъ! Ахъ, жаль, домой пора:
Хозяйка у меня брюзглива и стара
Запретъ ворота.

МИЛОНЪ.

Ну, прощай мой другъ любезный!
Всегда ходи ко мнѣ: тебѣ ужъ путь извѣстный,
И ты пріятель мнѣ.

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, другомъ быть хочу!
Прости комедіантъ; теперь я замолчу,
Но только не забудь Серёгу ты солдата,
А я тебя люблю .... вотъ истинно — какъ брата!
Эхъ не потѣшилъ ты похмѣльной мой угарь.

МИЛОНЪ.

Прости почтенный мой!

СОЛДАТЪ.

Прощай! прощай фигляръ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МИЛОНЪ (*одинъ.*)

Солдатъ мнѣ новое надѣлалъ безпокойство,
Въ немъ прямо русское, похвальное все свойство...
Но цѣну мы его готовы забывать;
Стремимся за моря — не зная что искать!
Безъ воспитанія, безъ примѣси искусства,
Какъ чистый токъ воды, его ліются чувства;
На полѣ брани звѣрь, а дома человѣкъ,
Идущій той стезей, что̀ Богъ ему предрекъ.
И просвѣщеніе, конечно, не химера,

Но надобны всему и счетъ, и вѣсъ, и мѣра.
(*слышенъ шумъ за кулисами*)
Мнѣ слышится, что шумъ? (*кличетъ*) эй!

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МИЛОНЪ и АЛЕКСѢЙ.

МИЛОНЪ (*Алексѣю.*)

Что у васъ за споръ?

АЛЕКСѢЙ.

Чего, сударь, у насъ набитъ гостями дворъ.
Какой-то господинъ пріѣхалъ къ намъ съ охоты,
Собаки да псари....

МИЛОНЪ.

Тебѣ-то что жъ заботы?

АЛЕКСѢЙ.

Мнѣ что заботиться? да жаль его людей:
Онъ всѣхъ перекомшитъ, озлился будто змѣй!

МИЛОНЪ (*усмѣхаясь.*)

И важная весьма, я думаю, причина?

АЛЕКСѢЙ.

Объ зайцахъ споръ идетъ.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Досужій онъ дѣтина:
Чтобы не вышло тутъ еще какой бѣды.
(*Ему*)
Поди, проси его пожалуйста сюды. (*Алексѣй уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

МИЛОНЪ (*одинъ.*)

Не знаю, кто бъ такой пожаловалъ съ охоты?
Но только разговоръ нашъ будетъ съ нимъ — зѣ-
воты.
Объ зайцахъ для меня матерія суха,
А имъ всѣмъ нравится такая чепуха.
Смѣшно смотрѣть, когда охотники сберутся:
Крикъ, споры разные, и чуть не подерутся.
А мнѣ одно свое: — театръ съ ума нейдетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МИЛОНЪ и ОХОТНИКЪ.

ОХОТНИКЪ (*оборотясь къ кулисамъ.*)

Нѣтъ! нѣтъ! мой другъ, тебѣ то даромъ не прой-
детъ,
Стремяннаго хочу имѣть, а не скотину;
Обругу завтра же — сведите на осину.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ строгой приговоръ!

ОХОТНИКЪ (*ему.*)

Позвольте васъ спросить:
Съ хозяиномъ я честь имѣю говорить?

МИЛОНЪ.

Такъ точно.

ОХОТНИКЪ.

Я, сударь, прошу у васъ прощенья,
Что безпокою васъ.

МИЛОНЪ.

Оставьте извиненья.
Позвольте лишь узнать, кто вы?

ОХОТНИКЪ.

Знать нужно вамъ!
Сломиголовниковъ.

МИЛОНЪ (*сухо.*)

Рекомендуюсь самъ.

ОХОТНИКЪ.

Извольте видѣть вы: я въ полѣ двѣ недѣли....
Но множествомъ своимъ мнѣ зайцы надоѣли;
Скажу, что мѣсто ужъ! — какіе острова!...

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Ну, видно, братъ, что ты пустая голова.

ОХОТНИКЪ.

Я слышу ото всѣхъ, что вы страннопріимецъ.

МИЛОНЪ.

Я добрымъ людямъ радъ.

ОХОТНИКЪ.

Сто зайцевъ вамъ въ гостинецъ!
Вы, безъ сомнѣнія, имѣете собакъ?

МИЛОНЪ.

Имѣю, пять, шесть.

ОХОТНИКЪ.

О! вы шутите?

МИЛОНЪ.

Никакъ.
До нихъ не страстенъ я.

ОХОТНИКЪ.

Однако же для славы....

МИЛОНЪ.

Напротивъ, я держу для маленькой забавы,
И въ полѣ не могу быть больше трехъ часовъ.

ОХОТНИКЪ.

О! не охотникъ вы, я вижу ужъ изъ словъ.
А у меня, сударь, собакъ различны стаи,
На полверсты для нихъ поварни и сараи.
Скажу не хвастовски, по истинѣ прямой,
Въ Европѣ, думаю, охоты нѣтъ такой,
Какіе мастера изъ гончихъ, удалые!
А изъ борзыхъ, скажу я словомъ: всѣ — лихія,
Ста тысячъ не возьму за этихъ я собакъ.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

Ну долго ль мнѣ еще быть слушателемъ вракъ?

ОХОТНИКЪ.

Позвольте вамъ сказать, вы въ свѣтѣ не живете.
(*Милонъ смѣется*)
Сурьезно, — какъ же вы собакъ не заведете?
Охоты можетъ ли пріятнѣе что быть?

МИЛОНЪ.

Пріятность ищетъ всякъ по чувствамъ находить.

ОХОТНИКЪ (*язвительно.*)

Конечно. Но скажу: собака много значитъ.
Теперь о кобелѣ сосѣдъ мой горько плачетъ,
А дѣлать нечего, придется отдавать!
Признаться, кстати я умѣлъ его прижать.

Представьте: по уши въ сестру мою влюбился,
Сталъ свататься — тутъ я за дѣло спохватился:
Кондицію ему: иль кобеля отдать,
Или сестру мою вовѣки не видать.
И такъ, сударь, теперь не знаетъ чѣмъ рѣшиться:
Жениться хочется, съ собакой жаль проститься.

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ въ этомъ женихѣ надежда не мала.

ОХОТНИКЪ (*ходя по театру.*)

Эхъ, милая! — теки! .... причуй! .... причуй! ... дошла! ....
Ату его! .... ату! (*хлопаетъ арапникомъ.*)

МИЛОНЪ (*про себя.*)

Вотъ прямо сумасшедшій.

ОХОТНИКЪ.

Охъ, сколько затравилъ я осенью прошедшей ....

МИЛОНЪ (*перебивая.*)

Позвольте .... гдѣ, сударь, изволите служить?

ОХОТНИКЪ (*смѣется.*)

Служить! дурачиться! оставьте говорить
Объ этомъ.

МИЛОНЪ (*важно.*)

Почему жъ?

ОХОТНИКЪ.

Тѣ ходятъ съ орденами,
А ты щелкай въ зубки, — спасибо!

МИЛОНЪ (*не выдержа.*)

Между нами
Позвольте вамъ сказать: вы врете, сударь, вздоръ.

ОХОТНИКЪ.

Какъ смѣли вы сказать такъ грубо, — я маіоръ.

МИЛОНЪ.

Тѣмъ хуже все для васъ: кто чести носитъ знаки,
Тотъ долженъ разбирать, что̀ люди, что̀ собаки.
Когда желаете вы титло славы несть,
Трудомъ и ревностью возможно пріобрѣсть....

ОХОТНИКЪ.

Да что вы учите! я, право, не ребенокъ.

МИЛОНЪ (*не слушая.*)

Стыдитеся, сударь, — давно ли изъ пеленокъ, —
Въ отставкѣ.... и маіоръ.

ОХОТНИКЪ

Да вы въ отставкѣ самъ.

МИЛОНЪ.

И на это, сударь, тотчасъ отвѣтъ я дамъ:
Оставилъ службу я, — но цѣль тому иная,
Обязанность въ душѣ всечасно сохраняя,
Соотчичамъ моимъ хочу полезенъ быть,
Порочному глаза стараюсь я открыть,
Достойному — воздать желаю прославленье,
Примѣръ несчастія представить въ утѣшенье,
И если бы успѣлъ въ намѣреніи томъ....

ОХОТНИКЪ.

За тронутую честь — заплатишь ты мнѣ лбомъ!

Увидишь ты, кто я, узнаешь что я значу;
Но жаль, что попусту слова свои лишь трачу.

МИЛОНЪ (*холодно.*)

Но надо ихъ беречь.

ОХОТНИКЪ.

Въ минуту къ вамъ явлюсь (*уходитъ.*)

МИЛОНЪ (*въ сльдъ.*)

Не заяцъ я, мой другъ, и треску не боюсь.

═

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МИЛОНЪ.

О, праздность! сладкая для чувствія отрава.
Пороки наши всѣ — одна тебѣ забава;
Лишаешь чести насъ и истину претишь,
Къ погибели одной ты каждаго стремишь.
Лѣнтяй, средь юности, среди поры цвѣтущей
Забывъ свои права, забывъ, что врагъ онъ сущій,
Когда отечеству не мнитъ полезнымъ быть, —
Въ отставку ужъ идетъ — хозяйство сохранить,
Иль въ кроткой тишинѣ свободой наслаждаться,
Для сердца и ума изящнымъ заниматься, —
Не правда, — для того: пожить лишь для себя.
О, бѣдный!... эта мысль достойная тебя.
Какая жизнь! всѣ дни за зайцами гоняться,
Злословить цѣлый свѣтъ, борзыми восхищаться, —
Нѣтъ, юный человѣкъ! прости, я мыслю такъ:
Не для себя живешь, — живешь ты для собакъ.

═

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МИЛОНЪ и ОХОТНИКЪ *(въ плащѣ и имѣя на головѣ нахлобученную шляпу.)*

ОХОТНИКЪ.

Ступай и кровію омой пятно обиды!

МИЛОНЪ (*покойно.*)

Пойдемъ; но смерть искать — тебѣ какіе виды?
Какая разница, умрешь или побѣдишь?
Ты, все равно — себя въ погибель погрузишь...

ОХОТНИКЪ.

Ни слова! — и пойдемъ.

МИЛОНЪ (*въ сторону.*)

О, молодость! о, нравы!
Постой же, отучу отъ модной я забавы.
(*Охотнику грозно.*)
Ступай! когда ты такъ отмщать обиды скоръ.

ОХОТНИКЪ (*сбрасывая плащъ съ себя.*)

Довольно, — я, сударь, есть самый тотъ актеръ,
Который чрезъ письмо служить вамъ обязался.

МИЛОНЪ *(въ удивленіи.)*

Вы шутите!

АКТЕРЪ.

Никакъ! и я же къ вамъ являлся
Никитой Силичемъ, а послѣ Нѣмкой былъ,
Потомъ Подьячимъ — къ вамъ съ прошеньемъ приходилъ;
Груняшу сваталъ я, — тамъ пьянымъ былъ Солдатомъ,
А послѣ къ вамъ со всѣмъ моимъ пріѣхалъ штатомъ;

Теперь вы можете по опыту судить,
Гожусь ли я, или нѣтъ, — актеромъ вашимъ быть?

МИЛОНЪ.

Актеромъ ли однимъ,— моимъ быть другомъ вѣчно!
(цѣлуя его.)

АКТЕРЪ.

За милость вашу я обязанъ вамъ сердечно.

МИЛОНЪ.

О, я теперь горжусь, иду со всѣми въ споръ,
Что славный у меня по опыту актёръ.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ТРИ БРАТА-ЧУДАКА.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

ТРИ БРАТА-ЧУДАКА.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

—

Говорятъ, что будто въ свѣтѣ
Поубавилося дивъ. —
Мало ль ихъ на сей планетѣ?
Этотъ слухъ несправедливъ.
Нѣтъ чудеснаго! забавно!
Кто намъ это выдаетъ,
Видно, очень неисправно
Хронологію ведетъ.
Въ дивахъ нѣтъ здѣсь недостатку;
Скажутъ, что плету я гиль,
Слушать чуръ! я по порядку
Разскажу не ложь. а быль:
Жилъ богачъ одинъ въ семъ мірѣ....
Гдѣ бишь это? ....Позабылъ!
Ну! положимъ, хоть въ Сибирѣ,
Все равно, гдѣ бъ онъ ни жилъ,

Только жилъ не такъ-то честно;
Также люди говорятъ:
Царствіе ему небесно! —
Былъ покойникъ глуповатъ,
Да завидливъ былъ немножко,
Благодарность плохо зналъ,
Ни полушки за окошко
Бѣдняку не подавалъ.
Безъ порока есть ли люди?
Впрочемъ, изжилъ весь свой вѣкъ, —
Онъ не тѣмъ помянутъ буди! —
Словно честной человѣкъ.
У него была супруга;
Съ ней своя бывала блажь,
Въ нравахъ стоили другъ друга —
Препарядный былъ марьяжъ!
Авантажною фигурой
Не была сія жена,
Но такой архитектурой
Врядъ другая создана.
Люди сущіе тираны,
Про подобныхъ врутъ людей;
Говорятъ, будто въ приданы —
Привела она дѣтей....
Оклевещутъ люди смѣло,
Лишь за правду я стою;
И кому какое дѣло?
Всякой долю знай свою!
У четы сей пресловутой
Было трое сыновей;
Каждый былъ пузырь надутый,

Урожденный дуралей.
По-французски говорили,
Одѣвались франтовски, —
Вотъ достоинства ихъ были!
Впрочемъ, дерева куски!
Разумъ нуженъ ли богатымъ?
Надобно и то сказать:
Вѣдь не стилемъ кудреватымъ
Хлѣбъ себѣ имъ доставать;
Позабылъ я двухъ — какъ звали;
Средній, помню, Емельянъ.
Какъ бы ихъ ни величали,
Дѣло намъ не до имянъ.
Вдругъ Сатурнъ злой размахался
Роковой своей косой ....
Просто молвить — что скончался
Ихъ родитель дорогой, —
Тутъ-то радость и веселье
Наступаетъ для дѣтей:
Имъ отецъ, какъ злое зелье,
Надоѣлъ брюзгой своей.
Но собравшись для обряду,
И надѣвши трауръ свой,
Чтобъ поплакать, для параду —
Подрались между собой.
Мать приходитъ, — суетится, —
Унимаетъ горесть ихъ;
«Полно, дѣтушки, крушиться!
«Берегите глазъ своихъ. —
«Вы умны — вамъ что калякать?
«Всѣхъ застигнетъ смертный часъ. — »

«— Какъ намъ, матушка, не плакать? —
Ты одна теперь у насъ. — »
Дѣло кончено, — зарыли
И отца, и ...грусть свою,
Ночь насквозь всю прокутили.
Лишь заря — они къ ружью....
Тотчасъ въ матушкину спальню
Безъ докладу ворвались:
«Полно роль играть печальну!
«Ну, родная, развернись!
«Отопри-ка кладовыя,
«Да деньжонокъ выдай намъ. — »
Нѣтъ, любезные — родные!
До шести недѣль не дамъ.
Я своихъ словъ не нарушу,
А поминки отойдутъ,
И покойникову душу
По мытарствамъ проведутъ —
Ну тогда.... — «Чтобъ ждать наслѣдства?
Закричали чудаки, —
И нашли другія средства,
То есть, сбили всѣ замки. —
Въ мигъ сокровища открылись;
Бездна золота блеститъ!
Тутъ-то витязи пустились....
Кто что схватитъ, то тащитъ;
Зеркала со стѣнъ летаютъ;
Тамъ фарфоръ и люстры бьютъ,
Тамъ уборы обдираютъ,
Тамъ дерутся, тамъ поютъ.
Отличаются герои! —

Только пыль идетъ столбомъ!
При сосженьи древней Трои
Врядъ ли былъ такой содомъ!
Ни минуты не теряли
Для своихъ полезныхъ дѣлъ,
Все, что надо, сработали;
Тотчасъ кончили раздѣлъ.
Ухватя наслѣдства долю
Сговорились всѣ бѣжать,
Чтобъ, свою наживши волю,
Лучше было имъ мотать.

Старшій братецъ начинаетъ
Жить въ веселостяхъ своихъ:
Табуны собакъ скупаетъ
Датскихъ, гончихъ и борзыхъ;
Дни проводитъ на сараѣ;
Шьётъ ошейники для нихъ,
И, начальствуя въ той стаѣ,
Бьетъ и вѣшаетъ иныхъ.
То на кровлю взгромоздится,
А наскучитъ тамъ сидѣть,
На кулачки станетъ биться,
Въ путь-дороженьку глазѣть;
Иногда спускаетъ змѣи,
Иль звонитъ въ колокола,
Мужикамъ стрижетъ тупеи,
Иль обрѣетъ до-гола.

Братъ меньшой его проказилъ
Точно такъ же, какъ и тотъ,

По деревьямъ часто лазилъ,
Или, стоя у воротъ,
Всѣхъ дразнилъ, кривляя рожу,
И, дурачась на-подрядъ,
Надѣвалъ медвѣжью кожу —
Бабъ пугалъ, стращалъ робятъ;
Въ городки игралъ, и въ бабки,
По ночамъ кралъ голубей,
И срывалъ съ прохожихъ шапки,
Словомъ — диво-чудодѣй!

Всѣхъ отличнѣй былъ середній,
Славный витязь, Емельянъ,
Шутъ и этотъ не послѣдній —
Только не былъ онъ буянъ,
И такихъ, какъ тѣ, игрушекъ
Никогда терпѣть не могъ;
Но весь день стрѣлялъ изъ пушекъ,
Или фейерверки жогъ;
Городки и батареи
Безпрестанно строилъ онъ;
А прискучатъ тѣ затѣи, —
Воевалъ онъ — на воронъ;
Въ шлемъ и латы наряжался,
Штурмовалъ свой огородъ;
И на копіяхъ сражался,
Будто рыцарь дон-Кишотъ!

Вздумалъ братъ большой жениться,
Началъ свадьбу затѣвать, —
И меньшой успѣлъ влюбиться;

Чтожъ середнему зѣвать?
Онъ находитъ также пару;
Хочетъ мужемъ быть, простякъ! —
Отъ любовнаго угару
Всѣ женились — кое-какъ;
Тутъ-то началась потѣха!
Кто бъ ни вздумалъ описать,
Вѣрно былъ бы безъ успѣха
Ихъ проказы передать. —
Жены бѣдныя страдаютъ,
А мужья-глупцы — кутятъ,
Въ шутку пивомъ обливаютъ,
Иль усы имъ приклеятъ,
Или мучатъ на качелѣ,
Какъ бѣдняжки ни кричатъ;
Иль уйдутъ, — и по недѣлѣ
Ихъ домой не залучатъ.

Старшій къ картамъ пристрастился,
У меньшаго тотъ же бредъ;
Не раздумавши пустился
И Емелюшка имъ въ слѣдъ;
По носкамъ сперва играли,
Послѣ въ горку, — тамъ въ юрдонъ,
А впослѣдствіи узнали
И всеспльный фараонъ!
Тутъ пріятели нашлися,
Стали дружески играть....
Молодцы какъ разочлися,
Анъ и карты проклинать!
«Только намъ бы отыграться,

Разсуждали межъ собой; —
«Ужъ не станемъ мы пускаться
«Никогда въ картежный бой.
Вновь ребята пошалили,
Но фортуна не везетъ;
Тысячъ по сту съ рукъ спустили, —
Пуще ихъ задоръ беретъ!

Между тѣмъ съ своей женою
Поразладилъ братъ большой:
«Скучно — думаетъ — съ одною
«Цѣлой вѣкъ коротать свой.
А прослышавъ нову моду,
Что большіе господа
Просятъ въ первый годъ разводу —
Безъ зазрѣнья, безъ стыда,
По приказному порядку,
Приложивши на расходъ
Бѣлыхъ листиковъ тетрадку,
Онъ пускаетъ просьбу въ ходъ.
Въ прошлый вѣкъ дѣльцы бывали,
И законы подвели;
Просьбу мужа оправдали,
Приказали, — развели....

Тутъ жена меньшаго брата
Предъ присутственнымъ столомъ,
Убѣгая отъ разврата,
О разводѣ бьетъ челомъ.
Не замедлилось рѣшенье, —
Мужни собраны вины,

Внесены въ опредѣленье,
Чтобъ уволить отъ жены. —
Рады модные ребята,
Что избавились отъ нихъ,
Не велика эта трата —
Много женъ есть у другихъ....

Емельянъ нашъ разсуждаетъ:
«Какъ отъ братьевъ мнѣ отстать?»
Тотчасъ въ мысляхъ онъ рѣшаетъ
Также просьбу подавать.
Подаетъ, и проситъ смѣло
Для компаніи разводъ.
Правосудіе узрѣло,
Что Емеля, просто, врётъ,
И притомъ не представляетъ
Документовъ, такъ какъ братъ;
Просьбу эту возвращаетъ
Съ полной надписью назадъ.
Такъ все дѣло повершили....
Но пора и замолчáть;
Чудаки по смерть кутили,
Да всего не разболтать.

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 399
PG
3337
N2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.